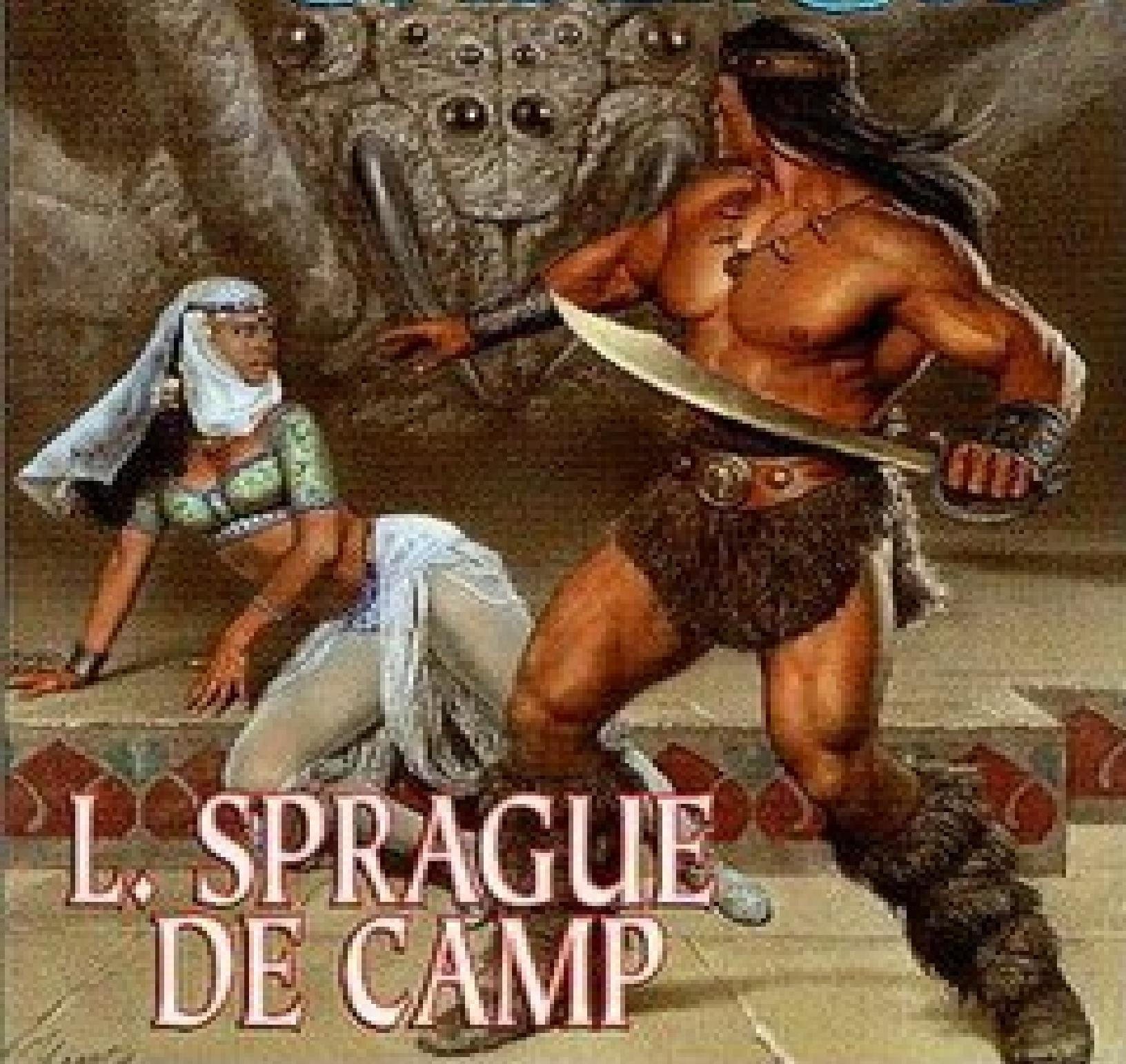

CONAN AND THE SPIDER GOD

L. SPRAGUE
DE CAMP

Annotation

Йезуд, город, поклоняющийся богу-пауку, трепещи в ожидании Конана-варвара! Неважно, что он принял имя Ниала, солдата удачи, и вынужден действовать тайно. Встреча с Зацом, богом пауков, неизбежна! Выйдет ли Конан из подземелий храма живым?..

- [Лайон Спрэг де Камп и Лин Картер](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
-

**Лайон Спрэг де Камп и Лин Картер
«Подземелье смерти» (=«Конан и Бог-
Паук»)**

Глава 1

ПОРОК И СМЕРТЬ

Высокого роста воин, почти великан, неподвижно стоял в сумеречном дворике. Туранка уже зажгла в окне свечу в знак того, что путь свободен, и для него, горца, детской забавой было вскарабкаться по стене — но воин ждал. Он не желал, чтобы его схватили на полпути цепляющегося за плющ, который разросся на стенах старинного дома. Городская стража, конечно, навряд ли задержит надолго офицера короля Йилдиза, но слух о проделке достигнет ушей покровителя Наркии. А покровитель Наркии — не кто иной, как господин Оркан, старший капитан королевской гвардии.

Конан-киммериец, капитан королевской гвардии, пристально всматривался в небо зоркими голубыми глазами: полная луна уже серебрила купола и башни Аграпура. К ней приближалось облако, однако сей несомый ветром галеон не годился для целей Конана. Пока луна будет скрыта, он успеет вскарабкаться по плющу только до половины стены. Но за первым облаком, с радостью заметил Конан, плыло другое, более крупное.

Когда луна спряталась за большим густым облаком, Конан закинул перевязь с мечом за плечи. Скинув сандалии, он заткнул их за пояс и, обвив руками и ногами твердую узловатую лозу, стал взбираться проворно, будто кошка.

Над погруженными во тьму шпилями и городскими крышами стояла мертвая тишина, изредка нарушенная чьими-нибудь торопливыми шагами. Облако, окаймленное серебром, медленно проплывало мимо. Ветерок слегка взъерошил густые черные волосы Конана, и по телу пробежала легкая дрожь. Он вспомнил слова астролога, с которым советовался три дня назад.

— Остерегись предпринимать что-либо в ближайшее полнолуние, — предупредил его седобородый мудрец. — Расположение звезд показывает, что твой поступок чреват внезапными переменами судьбы.

— К худшему или к лучшему?

Сидящий перед ним в цветном халате астролог пожал костлявыми плечами:

— Об этом звезды молчат, можно только сказать, что перемены будут самыми крутыми. Жизнь твоя потечет совсем иначе.

— Скажи хотя бы, удастся ли мне осуществить свою затею?

— Не знаю, капитан. Звезды не суют тебе ничего доброго, и потому жди, скорее, краха.

Конан, недовольный этим мало вдохновляющим предсказанием, расплатился и ушел. Он верил в магию и чародейство, но допускал, что предсказатели могут ошибаться. Среди них встречаются и обманщики, и малосведущие люди, как и среди представителей любой другой профессии. Вот почему, когда Наркия прислала ему записку, в которой сообщала, что ее покровитель в отъезде, Конан не стал прислушиваться к советам астролога.

Свеча исчезла, и окно со скрипом растворилось. Киммериец ловко прополз вовнутрь и, соскользнув, вскочил на ноги. С жадностью глядел он на стоящую перед ним туранку.

Черные волосы водопадом лились по нежным плечам Наркии, и сияние свечи, которую она переставила на табурет, озарило великолепное тело под полупрозрачным халатом лилового шелка.

— Вот и я, — пробормотал Конан.

Наркия взглянула на рослого силача в дешевой шерстяной тунике и широких заплатанных панталонах, и глаза ее засияли от удовольствия.

— Я ждала тебя, Конан. — Она протянула руки ему навстречу. — Хотя, по правде, не думала, что ты оденешься как конюх. Где же твой роскошный, кремовый с алым, мундир и сапоги с серебряными шпорами?

— Я не счел разумным надевать их сегодня вечером, — резко ответил Конан, снимая через голову перевязь и беспечно опуская ее на ковер. Лицо киммерийца, обрамленное густой черной шевелюрой, было смуглым и иссеченным шрамами, голубые глаза глубоко сидели под тяжелыми черными бровями. Хотя юноше было чуть больше двадцати, выглядел он значительно старше, так как суровая, полная опасностей жизнь до времени сделала его зрелым, бывалым человеком.

С тигриной ловкостью Конан скользнул вперед, обнял куртизанку коричневыми от загара руками и повлек к кровати. Но Наркия уперлась ладонями в широченную грудь киммерийца.

— Погоди! — выдохнула она. — Какие вы, варвары, необузданые. Нужно сначала отметить наше знакомство. Сядь и выпей глоток вина.

— Что ж, если так надо, — проворчал Конан — на гирканийском он говорил с жестким варварским акцентом. С неохотой Конан сел на табурет и в три глотка осушил предложенный бокал золотистой влаги.

— Спасибо, девочка, — пробормотал он, ставя пустой бокал на маленький столик.

— Да ты и в самом деле дикарь, капитан Конан! Превосходное вино из Иранистана нужно отпивать маленькими глотками, медленно смакуя, а не

вливая в глотку, как горькое пиво. Станешь ли ты когда-нибудь цивилизованным?

— Сомневаюсь, — буркнул Конан. — Ваша так называемая цивилизация за все эти годы, что я здесь болтаюсь, не вызвала у меня особой любви.

— Зачем же ты живешь в Туране? Мог бы вернуться на родину, к своим соплеменникам.

Криво усмехнувшись, Конан поднял руки и, сплетя пальцы за головой, прислонился к увешанной коврами стене.

— Почему я живу здесь? — Он пожал плечами. — Здесь больше платят, что ни говори; есть на что посмотреть, чем заняться. Жизнь в киммерийской деревушке довольно скучная, если не считать соседских сор и войн меж кланами. Но что это там?

На лестнице послышались шаги и звон шпор; дверь резко распахнулась. В дверях стоял старший капитан Оркан, в мундире и витом шлеме, с разинутым от удивления ртом. Оркан, высокий, с ястребиными чертами лица, был не столь массивен, как Конан, но крепок и увертлив, несмотря на то, что седина уже тронула его коротко стриженную черную бороду. Когда капитан Оркан понял, что происходит, лицо его побагровело от ярости.

— Ах вот как! — прорычал он. — Хозяин из дому...

Рука его потянулась к сабле.

Едва дверь открылась, Наркия бросилась на кровать. Не дослушав Орканна, она закричала:

— Спасите! Насилуют! Этот дикарь угрожал, что убьет меня!

Конан в замешательстве смотрел то на Наркию, то на Орканна, но растерянность его длилась недолго. Не дожидаясь, пока Оркан вытащит саблю из ножен, киммериец вскочил, схватил табурет и швырнул его в противника. Тяжелый табурет угодил в живот туранцу, капитан Оркан пошатнулся. Тем временем Конан наклонился и подхватил ножны с мечом, что лежал на полу. Когда Оркан пришел в себя, Конан был уже вооружен.

— Хвала Эрлику, ты вернулся, господин! — вопила Наркия, съежившись на кровати. — А не то бы он...

Капитан словно вихрь налетел на Конана. Киммериец с мрачным упорством отражал его удары. Звенели клинки, высекая искры. Противники рубили сплеча — и ловко ставили защиту. Правда, кривая сабля Орканна не годилась для прямого колющего удара.

— Остановись, осел! — прорычал Конан. — Женщина лжет! Она позвала меня сюда, и мы еще...

Наркия провизжала что-то, слов Конан не сумел разобрать. Оркан усилил атаку, и в жилах Конана вскипела ярость. Киммериец стремительно атаковал Оркана — и тот отступил, тяжело дыша. На миг утратил бдительность, и меч Конана, пропоров звенья кольчуги, вонзился туранцу в бок. Оркан пошатнулся, выронил оружие и схватился за рану — кровь проступила меж пальцев. Еще один разящий удар — и клинок меча погрузился в шею Оркана. Капитан рухнул и, дернувшись, замер. На ковре расплылись темные пятна крови.

— Ты убил его! — завизжала Наркия. — Тугрил снимет с тебя за это голову. Почему ты не ударил плашмя?

— Защищая жизнь, — буркнул Конан, — не станешь взвешивать каждый удар, как аптекарь лекарство. Ты тоже виновата. Зачем закричала, что тебя насилиют?

Наркия пожала плечами, лукаво улыбнувшись:

— Я не знала, кто из вас победит. Если бы он убил тебя, он убил бы и меня — в отместку за измену.

— Вот она, ваша цивилизация! — презрительно фыркнул Конан.

Прежде чем надеть перевязь, он круто повернулся и шлепнул Наркию по бедру ножнами. Женщина взвизгнула от боли, в глазах ее стоял ужас.

— Не будь ты бабой, — прорычал Конан, — тебе бы несдобровать. Выжди час, прежде чем поднимать переполох. А иначе...

Оскалившись, киммериец чиркнул пальцем по горлу и ринулся к окну. Вскоре он уже спускался вниз по плющу, вослед ему неслись проклятия Наркии.

* * *

Лико из Хоршемиша, лейтенант королевской легкой кавалерии, наигрывал на флейте грустную мелодию, когда Конан ворвался в их комнату на улице Мэйпур. Мимоходом поздоровавшись, Конан быстро переоделся в офицерский мундир. Расстелив на полу одеяло, он покидал на него свои скучные пожитки. Отперев сундук, Конан достал оттуда кошелек с золотом.

— Куда это ты? — спросил Лико, плотный смуглокожий юноша, примерно одних лет с Конаном. — Похоже, сматываешь удочки. За тобой гонятся?

— Да, надо торопиться, — буркнул Конан.

— А что ты натворил? Проник в королевский гарем? Давно ли ты

получил отличное назначение — и вот уже все бросаешь!

Поколебавшись, Конан ответил:

— Ладно уж, скажу тебе, в чем дело. Ведь я успею ускакать далеко, прежде чем ты меня заложишь.

Лико принял было горячо протестовать, но Конан остановил его:

— Я пошутил, Лико. Я только что убил Оркана.

Вкратце Конан пересказал все, что с ним случилось.

Лико присвистнул:

— Ну и кашу ты заварил! Верховный Жрец Эрлика не только его покровитель. Даже если бы король тебя простил, мести старого Тугрила не миновать.

— Знаю, — согласился Конан, стягивая концы одеяла в узел. — Вот почему я так спешу.

— Убил бы ты заодно и бабу — все сошло бы за воровство. Комар носа бы не подточил!

— Да, так поступил бы любой кофит, — съязвил Конан. — Но я еще недостаточно цивилизован, чтобы убивать подвернувшихся под руку женщин. Хотя, прожив еще пару лет здесь, в южных странах, возможно, научился бы.

— А пока, как узколобый варвар, ты попадаешь в одну ловушку за другой. Говорил же я тебе, что предзнаменования неблагоприятны, и к тому же я видел недобрый сон.

— Твой дурацкий сон никакого отношения ко мне не имеет. Подумаешь, какой-то чародей завладел драгоценным сокровищем! Тебе надо было стать гадателем, а не служакой, парень.

Лико поднялся с места:

— Дать тебе еще денег?

Конан покачал головой:

— Спасибо, здесь, в кошельке, достаточно, чтобы добраться до другого королевства. Хвала Крому, я сэкономил кое-что от жалованья. Если ты сумеешь затронуть нужные струны, Лико, тебя назначат на мое место.

— Возможно, но я предпочел бы не расставаться со своим другом-сопротивителем: некому теперь говорить мне гадости! Что отвечать на расспросы?

Конан помолчал, нахмутившись.

— Кром! Вот замысловатая штука! Наплели им, что я отправился с поручением нашего короля, — как называется небольшая страна южнее Кофа?

— Хауран?

— Точно. К королю Хаурана.
— Там у них не король, а королева.
— Значит, к королеве. Прощай, и в сражениях никогда не забывай прикрывать яйца.

Они попрощались коротко и грубо, на солдатский манер, похлопав друг друга по спине и ткнув кулаком в плечо. Конан вышел порывистым шагом, его шафрановый плащ на миг взметнулся словно крылья невиданной птицы.

* * *

Круглая луна, клонясь к закату, мирно лила свой свет на Западные Ворота Аграпура, когда Конан подскакал на своем боевом коне, вороном жеребце Эджиле. Пожитки киммерийца, увязанные в одеяло, были надежно прикреплены к задней луке седла.

— Открывайте! — крикнул Конан. — Королевский гвардеец с поручением от короля!

— Что за поручение, капитан? — спросил офицер стражи.

Конан достал пергаментный свиток.

— Послание от его величества к королеве Хаурана. Я должен срочно доставить его.

Пока солдаты, ворча, отворяли окованные бронзой дубовые ворота, Конан спрятал пергамент в кожаную сумку, свисавшую с пояса. Свиток на самом деле был кратким трактатом об искусстве владения мечом: Конан изучал этот трактат, чтобы расширить свои скучные познания в гирканийском письме. Он надеялся, что стражники не станут в него заглядывать. Да и навряд ли кто-то из них сумел бы прочесть свиток, тем более при свете фонаря.

Наконец ворота со скрипом распахнулись. Махнув на прощанье рукой, Конан пустил коня галопом. Он направился к широкому тракту, который в здешних краях назывался Королевской дорогой, нося помимо того еще много других названий. Королевская дорога вела на запад — к Заморе. Ночь была уже на исходе; Конан скакал, не меняя направления, вдоль полей пшеницы, вдоль роскошных пастбищ, где паслись стада овец и коров.

Не доехав Шадизара, столицы Заморы, нужно было свернуть на тропу ко взгорьям, прилегающим к Хаурану. Но Конан вовсе не собирался ехать в Хауран. Едва Аграпур исчез из виду, Конан свернул с дороги к

небольшой роще, окаймлявшей ручей. Недоступный взору случайного прохожего, он спешился, привязал лошадь, снял с себя красивый мундир и надел грубую куртку и простые кожаные штаны, в которых был при злополучном свидании с Наркией.

Переодеваясь, Конан клял себя, как безмозглого глупца. Лицо прав: какой же он дурак! Бабенка прислала ему записку, приглашая прийти, пока ее покровитель в Шапуре. Конан, которому прискучили шлюхи из таверны, возмечтал о любви куртизанки высшего ранга. Вдобавок киммерийца раззадоривала мысль, что он умыкнет девчонку у начальника едва ли не из-под самого носа. И вот из-за этого рухнула блистательная карьера! Ему и в голову не приходило, что Оркан может вернуться из Шапура раньше времени. Самое худшее, пожалуй, что он даже не испытывал вражды к старшему капитану; строгий был начальник, но справедливый...

В угрюмом расположении духа Конан развел тюрбан с остроконечного шлема, обмотал ленты вокруг головы наподобие зуагирской кафии и заткнул оба конца за тунику. Вновь упаковав свои пожитки, он сел на коня и быстро поскакал — но не к Королевской дороге. Вместо этого он направился на север страны, через поля и леса, по бездорожью, где его конь не оставил бы следов.

Он мрачно улыбнулся, заслышив стук копыт целой кавалькады на Королевской дороге, которая осталась далеко позади. Разыскивая беглеца в том направлении, королевские конники никогда его не поймают.

Спустя полчаса, в лиловых предутренних сумерках, Конан направил коня по обездной дороге, пролегавшей сквозь кустарники и узкой, как тропа. Погруженный в размышления о будущем, он не сразу обратил внимание на стук копыт и позякивание поводьев за поворотом. Прежде чем Конан успел свернуть в придорожные заросли, на него галопом выехали всадники. Это были лучники короля Йилдиза, верхом на взмыленных лошадях.

Проклиная собственную рассеянность, Конан свернул на обочину, не зная, бежать ему или защищаться. Но воины проскакали мимо, даже не взглянув на него. Только офицер, замыкающий колонну, приостановил коня и крикнул:

— Эй, парень! Ты не видал отряд всадников и с ними женщину?

— Какого... — разъярился было киммериец, но вспомнил, что он теперь не капитан Конан, королевский гвардеец. — Нет, господин, не видел, — пробормотал он, не вполне убедительно разыгрывая испуганного слабака.

Чертыхаясь на все лады, офицер пришпорил коня и поскакал за

отрядом. Конан, не помня себя от радости, продолжал свой путь на север. Однако постепенно на смену радости пришло удивление. Что-то стряслось в Аграпуре, по сравнению с чем убийство Оркана должно было показаться сущим пустяком. Отряд, проскаакавший мимо, даже не заинтересовался его личностью. Возможно, всадники, что умчались по Королевской дороге, разыскивают птицу поважней, чем беглый гвардейский капитан?

Конан надеялся, что разрешит эту загадку, оказавшись в Султанапуре.

Глава 2

БОЛОТНАЯ КОШКА

Путешествовать по болотам Мегары было не менее тяжело, чем пересекать пустыню с караваном верблюдов или плыть на суденышке по бескрайним морским просторам. Тростники — высокие, выше, чем лошадь Конана, — простирались насколько хватало глаз. Желтые стебли прошлогодней травы шуршали монотонно, едва по ним пробегал ветер; меж корней пробивалась молодая нежная поросль, которая служила пропитанием Эджилу.

Всадник, пробирающийся через болота, определял верный путь по солнцу и звездам. Но пешему приходилось туго; высокий тростник, обступавший его со всех сторон, позволял разглядеть только клочок неба над головой.

Сидя на жеребце, Конан видел верхушки тростника, по которому, будто по мирной водной глади, пробегали ровные волны. Поднявшись на пригорок, Конан мог различить вдали, по правую руку, море Вилайет. По левую руку тянулась гряда невысоких холмов, отделявших Мегарские болота от Туранской возвышенности.

Конан переплыл на коне реку Ильбарс под Аkitом и поехал дальше на север, не выпуская море из поля зрения. Чтобы избежать преследования, надо было затеряться в городской толпе или укрыться в совершенно безлюдном месте, где он первым заметил бы напавших на его след королевских всадников.

Конан прежде не бывал на Мегарских болотах. Говорили, что это одно из самых пустынных мест на земле. Заболоченная почва была непригодна для возделывания. Деревья там росли карликовые, с кривыми узловатыми стволами, к тому же встречались редко. Тучи жалящей, назойливой мош카ры были столь огромны, что даже охотники на кабанов и прочую дичь, побывав здесь однажды, зарекались возвращаться вновь в эти края.

Ходили также слухи, будто на болотах водится опасный хищник, которого туманно именовали «болотной кошкой». Конан, правда, не встречал ни одного человека, который бы видел этого зверя воочию, но все дружно утверждали, что хищник свиреп, как тигр.

Пустынность болот превзошла все ожидания Конана. Тишину нарушали только всплески грязи из-под копыт Эджила, шорох тростника да гудение туч бесчисленной мошкары, вившейся над колеблемыми ветром

стеблями. Конана надежно защищала кафия, лентами которой были обвиты и голова, и лицо; на руки он надел кожаные гвардейские перчатки. Но бедному коню приходилось постоянно взмахивать хвостом и трясти гривой, чтобы отделаться от жалящих насекомых.

Весь день Конан ехал по бесконечным тростникам. Однажды он заметил стадо диких, с рыжевато-черной щетиной кабанов. Свежая свинина внесла бы разнообразие в его скучный рацион, состоявший из вяленого мяса и сухарей, и Конан потянулся за луком. Но пока он вытаскивал из дорожной сумы гирканийский, с двойным изгибом, лук, кабаны исчезли. Конан решил, что охотиться не стоит: это привело бы к значительной задержке в пути.

* * *

Три дня пробирался Конан через болота, а тростники все тянулись и тянулись. На исходе третьего дня с вершины пригорка Конан заметил, что море и холмы стали к нему как будто ближе. Раздумывая, не достиг ли он северного края болот, неподалеку от которого находится город Султанапур, Конан пустил коня рысью.

Вскоре он услышал отчаянный крик: кричали люди, их было несколько, судя по голосам. Повернувшись налево, Конан заметил поодаль небольшой холм, с вершины которого уходил в небо голубоватый дымок. Голоса доносились именно с того холма. Благоразумие подсказывало Конану, что, какова бы ни была причина переполоха, следует ехать дальше. Чем меньше народу встретит он на пути из Турана, тем больше шансов покинуть это царство незамеченным.

Но помимо благоразумия были у Конана и другие соображения. Там, на холме, бивак, там найдет он горячую пищу, а то и хозяина, который даст ему работу. Любопытство также говорило в нем, и чувство чести не было чуждо дикарю: поддавшись порыву, он мог действовать не только в собственных интересах.

Сейчас любопытство и мысли о еде победили его осторожность. Конан пришпорил коня и поскакал к холму.

Подъехав, киммериец заметил несколько человек, которые бегали по холму, поросшему всяческими цветами: алыми, золотистыми, лиловыми, вносявшими живость в унылый пейзаж.

Конан насчитал пятерых человек, суетившихся вокруг шатра, близ которого горел костер. Вьючные животные — четыре осла, две лошади и

верблюд — были привязаны к узловатому карликовому дереву. Сейчас они, чем-то испуганные, метались, натягивая веревки; люди пытались успокоить их.

— Что случилось? — громко крикнул Конан, стараясь, чтобы его услышали сквозь шорох тростников.

— Берегись! Болотная кошка! — отозвался худощавый мужчина в белом тюрбане.

— Где? — завопил Конан.

Люди замахали, указывая в разных направлениях. Вдруг раскатистое рычание сотрясло воздух, и из тростников выпрыгнул пятнистый зверь, прежде невиданный Конаном. Голова и туловище зверя были крупными, как у тигра или пантеры, но задние лапы всего вдвое длинней, чем у обычного кота. Зверь приближался к Конану огромными прыжками, равновесие его поддерживалось тяжелым и прямым, как палка, хвостом. Хищник казался причудливой помесью пантеры и зайца.

Жеребец, увидев приближающегося зверя, испуганно заржал и метнулся в сторону. За два года службы в турецкой армии Конан вполне овладел верховой ездой, но ему недоставало ловкости гирканских кочевников, выросших в седле. Растревавшись от неожиданности, Конан полетел кувырком с жеребца и, упав в тростниковые заросли, больно ушиб плечо. С громоподобным стуком копыт Эджил умчался.

Вскочив на ноги, Конан выхватил из ножен клинок: зверь уже подскочил к нему на расстояние вытянутой руки.

Шерсть его стояла дыбом, глаза сверкали. Изготовившись к атаке, Конан взмахнул мечом и издал боевой клич киммерийского воина. Услышав этот страшный, нечеловеческий вопль, хищник остановился и зарычал. Вдруг он прыгнул, но не на Конана, а наискось, и стал взбираться на холм. Пятеро путешественников, вооруженные копьями, кинжалами и единственным мечом, ринулись ему наперерез. Но болотной кошке нужны были не люди, а привязанные к дереву животные.

Конан взбежал по пологому склону на вершину холма, где весело пыпал костер. Схватив горячую головню, он подскочил к хищнику, который подобрался для гигантского прыжка. Взмахнув разгоревшейся головней, он ткнул ею в морду зверю.

С воплем болотная кошка отпрыгнула и, воя, умчалась в тростники — от ее подпаленной шерсти вился слабый дымок.

Конан вернулся к костру; путешественник — тот, что был с мечом и в тюрбане, — подошел, чтобы поприветствовать его. Это был худощавый мужчина средних лет, с остроконечной черной бородкой; он был выше

ростом и одет богаче, чем остальные. И все же все шестеро — смуглые, невысокие, сухощавые — выглядели пигмеями в сравнении с огромным киммерийцем.

— Позволь выразить нашу благодарность, господин, — сказал человек в тюрбане, — без выночных животных мы бы пропали в этой пустыне.

— Не стоит благодарности, — вежливо кивнул Конан. — Вы не поможете поймать моего коня? Надеюсь, его еще не сожрала болотная кошка.

— Возьми мою лошадь, господин, — предложил вожак отряда. — Динак, оседлай выночную лошадь и сопроводи нашего гостя.

Хищник скрылся из виду, и животных легко было успокоить. Сев в седло, Конан отправился на поиски Эджила, Динак шел за всадником. Пробираться по примятому тростнику было не так уж трудно, Конан повернулся в седле и спросил:

— Вы путешественники из Заморы, верно?

— Да, господин.

— Я угадал по акценту. Тот, в тюрбане, — ваш вожак?

— Его имя Харпагус. Мы купцы. А ты, господин?

— Я просто наемный солдат, оказавшийся не у дел.

Конана так и подмывало спросить, отчего же заморийские купцы бродят по безлюдному болоту, вместо того чтобы следовать по большому тракту, пролегающему вдоль западных холмов. Но он понимал, что замориец вправе задать ему тот же вопрос; не продолжая беседы, Конан стал внимательно всматриваться в примятую поросль.

Алый шар солнца низко навис над западными холмами, когда они нашли наконец Эджила: конь пасся, пощипывая побеги тростника. Уже в сумерки Конан привел беглеца в лагерь. Замориец у костра поджаривал к ужину баранью ногу, и Конан раздул ноздри, вдыхая аромат жаркого. Конан и Динак расседлали коней и оставили их на лужайке посреди цветов, которые покрывали склоны холма.

— Отужинай с нами, господин, — пригласил киммерийца Харпагус.

— С удовольствием, — ответил Конан. — Я не пробовал горячей пищи с тех пор, как еду по этим болотам. Там кто-то есть?

Конан ткнул большим пальцем в сторону шатра и потянулся за едой.

Харпагус засмеялся, прежде чем ответить.

— Там дама, — сказал он наконец. — Госпожа не желает, чтобы посторонние ее видели.

Киммериец пожал плечами и принялся за еду. Он мог бы съесть вдвое больше баранины, чем предложили ему заморийцы, и поневоле добавил к

ужину два сухаря из дорожной сумы.

Замориец достал кожух с вином, и путешественники отпили из него, передавая друг другу по очереди. Расчесывая бороду пальцами, один из которых был украшен массивным перстнем, Харпагус сказал:

— Ты такой смельчак, молодой господин! Кто ты и как оказался здесь?

Конан пожал плечами:

— Совершенно случайно. Я простой наемный солдат, как я сказал уже Динаку.

— Тогда тебе следовало бы ехать в Аграпур, а не прочь от него. Там ты найдешь офицеров, которые вербуют рекрутов для армии короля Йилдиза.

— У меня другие планы, — коротко ответил Конан, надеясь, что сумеет наскоро сплести подходящую небылицу.

Вдруг Харпагус обернулся, заслышив тихое шуршание шагов по прошлогодней траве. Взглянув в ту сторону, Конан увидел хрупкую женщину, которая шла к нему от шатра.

Отсветы пламени позволяли заметить, что она примерно десятью годами старше киммерийца, миловидна и одета изысканно; платье ее более подходило для гирканийского гарема, нежели для путешествия по безлюдным болотам. Вокруг точеной шеи поблескивала золотая цепочка, на которой держалась крупная камея пурпурного цвета. Освещение было скучное, но Конан отметил, что таким драгоценностям место посреди царских сокровищ. Женщина подошла к костру, взгляд ее был безразличен, как у сомнамбулы.

— Эй, госпожа! — резко окликнул ее Харпагус. — Тебе запрещено покидать шатер.

— Холодно, — пробормотала женщина. — Холодно в шатре.

Она протянула к огню бледные руки, взор ее скользнул безразлично по лицу Конана и вперился во тьму. Харпагус поднялся и, взяв незнакомку за плечи, повернулся к шатру.

— Взгляни! — Он поднес к ее лицу руку с перстнем, на котором сверкал крупный драгоценный камень. — Ты вернешься в шатер. Ты ни с кем не будешь разговаривать. Ты забудешь все, что сейчас увидела. Ты вернешься в шатер...

Харпагус повторил это несколько раз, прежде чем женщина кивнула и вернулась в шатер, завесив за собой вход покрывалом.

Последив, как она уходит, Конан с удивлением взглянул на Харпагуса в надежде, что тот объяснит ему недавнюю сцену. Ему было непонятно, находится ли госпожа под воздействием некоего зелья или на нее наложены колдовские чары. Где заморийцы нашли ее и куда везут? По ее

речам Конан понял, что перед ним турanka знатного рода: говорила женщина чисто, без гирканийского акцента.

Однако Конан, изведавший хитросплетения преступных заговоров и интриг, не спешил обнаруживать свои подозрения. Во-первых, они могли оказаться ложными: не исключено, что заморийцы везут с собой госпожу на законных основаниях; во-вторых, даже если она похищена, Харпагус способен насочинять сколько угодно небылиц, чтобы объяснить свое обращение с пленницей. И в-третьих, хотя киммериец не опасался малорослых заморийцев, он находил неприличным ссориться с людьми, которые предложили ему ужин и ночлег.

Конан решил подождать, пока все уснут, и тогда заглянуть в шатер. Хотя заморийцы настроены к нему дружественно, инстинкт варвара подсказывал: творится что-то неладное. Если эти пятеро купцы, где же их товар? И потом, они все молчат, очевидно, что-то скрывая; обычно купцы любят поговорить о ценах, похвастаться выгодными сделками. Конан за годы, проведенные в Заморе, изучил нравы и обычай страны. Заморийцы — народ, принадлежащий к древней цивилизации, они на удивление привержены ко злу. Их король, Митридат VIII, как говорят, является игрушкой различных жреческих кланов, которые постоянно ведут борьбу за власть.

После ужина замориец достал арфу и взял несколько аккордов. Троє других запели заунывную песнь, которую Харпагус прослушал с молчаливым достоинством.

Музыкант спросил Конана:

— Споешь ли ты нам, странник?

Конан, смутившись, покачал головой:

— Я не певец. Я могу подковать лошадь, заточить клинок или раскроить череп, но петь я не умею.

Заморийцы не отступали, пока Конан не взял наконец инструмент.

— У нас на родине другие арфы, — заметил он, настраивая струны.

Глубоким, низким басом киммериец запел:

В мир мы приходим
С мечом и секирой!
Мы, северяне...

Когда Конан закончил петь, Харпагус спросил:

— На каком языке ты пел? Он мне неизвестен.

— Это язык асиров.
— Кто такие асиры?
— Племя на севере, далеко отсюда.
— Ты оттуда родом?
— Нет, но я долго жил там.

Конан вернул инструмент и деланно зевнул, чтобы прекратить расспросы.

— Пора ложиться спать.

Заморийцы вслед за Конаном тоже зевали — кроме одного, что остался стоять на страже. Конан завернулся в одеяло, подложил под голову седло и закрыл глаза.

Когда прибывающая луна встала высоко над восточным горизонтом и четыре заморийца звучно захрапели, Конан осторожно приподнял голову. Стражник медленно обходил лагерь с копьем на плече. Конан заметил, что всякий раз, переходя на северный склон холма, часовой скрывается из виду.

Дождавшись, пока он опять скроется, Конан тихо и быстро поднялся и крадучись стал подбираться к шатру; двигался он бесшумно, будто тень. Костер почти догорел, только уголья еще тлели.

— Не спится? — промурлыкал кто-то за ним. Конан обернулся: рядом, озаренный бледным сиянием луны, стоял Харпагус. Даже острый варварский слух Конана не сумел уловить, как тот приблизился.

— Я — кхм... по нужде, — пробормотал Конан.

Харпагус сочувственно хмыкнул:

— Бессонница, понимаю... Но у меня есть средство: оно поможет тебе уснуть до утра.

— Никаких снадобий, — запротестовал Конан. Он опасался, что его опоят зельем или отравят.

— Не бойся, добрый господин. Я и не думал предлагать тебе снотворное, — мягко заверил его Харпагус. — Взгляни на меня внимательней...

Конан посмотрел в глаза заморийцу. Что-то притягивало в них, не желало отпускать... Глаза Харпагуса сделались вдруг странно огромными и сверкающими. Конан словно бы оказался в бесконечном черном, беззвездном пространстве, где не было ничего, кроме этих огромных, сверкающих глаз.

Харпагус поднял руку с перстнем к лицу Конана и, то приближая, то удаляя от глаз киммерийца крупный блистающий камень, забормотал:

— Ты засыпаешь... Ты будешь спать долго-долго... Проснувшись, ты забудешь заморийских купцов, с которыми провел ночь. Ты засыпаешь...

* * *

Конан проснулся и с удивлением увидел, что солнце стоит высоко над головой. Вскочив на ноги, он взволнованно огляделся — и разразился проклятиями. Не только заморийцы со своими выочныхими животными, но и его лошадь исчезла бесследно. Седло и дорожная сумка лежали там, где он их оставил, смастерив свое грубое ложе, но мешки с золотыми монетами Конан не обнаружил.

Самое худшее было то, что он не мог вспомнить, с кем провел минувшую ночь. Он помнил, как выехал из Аграпура и как сражался с болотной кошкой. Остатки костра и след копыт свидетельствовали о том, что он ночевал на холме с несколькими спутниками, однако Конан не помнил, кто они и как выглядят. Сохранилось слабое воспоминание о том, как он пел, наигрывая на арфе, но слушатели представлялись ему неясно, будто тени.

Конан помнил также, что направляется в Султанапур. Излив свою ярость посреди равнодушно внимавших ему болот, Конан взвалил на одно плечо завернутые в одеяло пожитки, а на другое — седло и направился на север, угрюмо пробираясь меж тростников со своей поклажей. Ориентируясь по солнцу, Конан шел по примятому тростнику — вслед за своими недавними компаниями.

Глава 3

СЛЕПОЙ ЧАРОДЕЙ

Четыре дня спустя после встречи Конана с заморийцами в двери дома чародея Кушада, который жил в портовом городе Султанапуре, постучали. Дочь Кушада отворила дверь — и в испуге отпрянула.

У порога стоял великан, одетый в лохмотья, — небритый, выпачканный илом; при нем были кожаное седло, две дорожные сумы, лук в чехле и свернутое в узел одеяло.

Вид у великана был устрашающий, но улыбка на потном и грязном лице — широкая и дружественная.

— Привет, Тамина! — гаркнул великан. — Ты подросла с тех пор, как мы виделись в последний раз. Какая ты сейчас миловидная и привлекательная!

— Капитан Конан — возможно ли!.. — ахнула Тамина. — Входи! Отец будет тебе рад.

— Когда я расскажу тебе, что со мной приключилось, ты не будешь так радоваться, — проворчал Конан, освобождаясь от поклажи. — Как здоровье отца?

— Неплохо, только глаза слабы, он почти ослеп. Сейчас у него нет посетителей, идем со мной.

Девушка повела Конана в комнату, где на подушках скрестив ноги сидел маленький седобородый человек. Он поднял лицо: глаза его почти полностью были скрыты катарактой.

— Конан? — спросил старик. — Я узнаю тебя и без помощи глаз. От чьей еще поступи так сотрясается мой домишко?

— Да, это я, Конан, — подтвердил киммериец. — Рад тебя видеть, дружище Кушад! Помнишь, ты говорил мне, что, если я попаду в переплет, здесь мне окажут приют?

Кушад хмыкнул:

— Точно, говорил. Но это было всего лишь платой за спасение от шайки головорезов. И помню, как тебя возмутила мысль, что ты — капитан его величества, опора королевства — вдруг окажешься в беде и будешь искать убежища. Сядь и поведай, что привело тебя сюда. Ты ведь не будешь просить, чтобы я, прибегнув к астральному зрению, нашел утраченные тобой деньги?

— Нет, хотя отыскать кошелек, полный монет, а заодно пропавшего

жеребца мне бы хотелось, — проворчал Конан.

Прежде чем Тамина принесла кувшин вина, киммериец рассказал Кушаду о своем злоключении с Наркией и побеге из Аграпура, а также о встрече с заморийцами.

— Странно, — добавил Конан. — Вот уже несколько дней я не могу вспомнить, что это были за путешественники. Все впечатления стерлись, как под воздействием дьявольских чар. Только вчера память начала восстанавливаться, и понемногу я нарисовал мысленно все произошедшее. Что это было, как ты считаешь?

— Гипнотическое внушение, — предположил Кушад. — Заморийцы владеют этим искусством. Тот, кого ты встретил, наверное, жрец или чародей. Замора кишит чародеями, как постоянный двор клопами.

— Знаю, — проворчал Конан.

— Ты упорно сопротивлялся его чарам, а то до сих пор ничего бы не вспомнил. Вы, северяне, лишены фантазии, которая сковывает волю у нас, жителей Востока. Я научу тебя, как противостоять подобному колдовству. Расскажи мне о заморийских купцах поподробней.

Конан, как мог подробно, рассказал о путешественниках, добавив, что с ними была женщина; она вышла к костру погреться, но Харпагус велел ей вернуться в шатер. Она казалась как бы безумной или околованной.

Кушад изумленно приподнял брови:

— Женщина? Как она выглядела?

— Лунный свет едва освещал ее, но я заметил, что она высокая и черноволосая, примерно около тридцати лет. Платье на ней шелковое, вид изнеженный — наверняка не привыкла к...

— Клянусь Эрликом! — воскликнул Кушад. — И ты не знаешь, кто была эта дама?

— Нет. Кто же она такая?

— Ах, я и забыл, что ты две недели провел в полном безлюдье. Ведь ты не слышал, что Джамиля, любимая жена короля Йилдиза, похищена?

— Клянусь Кромом, нет! Так вот почему отряд Йилдиза проскакал мимо, даже ни о чем меня не расспросив. Я поначалу подумал, что это за мной погоня, а потом только гадал, не случилось ли дельце покруче, чем смерть Орканы.

— Жаль, что ты не знал о похищении. Если бы ты спас госпожу, король бы тебя простил. Люди Его Величества рыщут по всему королевству в надежде напасть на след похитителей.

— Когда я служил во дворце, — сказал Конан, — мне приходилось слышать об этой фаворитке, но видеть я ее не видел. Поговаривали, что

Йилдиз — безвольный простофия и все ответственные государственные дела возлагает на нее. Она — истинный правитель страны. Там был верблюд на привязи — заморийцы, наверное, увезли ее на верблюде. Но если бы даже я спас ее, возвращаться на службу к королю не стал бы.

— Почему?

Конан усмехнулся:

— Когда я скакал посреди гирканийских степей, убегая от волчьих стай и уверачиваясь от стрел кочевников, для меня не было ничего желанней, чем служба у короля. Мне представлялось: я только и буду что красоваться в великолепном мундире и бросать пылкие взоры на дам. Но, как выяснилось, жизнь капитана королевской гвардии невыносимо скучна. Исключая короткую муштру по утрам, весь день надо стоять как статуя, салютуя королю и его приближенным, да следить, чтобы амуниция подчиненных была в полном порядке. От скуки я и затеял интрижку с этой потаскую Наркией. Кстати, злополучный Оркан — сын Тугрила, Верховного Жреца бога Эрлика. Насколько мне известны нравы жрецов, рано или поздно он отомстил бы, даже если бы король не одобрил его мести: отравленные иглы в постели, кинжал в спину безлунной ночью. Два года прослужить у одного хозяина — для меня это более чем достаточно, к тому же чужеземцы в Туране не назначаются на высокие посты.

— Что ж, чем сладче яблоко, тем прожорливей червь. Куда ты направляешься теперь?

Конан отхлебнул вина.

— В Замору, где водил дружбу кое с кем, когда еще был вором. Кстати, проклятые заморийцы украли мою лошадь.

— Ты хочешь сказать, лошадь короля Йилдиза?

Конан пожал плечами:

— У него достаточно лошадей. Эти чертовы мумии не только коня увели — они украли золото, которое мне удалось скопить. Ты сам советовал мне откладывать хоть немного из месячного жалованья, теперь видишь, какая от этого польза! Лучше бы я истратил эти деньги на вино и женщин — по крайней мере сохранились бы приятные воспоминания.

— Скажи спасибо, что они не перерезали тебе сонному глотку. — Обернувшись, Кушад позвал: — Тамина!

Девушка явилась на зов, и старик велел ей:

— Подними вон ту половицу и дай мне то, что под ней лежит.

Тамина продела палец в кольцо, прикрепленное к половице, и подняла ее. Наклонившись, она сунула руку в отверстие и извлекла оттуда небольшой, но тяжелый сверток. Она вручила его Кушаду, а тот передал

Конану:

— Возьми, сколько тебе нужно, на покупку новой лошади и на расходы по пути в Замору, — сказал чародей.

Конан запустил руку в сверток и извлек оттуда пригоршню золотых монет.

— Ты так добр ко мне! — с удивлением воскликнул киммериец.

— Но ведь и ты помог мне, когда я нуждался в помощи, мой долг отблагодарить тебя. Что ты смотришь на меня не отрываясь? Иди и купи себе все необходимое.

— Откуда ты знаешь, что я смотрю на тебя?

— Я вижу глазами души, поскольку телесные глаза подвели меня.

— Не многих я встречал за годы странствий, кто отвечает благодарностью на добро и является истинным другом, — ответил Конан. — Большинство только и думает, как бы ухватить побольше да покрепче удержать. Я верну тебе деньги как только смогу.

— Вернешь или не вернешь — не беспокойся. У меня их достаточно, чтобы спокойно провести остаток дней. Дочка, задвинь занавески и достань треножник. Духовым зрением я попытаюсь увидеть, куда направились эти заморийцы. Но на это уйдет какое-то время. Ты, наверное, голоден, Конан.

— Голоден! — взревел Конан. — Да я готов разорвать лошадь! Два дня пришлось обходиться совсем без еды: ведь запасы были рассчитаны на путешествие верхом.

— Тамина, приготовь ужин, а ты пока можешь посетить баню, что на нашей улице. Возьми мой старый плащ и накрой лицо капюшоном. Королевские воины наверняка рыщут повсюду, разыскивая тебя.

* * *

Спустя полчаса Конан вернулся в дом Кушада.

— Тише, капитан Конан, — прошептала Тамина. — Отец сейчас в магическом трансе. Он разрешил пройти к нему, только сидеть надо очень тихо.

— Тогда я сниму башмаки, мальшка, — прошептал Конан, разуваясь.

С обувью в руках, Конан тихо вошел в святилище. Кушад сидел все там же, скрестив ноги; перед ним стоял узкий медный треножник, на котором помещался кубок; в кубке что-то дымилось. Зеленоватый дымок вился тонкой спиралью, сужая и расширяя кольца, наподобие призрачной змеи,

стремящейся выско́льзнутъ из темной комнаты.

Конан, наблюдая, уселся на пол. Кушад бесстрастно смотрел перед собой. Наконец чародей пробормотал:

— Конан, ты здесь. Молчи, я чувствую, что ты рядом. Я вижу небольшой караван, идущий по песчаной пустыне. Там — сейчас я перемещусь поближе — четыре осла, три лошади и верблюд. Одна из лошадей — большой черный жеребец, он навьючен поклажей. Это, должно быть, твой конь. На верблюде паланкин, но я не вижу, кто внутри; наверное, госпожа Джамиля.

— Где они? — прошептал Конан.

— Кругом плоская, бескрайняя равнина.

— Что там растет?

— Мелкая колючая трава. Они идут вслед заходящему солнцу. Это все, что я могу тебе сказать.

Чародей медленно высвобождался из магического транса.

— Наверное, они пересекают пустыню меж западной границей Турана и Кезанкайскими горами, за которыми начинается Замора, — предположил Конан. — Короли Турана частенько грозили очистить эти бесхозные земли от зуагиров и прочих разбойников, но обещания остаются обещаниями. Похитители идут быстро, они уже на полпути от Заморы. Навряд ли мне удастся догнать их, даже если я куплю самого быстроногого коня в королевстве. И все же я отправлюсь в путь, чтобы возвратить коня и деньги или хотя бы отомстить.

— Если выпадет случай освободить госпожу Джамилю, обязательно сделай это. Королевство нуждается в ней.

— Ладно, если риск не будет смертельным. Но зачем заморийцам жена короля Йилдиза? Хотят получить выкуп? Или разгневать короля? Что ж, они этого добываются. Ведь Туран куда могущественней, чем Замора.

Кушад покачал головой в тюрбане:

— Уверен, король Заморы не желает войны. Митридату не хуже нашего известно о моци соседнего королевства, в любом случае он всего лишь игрушка в руках жрецов. Глубокий сон, в который Харпагус тебя погрузил, свидетельствует о том, что он владеет приемами жреческой магии. Ты твердо решил ехать в Замору?

— Да.

— Тогда поживи у меня, пока я не обучу тебя некоторым приемам своей профессии.

Конан нахмурился:

— Я предпочитаю разить клином, а не бормотать заклинания.

— Но меч не спас тебя в Мегарских болотах, не правда ли? А ну-ка припомни, юноша! Прибыв в первый раз в Султанапур, ты возмущался, насколько бесчеловечна стрельба из лука. Однако, живя в Туране, ты признал полезность этого искусства. Подобное же открытие ты сделаешь, изучая магическую науку.

— Я буду держаться подальше от жрецов и чародеев, — проворчал Конан.

— Но будут ли они сторониться тебя? И как ты избежишь их, пускаясь вслед, чтобы вернуть украденное?

— Понимаю, к чему ты клонишь, — хмыкнул Конан.

— Где бы ты ни был, ни одна стрела в твоем колчане не окажется лишней. Ты удивляешься, как легко Харпагус и его сообщники выскользнули из Турана. Стоит королевскому отряду настигнуть их, Харпагус наводит чары — и погоня направляется в противоположную сторону. Так же они поступят и с тобой.

— Хм, — настороженно кашлянул Конан. — И чему же ты намерен меня учить?

Кушад улыбнулся:

— Всего лишь защите от чужих чар. Я не могу столь искусно создавать иллюзию, как это делал, имея острое зрение, но кое-что я еще умею. Пойдем ненадолго в сад.

Конан вышел с мудрецом в сад, находящийся за домом; там было много цветов и плодовых деревьев. Кушад обернулся и приказал:

— Смотри на меня!

Конан взглянул на Кушада и увидел, что его незрячие глаза смотрят так же остро и цепко, как глаза Харпагуса. Кушад стал водить рукой перед лицом Конана, что-то тихо нашептывая.

И вдруг Конан увидел, что находится в джунглях, посреди мощных, увитых лианами вековых деревьев, их корни-подпорки громоздились, переплетаясь, поверх лесной почвы. Треск сучьев заставил его обернуться, рука потянулась к мечу. В десяти шагах от него огромный тигр прокладывал тропу в зарослях высокой травы. Издав протяжный рык, тигр оскалил острые, изогнутые наподобие зуагирских клинков зубы и подобрался для прыжка.

Конан молниеносно выхватил меч. К ужасу своему, он не чувствовал силы в руках. И тут же киммериец заметил, что вместо рукояти широкого, длинного меча сжимает в руках извивающуюся змею. Змея вертела головой, пытаясь впиться в руку Конана острыми, как иглы, зубами. С воплем отвращения Конан отшвырнул от себя змею и отпрянул в сторону,

чтобы увернуться от прыгнувшего на него тигра. Конан схватился за кинжал. Зная, насколько слабее даже самый сильный боец, чем эта огромная кошка, Конан приготовился к смерти, которая на этот раз казалась неминуемой... И вдруг он увидел, что лежит на траве в саду Кушада. Ворча, Конан поднялся на ноги.

— Теперь ты понял, о чём я вел речь? — с тонкой улыбкой спросил слепой чародей. — Мне следует быть осмотрительней с моими внушениями — ведь ты едва не снес мне голову. К счастью для меня, ты устал после долгого пути и потому был не на высоте. Иди, постель для тебя готова. Завтра мы приступим к обучению.

* * *

— Приготовился? — спросил Кушад. Солнечные блики играли на резной изгороди. — Вспоминай правила сложения и пытайся мысленно удерживать в голове картину моего сада. А сейчас взгляни!

Кушад взмахнул рукой и что-то пробормотал. Тонущий в густой зелени внутренний дворик медленно растаял. Конан очутился на краю бескрайнего болота, в призрачно-алом блеске заходящего солнца. Желтые островки болотной травы и тростника перемежались с озерцами стоячей воды, черная гладь которых отражала кровавый отсвет пылающего неба. Странные твари, наподобие летучих мышей, с головами ящериц, бесшумно метались в воздухе.

Из илистой, стоячей воды высунулась голова рептилии; шея была толстой, как у быков, головы которым Конану доводилось сворачивать в годы ранней юности.

Огромная голова поднималась и поднималась на фоне пылающего диска; шея, казалось, не будет конца. Выше, выше, выше...

Рука Конана потянулась к оружию, но он вспомнил, что оставил дома: Кушад настоял, чтобы киммериец проходил испытание невооруженным.

Голова на гигантской шее поднялась уже втрое выше человеческого роста. С лихорадочным напряжением Конан припомнил наставления чародея. Он сосредоточил внимание на образе сада, где хрупкий седобородый мудрец сидел сейчас на подушках, разложенных у тропы. Понемногу черты воображаемого сада становились все отчетливей и он превращался в настоящий, реально существующий сад.

— Четыре плюс четыре — восемь... четыре — плюс пять — девять... — бормотал Конан.

Болото и его обитатели ящеры постепенно растаяли, и Конан увидел, что снова находится в саду. Утерев рукавом пот со лба, он выдохнул:

— Я как будто час провел в сражении.

— Умственное напряжение не менее тяжело, чем физическое, — мягко заметил Кушад. — Ты делаешь успехи, сынок, но все еще мешкаешь там, где требуется проворство. Давай повторим урок.

— Умоляю, только не теперь. Я так устал, словно пробежал десять лиг.

— Что ж, отдохни немнога. Как ты впредь собираешься себя именовать?

— Конан из Киммерии — разве плохо звучит? — фыркнул Конан.

— Не кипятись. За твою голову скоро назначат кругленькую сумму, будь уверен. Судя по слухам, тебя считают похитителем Джамили, поскольку вы оба исчезли в одну и ту же ночь.

— Только трусы живут под чужим именем, к тому же я забуду, что нужно на него откликаться.

— К новому имени привыкаешь довольно скоро. Так или иначе, тебе надо выдавать себя за другого человека, пока ты не попадешь в страну, где тебя не будут преследовать. Какое имя ты бы предпочел?

Конан свел брови, размышляя. Наконец он сказал:

— Отца моего звали Ниал-кузнец. Он был хорошим человеком.

— Замечательно! Ты станешь Ниалом, по крайней мере, ненадолго. Тамина! Наш гость снова проголодался. Накорми его как следует.

— Вы, наверное, думаете, что я ем за четверых, — Конан широко улыбнулся, взглянув на ломоть хлеба, предложенный ему девушкой. — После голодных скитаний по Мегарским болотам надо как следует подкрепиться. Спасибо, Тамина.

Конан отхлебнул из кружки пиво.

— Капитан Конан, — обратилась к нему девушка, — ночью я видела сон, который касается вас.

— Почему ты сразу не рассказала его нам, моя юная волшебница? — спросил Кушад.

— Потому что вы заперлись и велели, чтобы никто вас не тревожил.

— Что тебе снилось, девочка? — поинтересовался Конан. — Подобные предостережения меня не пугают: слишком уж много пророческих снов снилось моим знакомым.

— Мне снилось, будто ты бежишь по длинному ходу в подземелье. Тебя преследует какая-то тварь. Там была ужасная темнота, и все же я знала, что тварь эта — огромных размеров, примерно с быка. Ты убегал, а чудовище тебя преследовало.

— Расскажи подробней, — настаивал Конан.

— Нет, не могу. Помню только еще, что у него были светящиеся глаза. Восемь глаз, сверкающих как драгоценности.

— То была стая голодных волков? — предположил Конан.

— Нет, там было одно существо. Но передвигалось оно не как обычные животные. Оно — как бы это сказать — семенило, будто какой-то ужасный призрак. И все приближалось и приближалось. Я знала, что вот-вот оно схватит тебя.

— Да? — встрепенулся Конан. — И что потом?

— А потом я проснулась. Вот и все.

Кушад принялся расспрашивать дочь, но девушка не смогла сообщить больше того, что рассказала.

— Мне кажется, — предположил наконец чародей, — сон этот веший, мой дорогой Ниал. Только что именно он предвещает? Сны можно толковать по-разному, и любое истолкование может оказаться верным. Возможно, тебе следует избегать подземелий — в случае, если от них будет исходить реальная угроза. А теперь, если ты уже сыт, мы снова испытаем твою душевную стойкость.

* * *

Через несколько дней Конан, пряча лицо под капюшоном плаща, который дал ему Кушад, выехал на коне Имире из ворот дома чародея. Ему удалось купить мохногривого гирканийского скакуна, куда менее длинноногого, чем украденный Эджил. Конан знал, что такие лошади, уступающие в быстроте длинноногим северным жеребцам, превосходят их выносливостью и неприхотливостью в еде.

Конан торопливо, хотя и сердечно, простился с Кушадом и его дочерью. Тамина бодро улыбнулась и смахнула слезинку. Конан втайне был рад, что уезжает. Молодая девушка, чьи формы уже округлились, поглядывала на него с нежностью. Из оброненных мимоходом слов Кушада киммериец понял, что стариk не прочь иметь его своим зятем, но для этого надо было, распрошавшись с вольной жизнью, поселиться в Султанапуре в качестве законопослушного гражданина и ждать, пока Тамина достигнет брачного возраста.

У Конана не было охоты ни становиться оседлым горожанином, ни связывать свою жизнь с какой бы то ни было женщиной. А как человек чести, он не позволил бы себе обмануть первое девическое чувство

Тамины. И потому со вздохом облегчения Конан вскочил в седло, обнял наставника и молодую хозяйку, натянул поводья и поскакал прочь.

Глава 4

«ЗОЛОТОЙ ДРАКОН»

Конан все дальше и дальше продвигался на запад, пуская коня то неспешной рысью, то резвым аллюром. Через день он делал привал, и конь его пасся по несколько часов. Без этих остановок животное могло выбиться из сил или даже погибнуть от тягот долгого пути, прежде чем они доберутся до цели.

Конан ехал теперь через обширные луга западного Турана, где равнина пестреет алыми, голубыми, золотистыми цветами, а над зеленой травой порхает бесчисленное количество бабочек всех оттенков радуги. Плавность тянувшихся на многие лиги лугов разнообразили только пологие спуски и подъемы. Путешественнику, проезжающему тут, просторы эти представляются почти пустынными, разве что попадется изредка стадо пасущихся коров или овец. Раз или два в течение дня Конану встречался караван верблюдов, который двигался, позванивая серебряными колокольчиками; звон их сопровождался поскрипыванием и позвякиванием сбруи лошадей, на которых ехала сопровождающая караван наемная охрана. Еще реже одинокий торговец трусил на своем осле и на привязи шел второй, навьюченный поклажей.

Вскоре Конан увидел, что достиг границы. Здесь, в бревенчатых хижинах, жили воины короля Йилдиза, охранявшие королевство от вторжения кочевых разбойников, населявших дикие степи. Охрана была довольно ненадежной. Первым поручением Конану, когда он поступил в регулярную армию Йилдиза, было вытеснить прорвавшихся в страну грабителей назад, в малонаселенные западные степи. Порой какой-нибудь отряд разбивал шайку степняков, и воины возвращались к себе в укрепление, везя на копьях отсеченные разбойничьи головы. Но чаще головорезы задавали солдатам трепку, и они, понурые, ехали на взмыленных лошадях, перекидываясь невеселыми шутками.

Помимо охраны границ воины имели и другие обязанности. Они останавливали и допрашивали путешественников, идущих в Туран или покидающих его пределы, и задерживали преступников и лиц, разыскиваемых властями. Дорога, по которой ехал Конан, упиралась в песчаный тракт; путешествующему верхом предстоял скучный выбор: то ли ехать по этому тракту, то ли скакать по девственной степи.

Поразмыслив, Конан решил, что ему не стоит показываться на глаза

королевским воинам, но лучше будет обехать заставу кругом. Он повернул коня на северо-запад, и вскоре торная дорога исчезла из виду.

Около полудня Конан заметил впереди, на ближайшем подъеме, темное пятно. Подъехав ближе, Конан понял, что это продолговатые обломки скал, из тех, что туранские короли велели водружать вертикально, чтобы обозначить границу. Однако точно определить, где проходит граница, довольно трудно, и потому камни могли оказаться на несколько лиг дальше или ближе той линии, которая обозначала границу на картах Турана.

Конан продолжил свой путь на запад и с наступлением вечера пустил коня пастись, а сам растянулся на одеяле, убежденный, что Туран остался далеко позади.

Проснулся он, услышав, что кто-то подкрадывается к нему. Прежде чем Конан успел вскочить, на него набросили какую-то хитрую ловчую снасть. Чем сильней он отбивался, тем больше запутывался. Киммериец понял, что угодил в охотничью сеть, которую гирканийцы часто используют в совместной охоте.

Выпутаться ему не удалось: на голову обрушился удар дубинки, перед глазами замелькали искры — и наступила тьма.

* * *

Придя в себя, Конан обнаружил, что руки у него крепко скручены за спиной. Подняв голову, он увидел, что лежит во тьме, под звездным небом, и его окружают одетые в мундиры королевские стражники — кто пеший, кто верхом. Один из них, судя по знакам отличия — офицер, скомандовал:

— Поднимайся на ноги, проходимец!

Ворча, Конан попытался встать, но со связанными за спиной руками невозможно было подняться без посторонней помощи. После нескольких неудачных попыток Конан повалился на траву.

— Помогите мне кто-нибудь, — прорычал он.

— Арслан, помоги ему, — велел офицер. — А ты, Эйдин, стой с дубинкой наготове, если он вздумает бежать или кусаться.

Наконец Конану удалось подняться.

— Что это значит? — возмущенно проревел он. — Кто дал вам право совершать насилие над беззащитным путешественником?

— Вот это мы и выясним, — сказал офицер. — Честные путешественники останавливаются у заставы и отвечают на вопросы, а ты

постарался улизнуть. К счастью, пастух заметил, как ты свернул с большой дороги, и ночь для погони довольно ясная. А теперь идем и выясним, так ли уж ты безобиден.

Один из воинов накинул на шею Конана гирканийское лассо — веревочную петлю, прикрепленную к шесту, — и сдавил ему горло. Стражники сели на коней и поехали по равнине, один из них вел Имира. Конан, спотыкаясь, брел следом.

* * *

Когда они добрались до заставы, солдаты втолкнули Конана в крохотную, набитую людьми каморку. Шестеро человек стояли с саблями наготове, не сводя с Конана глаз, пока их начальник усаживался за грубый складной стол.

— Вот нарушитель, капитан, — доложил лейтенант, который привел Конана.

— Он сопротивлялся?

— Нет, мы схватили его сонным. Но я думаю, что...

— Меня не интересует, что ты думаешь. Эй, парень!

— Да? — проворчал Конан и, прищурившись, взглянул на офицера.

— Кто ты такой?

— Ниал, туранский воин.

— Ты не гирканиец, судя по акценту. Откуда ты?

— Я родился в Пограничном Королевстве, — сказал Конан. Он успел это сочинить по пути на заставу.

— Что за страна?

— На северо-западе, недалеко от Гипербореи.

— В каком полку ты служил?

— В кирасирском полку под командованием капитана Шендина в Хоарезме.

Это был реальный полк, хорошо известный Конану. Конан был рад, что послушался Кушада и оставил свой роскошный мундир у чародея; будь он сейчас с ним, его личность установили бы без труда.

— Почему ты покидаешь Турецкую? Задумал дезертировать?

— Нет, мне дали отпуск, чтобы я смог навестить свою больную мать. Сейчас я иду домой, а вернуться должен через три месяца. Пошли спросить капитана Шендина, если не верите.

— Тогда почему ты пытался обойти заставу?

— Чтобы не тратить времени, отвечая на глупые вопросы, — отрубил Конан.

Капитан побагровел от ярости. Прежде чем он успел ответить, лейтенант сказал:

— Не думаю, что это сбежавший капитан Конан, хоть он и соответствует описанию. Во-первых, с ним нет госпожи Джамили. Во-вторых, он не пытается задобрить нас, как обычно это делают виновные. И наконец, капитан Конан, если верить тому, что о нем говорят, не настолько глуп, чтобы так легко позволить себя схватить.

Капитан поразмыслил и наконец сказал:

— Да, похоже, ты прав. Но его следует высечь за непочтительность и за то, что задал нам столько напрасных хлопот.

— Прости, господин, но люди так часто заблуждаются. К тому же, если он и вправду воин-отпускник, наша грубость заденет его командира и у нас будут неприятности.

Капитан вздохнул:

— Развяжите веревки. И в следующий раз, достопочтенный Ниал, постарайся обойтись без подобных штук, а не то не избежать тебе кнута. Можешь идти.

Невнятно пробормотав слова благодарности, Конан забрал у солдата свой меч и направился к дверям. Он уже отошел на несколько шагов от хижины, когда ему вдруг встретился другой лейтенант.

— Конан! — с удивлением воскликнул лейтенант. — Разве ты забыл Кхурсо, своего старого...

Конан отреагировал мгновенно. Нагнув, как бык, голову, он бросился на лейтенанта и так сильно толкнул его в грудь рукой, что тот покачнулся и рухнул на спину. Перескочив через распростертое тело, Конан ринулся во тьму.

Имир был привязан к колышку у крайней хижины. Не имея времени вытащить меч или кинжал, Конан рывком оборвал кожаные поводья, прыгнул в седло и больно ударил коня пятками в ребра.

Воины короля как ошпаренные выскочили из хижины и бросились к конюшне седлать своих скакунов, но Конан был уже далеко — маячил во тьме крохотным пятнышком. Скрывшись за пологим гребнем, он поскакал к дороге. Задолго до того, как шар солнца всплыл над горизонтом, Конан ушел от преследователей.

* * *

В заморийском языке слово «мол» обозначает наиболее грязную, пользующуюся дурной славой часть города. В обеих заморийских твердынях — и Шадизаре, и Аренджуне — есть трущобы, и даже небольшие города могут похвастаться своим «молом». В трущобах обитает беднота. В лачугах-развалинах находят себе приют полуголодные несчастливцы, потерпевшие жизненный крах и забытые всеми; разорившиеся селяне, перебравшиеся в город в тщетной надежде найти пропитание; воры и разбойники, грабящие и богатых, и своих же соседей-бедняков. Тут же живут скопщики и хранители награбленного добра.

Вонючие извилистые улицы Шадизара вызвали у Конана воспоминания о днях, когда он был заморийским вором. Хотя за последние два года он привык к солдатской жизни, запах трущоб пробудил в нем неуемного искателя приключений, который не считается ни с какими законами. В душе Конана зашевелилась тоска по тем дням, когда у него не было хозяина и он не знал иной дисциплины, кроме говорившей порой совести и варварского представления о чести. Досадуя на дисциплинарные ограничения, Конан, в бытность свою наемником, подумывал о том, что, ведя полуголодное существование вора, он вкушал истинную свободу.

Направляясь к гостинице Эриака, Конан шагал по омерзительным переулкам, скучно освещенным факелами и лампами с пылающей нефтью, редкие полоски света перемежались с длинными провалами тьмы.

Конан шел, увязая в грязи и мусоре, отбиваясь от попрошаек и сводников. Две шайки головорезов попались ему навстречу, но он не испугался их хищных и угрожающих взглядов, и разбойники отступили: могучий рост Конана и его огромный меч поумерили их пыл. Наконец киммериец подошел к дому, на дверях которого, освещенная двумя дымящимися факелами, висела темная доска с намалеванным на ней желтым драконом. Это значило, что здесь располагается гостиница «Золотой дракон», где можно было расположиться на ночлег, а также выпить вина или пива. Протолкнувшись вовнутрь, Конан окинул залу цепким взглядом. С низкого, черного от копоти потолка свисали две медные лампы, свет от горевшей в них нефти падал на стены подвижными бликами. За столами на скамьях располагался обычный для таких заведений сброд: пара подвыпивших солдат, похвалявшихся своими любовными приключениями; трое беглых зуагиров в кафиях, которые пугливо озирались по сторонам, что выдавало в них явно не городских жителей; дурачок, без конца что-то бубнящий себе под нос. Один из посетителей был довольно недурно одет — наверное, глава местной артели воров; за соседним столом сидел астролог, углубленный в вычисления

звездных путей на свитке папируса...

Конан подошел к прилавку, за которым стояла смуглая женщина средних лет.

— Тигранес здесь? — спросил у нее Конан.

— Он только что вышел, но скоро вернется. Что будешь заказывать?

— Вина. Самого обычного.

Женщина сняла крышку с бочонка, достала черпак и, наполнив сделанную из кожи кружку, подала ее Конану. Киммериец положил на прилавок монету и взглядом окинул комнату. Только одно место было свободно, за небольшим столом на двоих. Там уже сидел худощавый темнокожий заморийский юноша, бездумно созерцающий свою кружку с пивом.

Конан подошел к столу и сел. Юноша нахмурился, и киммериец спросил:

— Не возражаешь?

Замориец с неохотой покачал головой:

— Да нет, располагайся.

Конан выпил вино и, вытерев губы, спросил:

— Что нового в Шадизаре?

— Не знаю. Я только что с севера.

— В самом деле? Что же нового на севере?

Юноша недовольно хмыкнул:

— Я служил охранником храма в Йезуде, но эти вонючие жрецы уволили всех солдат-заморийцев. Теперь Феридун нанимает только чужеземцев, чтобы его разорвало. Прости, — добавил замориец, спохватившись, — я вижу, ты тоже из дальних стран. Я не хотел тебя оскорбить.

— Пустяки. А кто такой Феридун?

— Верховный Жрец бога Заца.

Конан напряг память:

— Зац — это бог-паук, покровитель Йезуда?

— Да.

— Но почему жрецы предпочитают охрану, набранную из чужеземцев?

Юноша пожал плечами:

— Они говорят, что хотят иметь воинов покруче. Но я полагаю, это всего лишь уловка в ходе бесконечных жреческих войн.

— Что-то вроде ножа в спину?

— Вот-вот. Сейчас жрецы Уруда обладают полной властью над королем, а жрецы Заца намереваются взять над ними верх.

— И жрецы Заца надеются, что чужеземцы для них будут более надежной опорой, чем воины из местного населения. Что ты сейчас собираешься предпринять?

— Буду искать новую работу. Я Азан, сын Вологаса, и пользуюсь доброй славой — хоть и не такой верзила, как ты. А ты не знаешь, где здесь нужда в наемных воинах?

Конан покачал головой:

— Я недавно прибыл в Шадизар и нахожусь в том же положении, что и ты. Говорят, туранцы вербуют наемников в Аграпуре. А вот и нужный мне человек.

Конан допил вино, поднялся и возвратился к прилавку, где лысый мужчина с толстым животом сменил смуглокожую хозяйку.

— Привет, Тигранес! — сказал Конан.

Лысый толстяк, просияв, воскликнул было: «Ко..», — но киммериец остановил его протестующим жестом.

— Меня зовут Ниал, — предупредил он. — Не забывай, пожалуйста. Как поживаешь, друг? Когда мы с тобой расставались, макушка твоя была еще прикрыта волосами.

— Увы, в этой жизни все проходящее, друг. Давно ли ты в Шадизаре? Где остановился? Как нашел меня?

— Отвечу по порядку, — улыбнулся Конан. — Но прежде найдем mestечко, где можно поговорить без свидетелей.

— Да, ты прав. Атосса!

Женщина вновь заняла место за буфетной стойкой. Тигранес, скав локоть Конана, провел его в заднюю комнату, отгороженную занавеской.

— Других отдельных комнат в доме нет, — пояснил Тигранес, разливая по кубкам вино. — А теперь расскажи мне о себе. Что ты делал в последние несколько лет?

— Служил солдатом в Туроне, но мне пришлось поспешно убраться оттуда.

Хозяин таверны хохотнул.

— Узнаю тебя, дружище Конан, — то есть, я хотел сказать, Ниал.

— Где ты остановился?

— В гостинице Эриака, в районе трущоб. Я расспрашивал всех о тебе, и мне сказали, как тебя найти.

— Чем ты сейчас занят?

— Ищу для себя подходящее дело, законное или любое другое. Если тебе нужен скупщик краденого, на меня не рассчитывай. Когда меня арестовали, я отдал все, что имел, до последней копейки. Только так и

удалось избегнуть виселицы.

Тигранес многозначительно взглянул на занавеску, закрывавшую дверной проем. Конан покачал головой:

— Нет уж, полуголодная жизнь мне надоела. Но я был солдатом и участвовал в походе из Шапура в Кхитай, мне бы подыскать что-нибудь в этом роде.

— Кстати, вчера сюда приходили туранцы, — вспомнил Тигранес. — Задавали много вопросов. Они разыскивали человека, по описанию похожего на тебя, и с ним какую-то женщину. Это имеет к тебе отношение?

— И да и нет. Как выглядели эти туранцы?

— Старший коренастый, широкоплечий, с седой бородой. Зовут его Парвэз. С ним несколько человек селян и охрана из гвардейцев короля Митридата. Наш король, очевидно, помогает ему в поисках.

— Парвэза я знаю, — сказал Конан. — Это дипломат короля Йилдиза. Шайка заморийцев похитила любимую жену Йилдиза, и король жаждет ее возвращения. Я к этой проделке не имею никакого отношения, но туранцы меня подозревают. Похоже, мне надо поживей убираться из Шадизара.

— И это не единственная причина, — заметил Тигранес. — Власти еще не забыли твоих похождений, несмотря на то, что миновало несколько лет. Внешность тебя выдает, как ты там себя ни называй.

Тигранес, прищурившись, взглянул на Конана, и в его маленьких порослячьих глазках засветился огонек алчности.

— Наверное, я поеду в... — начал было Конан, но, почуяв недоброе, замолчал. По опыту он знал, что чувство чести у обитателей трущоб — явление столь же редкое, как птичье молоко. — Впрочем, не знаю, — с деланной небрежностью сказал Конан. — Я пробуду здесь несколько дней, прежде чем решу, куда ехать. К тебе я вскоре опять загляну.

Грубо ворча, Гоблин посмеиваясь, чтобы Тигранес не заметил его подозрений, Конан вышел из «Золотого дракона» и вернулся в гостиницу Эриака. Но вместо того чтобы отправиться спать, он разбудил хозяина, расплатился за постой и вывел Имира из конюшни. Рассвет он встретил далеко от города, на дороге, ведущей в Йезуд.

* * *

На следующее утро Тигранес, который мучился бессонницей, размышляя, как ему поступить, отправился в ближайшую караулку

стражников. Он рассказал сержанту, что небезызвестный Конан, который разыскивается заморийскими властями за множество совершенных им преступлений и которого ищут всюду посланники из Турана, находится сейчас в гостинице Эриака.

Но когда сержант с отрядом стражников вторгся в гостиницу, ему сообщили, что Конан несколько часов назад уехал неизвестно куда. Тигранес, вместо платы за донос, был наказан кнутом, поскольку запоздал со своей вестью. Потирая синяки, он вернулся к себе домой. Как это ни нелепо, Тигранес призвал проклятия на голову киммерийца, виня его в своих злоключениях.

А тем временем Конан на Имире мчался вперед так быстро, как только мог нести его конь.

* * *

Жители деревушки Заминди приготовились к занятному зрелищу. Селяне в заплатанных серых, бурых, коричневых шерстяных туниках все, как один, вышли из домов, многие держали детей на плечах, чтобы малышам лучше было видно. Всем хотелось посмотреть, как сожгут ведьму Ниссу.

Старуху привязали к сухому дереву на расстоянии полета стрелы от деревенских домов. В лохмотьях, с развевающимися на ветру седыми волосами, ведьма угрюмо наблюдала, как несколько человек громоздят вокруг нее сучья и хворост. Ведьма была крепко прикручена к стволу, но веревки не врезались в ее плоть, потому что старуха была немыслимо худа.

Селяне, поглощенные приготовлениями к зрелищу, не услышали стука копыт на тропе, соединяющей дорогу на Шадизар с деревней. Пока старейшина подносил горящий факел к хворосту, сквозь толпу протиснулся коренастый гирканийский гнедой.

Хворост занялся огнем и запыпал с веселым треском. Нисса молча смотрела вниз, ее старческие, слезящиеся глаза выражали отрешенность.

Почувствовав толчок и фырканье над самым ухом, селянин, жующий яблоко, оглянулся и отскочил: это Имир, потянувшись на запах и желая откусить кусок, ткнулся в парня своим бархатным носом. Парень удивленным взглядом скользнул по крупу коня и уставился на сидящего на нем огромного всадника.

— Что это вы затеваете? — проскрежетал Конан.

— Собираемся сжечь ведьму, — с презрительной гримасой ответил

селянин.

— А что она сделала?

— Погубила злыми чарами троих детей и корову, все умерли в одну и ту же ночь. А ты кто такой, чтобы спрашивать?

— Вы враждовали с ней?

— Нет, если уж тебе так интересно, — раздраженно ответил парень. — Она была нашей знахаркой. Но злой дух вселился в нее и заставил погубить живые души.

Пламя объяло уже толстые сучья, и Нисса закашлялась от дыма.

— Люди и скот мрут постоянно, — возразил Конан. — Отчего ты думаешь, что тут замешано колдовство?

— Послушай-ка, чужестранец, — закипая, сказал селянин, — не совал бы ты нос в чужие дела. Езжай отсюда подобру-поздорову.

Конан не любил ведьм. Ни малейшего понятия не имел он и о судопроизводстве. Но киммериец был убежден, что селяне вымешают свое горе на немощной, безобразной старухе, даже не считая ее в действительности виноватой.

Конан не имел обыкновения вмешиваться в чужие дела. Если парень говорит с ним искренне, только и остается, что пожать плечами и ехать своим путем. Но его задела грубая манера собеседника. К тому же, как варвар, он считал, что обязан покровительствовать женщинам, независимо от их возраста, внешности или положения в обществе. Дерзкие слова парня только раззадорили его. Конан твердо решил, что должен спасти старуху.

Он заставил коня попятиться и выехал из толпы. Взяв разгон, он пришпорил Имира и, издав боевой киммерийский клич, на всем скаку помчался к горящему дереву. Зеваки бросились врассыпную. Замешавшихся сбил с ног скачущий конь.

Оказавшись близ охваченной кольцом огня жертвы, испуганный Имир закатил глаза и взвился на дыбы. Конан успокоил коня и сквозь дым подъехал к стволу, чтобы перерезать путы.

Сделать это было нетрудно: бережливые селяне принесли на костер самые старые, полусгнившие веревки.

В толпе послышалось недовольное ворчание, когда Конан протянул ведьме руку, взревев:

— Держись-ка, матушка!

Нисса крепко ухватилась за его загорелую руку; мощным рывком Конан поднял ее и посадил на загривок лошади перед седлом.

— Держись! — снова крикнул Конан, прижав к себе старуху и пуская Имира вскачь.

Селяне, с ропотом подступавшие к костру, бросились в разные стороны. Промчавшись сквозь толпу, Конан заметил, что самые проворные побежали к своим хижинам. Вскоре они выскочили оттуда кто с серпом, кто с вилами, кто с острогой.

— Куда тебя отвезти, матушка? — спросил у ведьмы Конан.

— У меня больше нет дома, — дребезжащим голосом ответила старуха. — Они сожгли мою лачугу.

— Так куда же теперь?

— Туда, куда и ты, умоляю, господин.

— Я направляюсь в Йезуд, не могу же я взять тебя с собой.

— Если доехать до главной дороги, а там свернуть налево, на тропу, мы доберемся до моего убежища. Но одолеет ли конь кругой подъем, неся двойную ношу?

— Пойдет ли он, если я его поведу?

— Да, господин, в этом я не сомневаюсь. Но поспеши! Я слышу позади лай собак.

Отдаленный лай достиг ушей Конана. Киммериец имел острый слух, и однако старуха раньше его заслышала погоню.

— Ты хорошо слышишь, хоть и стара, — заметил Конан.

— Я знаю способ, как притупить обострившиеся чувства, — ответила ведьма.

— Они пустили собак по нашему следу, — не приведут ли их собаки к твоему убежищу?

— Нам бы только добраться туда, а там уж я сумею их провести.

Когда Конан и Нисса выехали наконец на большую дорогу, шум погони сделался громче: Имир устал, обремененный двумя седоками. Вскоре Нисса различила вдали преследователей.

Конан пустил Имира рысью по кругой тропе, которая вилась и ныряла меж холмов. Лай становился все слышней, Конан понял, что положение почти безнадежно. На равнине, где достаточно места для маневра, его бы не испугала ватага деревенщины, вооруженной серпами и вилами. Но тут, посреди камней и ям, преследователи, при достаточной смелости, могут легко окружить его, перерезать поджилки коню, а всадника изрубить в куски.

— Преследователи скачут верхом, — сквозь зубы пробормотал Конан.

— Да, господин. Лошадей в деревне хоть отбавляй, селяне сами их разводят. А парни наши искусны в беге, они всегда одерживают верх над жителями других селений. Я всегда гордилась своей деревней.

Конан знал, что, если он бросит Ниссу, преследователям не догнать

его. Но раз уж он взялся ее спасти, ничто не заставило бы его отказаться от этой затеи. В таких случаях Конан всегда проявлял упорство.

Тропа становилась все более крутой и каменистой. Конан спешился и обошел уставшую лошадь.

— Я пойду пешком, — сказал он. — Далеко ли еще?

— С четверть лиги. Как подъедем ближе, я тоже пойду пешком.

Они продолжили путь, Конан шел, ведя под уздцы Имира. Лай собак приближался: преследователи настигали их. Конан ожидал, что они вот-вот появятся.

— Я тоже должна спешиться, — дрожащим голосом сказала Нисса, — помоги мне, господин.

Конан помог ей слезть с коня. Ноги плохо держали ослабевшую старуху, но она тут же, указав рукой на склон, где не было никакой тропы, проворно стала взбираться наверх, хотя дышала затрудненно, с мучительным сипом. Оглянувшись через лужайку, где на редкой траве были разбросаны валуны, Конан увидел, как на солнце зловеще сверкнула сталь.

— Надо поторопиться, — проворчал он. — Я понесу тебя, матушка.

Не слушая протестов, он сгреб ее хрупкое тело и стал торопливо подниматься по склону. Пот градом катился по лицу, дышать становилось все трудней.

— Вон туда, в тот пролом, — прошептала ведьма.

Со старухой на одной руке, другой сжимая уздечку Имира, Конан оказался на дне узкого ущелья, по склонам которого росли редкие чахлые сосны. Пробиваясь сквозь нагромождение валунов, пенился и рокотал ручей. Идти приходилось перепрыгивая с камня на камень; Имир, пошатываясь и спотыкаясь, следовал за хозяином.

— Здесь! — прошептала Нисса.

За выступом скалы Конан заметил вход в пещеру, прикрытый колючим кустарником и свисающими до самой земли лозами дикого винограда. Ведьма села у входа, стараясь отдохнуть.

— Поскорей берись за ворожбу, матушка: селяне вот-вот настигнут нас.

— Помоги мне развести огонь, — тяжело дыша, попросила ведьма.

Конан набрал сухой листвы и сучьев и высек искру при помощи стали и кремня. Он обернулся к Ниссе, но ведьма исчезла в глубине пещеры. Вскоре она вышла к костру, сжимая в костлявом кулаке кожаную суму. Порывшись в ней, ведьма достала щепоть порошка, который тут же бросила в огонь. Пламя затрепетало и забилось; от костра, извиваясь, будто змея в предсмертных судорогах, стал подниматься пурпурный дымок.

Шепотом ведьма прочла заклинания на языке столь древнем, что Конан сумел понять только одно-два слова.

— Поторопись, матушка, — прорычал он, так как шум погони становился все ближе. — Они вот-вот будут здесь.

— Не мешай мне, дитя! — отрезала ведьма.

Много лет протекло с тех пор, как кто-либо осмеливался так обращаться к Конану, но он благодушно снес оскорбление.

Сидя на валуне, Конан видел конец ущелья, упирающийся в склон, по которому они поднимались. Заметив всадников, он вскочил на ноги и схватился за меч. Преследователи смогут проникнуть в ущелье через узкий пролом по одному или по двое, если только не вскарабкаются на утес, чтобы атаковать сверху. А если у кого-нибудь из них лук со стрелами? У Конана не было при себе доспехов, и, даже обладая ловкостью пантеры, нельзя увернуться от стрелы, пущенной с близкого расстояния.

Нисса все еще бормотала над костром, когда Конан рявкнул:

— Вот они!

— Молчи и положи клинок, — взмолилась ведьма. — Взгляни-ка теперь! — сказала она, и в ее дребезжащем старческом голосе прозвучало торжество.

Конан взглянул на вход в ущелье: и селяне на лошадях, и их собаки — все промчались мимо.

— Молчи, дитя, а не то они услышат нас, — прошептала старуха.

Вскоре шум погони совершенно затих.

— Благодаря чарам вход в ущелье стал казаться сплошной скалой. Если бы ты крикнул, или лезвие меча сверкнуло бы на солнце, или кто-то из преследователей попробовал прислонить вилы к мнимой скале — иллюзия рассеялась бы, как туман.

Ведьма устало оперлась на отвесный камень.

— Помоги мне войти в пещеру, умоляю. Я слишком слаба.

Конан помог старухе войти в пещеру, где в беспорядке были сложены съестные припасы, пучки трав и всяческий скарб.

Ведьма, усевшись на пол, спросила:

— Молодой господин! Могу ли я попросить тебя еще об одном одолжении? Надо приготовить ужин. Я слишком слаба, чтобы хлопотать у костра.

— Я немного умею готовить, — сказал Конан. — В придворные повара я точно не гожусь, но на ночлеге в безлюдных степях приходится готовить себе самому.

Порывшись в ведьминых припасах, Конан разложил костерок.

— Расскажи-ка, матушка, — предложил он, — за что на тебя обозлилась деревня?

Старуха прокашлялась и начала свой рассказ:

— Я Нисса из Комата. Много лет я прожила в Заминди, занимаясь скучно оплачиваемым ремеслом белой колдуньи. Я исцеляла от болезней людей и скотину, гадала для влюбленных, предсказывала перемены погоды. Но я всегда говорила людям, что в ворожбе ничего нельзя сказать наверняка, в конечном итоге все зависит от воли богов. Случилось, что в Заминди начался мор. Многие заболели, и в одну ночь умерло трое детей. Я делала все, что от меня зависело, но ни заклятия, ни снадобья не помогли. В деревне стали поговаривать, что я злая колдунья. Все ограничилось бы сплетнями, если бы не Бабур, наш старейшина. Он давно зарился на клочок земли, где стояла моя хижина. Я отказывалась продать ему участок даже по хорошей цене, вот он и отомстил мне. — Ведьма закашлялась. — Вчера я составила себе гороскоп и увидела, что расположение планет предвещает зло. Сегодня утром я собиралась перенести свои пожитки сюда, в пещеру, которую я давно уже высмотрела на всякий случай. Но опоздала: селяне, ворвавшись в дом, схватили меня и поволокли в деревню. — Нисса усмехнулась: — Нам удалось обмануть предзнаменования. По крайней мере на сегодня. А что приключилось с тобой, молодой господин?

Рассказав Ниссе то, что счел нужным, киммериец спросил:

— Что ждет меня в будущем?

Нисса взгляделась в даль старческими, слабыми глазами.

— Кое-что я могу тебе сказать. Ты человек страстный, и раздоры сопутствуют тебе, даже если ты сам тому не рад. Несметные полчища идут на тебя. Я — не последняя ведьма, к помощи которой тебе придется прибегнуть в крайней нужде. Осторожней с привязанностями. Тебе будет часто казаться, что счастье близко, но оно ускользнет из рук, растает, как утренняя дымка. Это все, что я сейчас могу тебе сказать. Мои старческие силы подорваны, необходимо отдохнуть. Я не из тех колдунов, кто вливает в себя новую жизнь при помощи магии. Завтра я прибегну к более действенным заклинаниям, чтобы приоткрыть завесу над твоим будущим. А пока прими знак моей благодарности.

— Матушка, мне ничего не... — стал было спорить Конан, но ведьма остановила его жестом.

— Еще никто не называл Ниссу неблагодарной, — сказала она. — Это сущая безделица в сравнении с тревогами минувшего дня.

Порывшись в разбросанном по пещере хламе, ведьма нашла маленький мешочек и протянула его Конану.

— Здесь несколько щепоток Порошка Забвения, — пояснила она. — Если к тебе приблизится враг, брось ему в лицо щепоть порошка. Вдохнув порошок, он забудет, кто ты такой и все, что с тобой связано.

— Как же мне с ним потом поступить? — спросил Конан. — Если он оскорбил меня, его следует убить, но нельзя же убивать человека, который забыл, что мы с ним в ссоре.

— Можно отпустить его, ни о чем не беспокоясь. Убить такого человека — все равно что убить ребенка из-за того, что ты в ссоре с его отцом. Бессмысленно жестокая месть.

Конан проворчал, что он согласен, хотя никогда прежде не задумывался о подобных поступках. Для киммерийцев было обычаем мстить представителям враждебного клана, убивая их детей.

Конан попытался отказаться от порошка, заявив, что не собирается связываться с магией. Но старуха была так настойчива, что он со словами благодарности принял дар, лишь бы только ее не обидеть.

Проснувшись на следующее утро, Конан обнаружил, что Нисса мертвa, тело ее давно остыло. Все-таки не удалось ей обойти предзнаменования.

Глава 5

ГОРОД НА СКАЛЕ

Солнце пряталось за крутыми склонами Карпашских гор, когда Конан направил Имира в узкую долину, ведущую к Йезуду, городу бога-паука. Сгущавшиеся сумерки набросили тень на ущелье. Почва была каменистой, растительность чахлой, потому что покрытые вечными снегами Карпашские горы, тянувшиеся сплошным массивом с севера на юг, не пропускали в Замору влажные западные ветра. Подковы Имира то звонко цокали по камням, то вязли в лужицах просачивающейся на поверхность нефти.

Тропа вилась над полувысохшим ручьем, который пенился и как будто играл в прятки посреди валунов. Забиравшая все круче и круче тропа была узка настолько, что по ней мог ехать только один всадник. Там, где она расширялась, Конана, бывало, поджидал какой-нибудь путник, чтобы, разминувшись, продолжать спуск. Однажды Конану попался торговец, который вел с собой четырех ослов, нагруженных по бокам сосудами с нефтью. В низинах южной Заморы эта черная маслянистая жидкость использовалась для различных нужд: ее употребляли как слабительное, смазывали колеса повозок, заправляли лампы, лечили чесотку.

Конан нагнал стадо коров, которое неспешной вереницей продвигалось вверх по тропе. На одном из поворотов стало видно все стадо, на удивление огромное: Конан насчитал около восьмидесяти голов. Стадо гнали в Йезуд несколько пастухов. Медлительность неуклюжей скотины раздражала Конана, но по узкой, извилистой тропе объехать стадо было невозможно.

Несмотря на то что с заходом солнца долина погрузилась во мрак, небо все еще светилось лазурью; наконец ущелье перешло в узкую долину. Близ дороги приткнулась деревушка. Поодаль высился уступ, делящий долину надвое, и на нем теснился обнесенный стеной акрополь. Купол мраморного храма, где поклонялись богу Зацу, поднимался над розовыми городскими крышами подобно венцу монарха. Йезуд — так назывался город-крепость, а деревня именовалась Кшесрон.

Как только тропа стала шире, Конан обогнал стадо и проскакал по деревушке: чумазая ребятня бросилась врассыпную, дворняги отскакивали, отчаянно гавкая вслед Имиру. Единственным общественным заведением в Кшесроне была гостиница, верхний этаж которой высился над грязными

деревенскими развалюхами; над дверным косяком была прибита ветка.

Чтобы попасть в город, надо было подняться на утес по вырубленной в скале узкой крутой дороге. Это был единственный путь, и Конан заключил, что при упорной защите город будет совершенно неприступен. Слоны утеса почти что отвесны, а с тыла город защищает громоздящаяся над ним гора Чаф. Преодолеть все эти препятствия под силу разве что отряду легковооруженных киммерийских горцев.

Имир, едва ступив на дорогу, отказался идти вперед. Напрасно всадник пришпоривал его: конь стоял будто вкопанный. В конце концов Конан спешился и начал подниматься по склону, ведя под уздцы упирающегося коня. На протяжении всего подъема лошадь закатывала глаза, прядала ушами и вела себя так, как если бы чуяла некое зло, неподвластное человеческому восприятию.

Человек и упирающийся конь достигли наконец тесной каменной площадки перед городскими воротами, находящейся на головокружительной высоте. Двое вооруженных стражников, более крупных и рослых, чем заморийцы, стояли перед распахнутыми обитыми бронзой воротами.

— Кто ты такой и по какому делу? — лаконично спросил один из стражей, сурово глядя на Конана.

— Ниал, наемный солдат, — ответил киммериец. — Я слышал, вам нужны такие, как я.

— Были нужны, — язвительно скривив губы, ответил солдат. — А теперь нет. Ты опоздал.

— То есть все вакансии заняты?

— И твое путешествие оказалось напрасным.

Стражник говорил по-заморийски с незнакомым акцентом.

— Вас обоих недавно наняли? — спросил Конан.

— Да, мы из Вольного отряда капитана Катигерна.

Конан, которого раздражала грубая манера стражника, старался сохранять спокойствие.

— Откуда ты родом, дружище?

— Мы бритунийцы.

— Да что ты! Где я только не путешествовал, а в Бритунии не бывал. Мне до зарезу надо поговорить с чиновником, который вас нанимал, какого бы ранга он ни был.

— Сегодня уже поздно. Попробуй завтра утром.

Конан хмыкнул:

— Есть ли в Йезуде постоянный двор, где я мог бы заночевать, оставив

лошадь в конюшне?

Солдат презрительно захохотал:

— Любой дурак знает, что только жрецы и работники храма могут приклонить голову в стенах Йезуда.

Конан так и вспыхнул от ярости. Он и без того был раздосадован медлительностью стада и упрямством жеребца, но стражник своей наглостью довел его до белого каления. Удержавшись от грубых слов, Конан постарался запомнить грубияна, чтобы при случае свести с ним счеты. Притворяясь хладнокровным, варвар спросил:

— Где же ночуют путешественники?

— У Бартейка в гостинице, в Кшесроне. Но если там битком набито паломниками, переноочуешь под звездным кровом.

— Мне не впервой, — огрызнулся Конан. Он собрался было спуститься вниз, но по дороге уже поднималось стадо. Мыча и вздыхая, коровы и быки вереницей трусили под проклятия пастухов.

— Посторонись, олух, пусть стадо пройдет! — рявкнул охранник.

Конан, стиснув зубы, схватился было за меч, но, припомнив все же, что высовываться лишний раз не стоит, сдержал свой пыл. Кипя от злости, он стоял и смотрел, как проходит стадо, пока последнее животное не скрылось в воротах. На небе уже мерцали звезды. Ведя Имира, Конан с напряжением вглядывался во тьму, чтобы не остаться и не рухнуть вместе с конем вниз с крутого утеса.

* * *

В гостинице Бартейка было много свободных спален. Паломники стекались в основном в определенные дни года, во время больших праздников в храме Заца. Весенние торжества только что миновали, а праздник Всех Богов еще не наступил, и потому в комнатах пустовали кровати, а в конюшне — стойла.

Конан, пригнувшись, вошел и осмотрел залу, где несколько посетителей сидели за столами — кто за ужином, кто за выпивкой или игрой. Некоторые были крупного телосложения, с каштановыми или рыжеватыми волосами; по их мундирам Конан догадался, что это наемники-бритунийцы. Другие, довольно невзрачного вида, были местные, за исключением одного стройного смуглого молодого стигийца с бритой головой, в длинном, до пят, монашеском одеянии. Конан встречал уже таких людей в Коринфии и Немедии, где ему объяснили, что это жрецы,

монахи или просто ученые. Бритоголовый сидел, склонившись над разложенными на столе пергаментами, папирусными свитками, плоскими деревянными табличками.

За стойкой молодая пышногрудая женщина с выющимися волосами наливалась ковшом пива в кружки посетителей. Когда Конан подошел, она обернулась и позвала:

— Отец!

Толстяк-хозяин, фартуком вытирая руки, вышел из кухни.

— Слушаю, господин, — учтиво сказал он.

Конан заказал ужин и кровать для себя и кадку зерна и стойло для Имира. Поужинав и выпив пива, киммериец рано улегся спать.

* * *

С рассветом Конан уже стоял у ворот Йезуда. Когда ворота распахнулись, Конан увидел незнакомых стражников и с ними офицера в красивом мундире. Офицер был мускулистый и ростом почти с Конана, с жесткими рыжими усами, концы которых лихо закручивались. Увидев киммерийца, офицер сказал:

— Ха! Это ты сюда приходил вчера поздно вечером и расспрашивал о работе в Йезуде? Рубаке здесь нечего делать, мои парни взяли крепость под свою охрану.

— Ты, конечно, капитан Катигерн, — догадался Конан.

— Да. Ну и что?

— Капитан, я хотел бы поговорить с человеком, который нанимает работников. Ведь я умею не только крошить черепа.

Капитан изучающе посмотрел на Конана:

— Не думаю, чтобы у него что-то нашлось для тебя. Расположен ли ты к культу бога Заца?

— Я расположен ко всему, за что мне хорошо платят, — сказал Конан.

Сжав губы, Катигерн поразмыслил над словами киммерийца. Повернувшись к одному из стражников, он сказал:

— Моркант! Отведи этого парня к викарию. Пусть он решает, можно ли ему доверить работу в храме. А ты, чужестранец, оставь пока тут свой меч.

Конан ни слова не говоря вынул из ножен клинок и пошел за Моркантом.

Городская застройка отличалась суровой простотой: один за другим

следовала рады чистеньких, выбеленных лавок и жилищ с красными крышами, почти неотличимых друг от друга. Улицы были чисто выметены — никакого сравнения с другими городами, где пришлось побывать Конану; даже главная улица, по которой вчера провели стадо, была безукоризненно чистой.

Конан спросил у Морканта:

— Вчера я видел, как в город вошло стадо, до восьмидесяти голов скота. Неужто населению требуется такое количество жратвы? Городишко маленький, жителям и за месяц не слопать столько мяса.

— Не любопытствуй, чужеземец, — отрезал бритунский воин.

Конан поглядывал по сторонам из-под тяжелых бровей, не попадается ли им по пути большой скотный двор, где могли бы разместить всех этих животных. Они проходили мимо конюшен и самых разных мастерских, но загона для скота Конан так и не заметил.

Наконец они приблизились к стенам храма. Конан, задрав голову, глазел, как деревенщина, на огромное строение, каких он прежде не видывал. Храм Заца был грандиозней, чем храмы и дворцы в Шадизаре и Аграпуре. Сложен он был из огромных плит светло-серого мрамора, на которых играли золотые блики солнечного света. От огромного центрального корпуса отделялось восемь крыльев, каждое с отделанными мозаикой колоннами с пилястрами. Концы крыльев соединялись стенами из отполированного гранита, но главный вход в храм не был загорожен, и к нему вели широкие ступени. Обширный центральный купол возвышался над постройкой, и утреннее солнце играло на его позолоте.

Перед главным входом — огромной двустворчатой дверью, украшенной бронзовыми барельефами, — два бритунских воина стояли на страже: в алых новехоньких мундирах и блистающих кольчугах, с алебардами наготове.

— Посетитель к викарию, — объявил Моркант.

Стражник открыл маленькую дверцу в одном из бронзовых отсеков главного входа. Конан нырнул под притолоку и оказался в просторном, устланном коврами притворе, от которого в разные стороны тянулись коридоры. Напротив входных дверей была еще одна огромная дверь, украшенная изысканной золотой резьбой. И здесь стояли двое стражников с алебардами. Моркант, кивком поприветствовав стражей, повел киммерийца по одному из коридоров. Конан ощутил слабый запах падали. Он не однажды замечал это в храмах, где животных приносили в жертву божеству либо гадали по внутренностям. И потому он почти не придал значения этому неприятному запаху. Проведя киммерийца по

хитросплетению коридоров, Моркант остановился у дубовой двери, которую охранял бритунийский наемник, и постучал. Из-за двери послышалось: «Входите!» — и Моркант, открыв дверь, знаком велел Конану войти.

За большим, украшенным резьбой письменным столом сидел человек в белом тюрбане и что-то писал при свете нефтяной лампы.

Конан вздрогнул и потянулся к мечу, но вспомнил, что оставил его у ворот. Сидевший за столом был не кто иной, как Харпагус, погрузивший его в гипнотический сон на болотах Мегары.

Похоже было, что Харпагус не узнал Конана. Конан вспомнил, что при встрече с заморийцами лицо его было обмотано лентами кафии. Даже за ужином Конан, опасаясь мошкеры, ел, приподняв край полотнища надо ртом.

Подавив в себе вспышку ненависти, варвар сказал с напускным спокойствием:

— Меня зовут Ниал, я вольный воитель из Пограничного Королевства. Услышав, что в храме Заца нужны часовые, я приехал сюда.

Человек в тюрбане покачал головой:

— Ты опоздал на две недели, сын мой. Капитан Катигерн из Бритунии, которая сейчас не воюет, привел сюда свой отряд.

— Да, мне говорили об этом. И все же, господин, нет ли для меня какой-нибудь работы? Мне нужно хоть что-то заработать, прежде чем пуститься в обратный путь.

Харпагус потер узкий подбородок:

— Храму нужен человек, чтобы вести амбарные книги. Справишься ли ты с этой задачей?

— Нет, — покачал головой Конан. — Такая работа не по мне! Я не способен, дважды сложив колонку цифр, получить одинаковый результат.

— Ну, тогда... а, вспомнил! Храму нужен кузнец, по крайней мере на время: наш кузнец сейчас лежит в лихорадке. Родные говорят, он очень плох. Тебе знакомо ремесло кузнеца?

На лице Конана сверкнула белозубая улыбка:

— Мой отец был кузнецом, и я несколько лет проработал у него в подмастерьях.

— Очень хорошо. Замечательно! По крайней мере, ты для этого достаточно силен. Сегодня же можешь взяться за дело. Этот бритуниец покажет тебе, где находится кузница. За ней сейчас присматривает Лар, ученик Парискаса. Он будет твоим подмастерьем.

Выяснив вопросы насчет жалованья и жилья и договорившись о

стойле для лошади, Конан выслушал от Харпагуса напутствие.

— Теперь мы все обсудили, сын мой, — сказал викарий. — Но ты должен также понимать, что, находясь в священном Йезуде, нельзя пить опьяняющие напитки, играть в азартные игры и предаваться разврату. И хотя бы раз в десять дней следует посещать богослужения.

Вдруг викарий нахмурился и спросил:

— Приходилось ли нам встречаться с тобой когда-либо прежде?

Конан почувствовал, как у него на голове волосы встают дыбом.

— Нет, господин, — ответил он с безразличным видом. — Разве что в Немедии, когда я там служил солдатом?

Харпагус покачал головой:

— Нет, в Немедии я никогда не бывал. И все же твой голос как будто мне знаком... Ну да ладно. Сейчас стражник покажет, где твое новое жилище. Дел у тебя будет предостаточно.

— Еще один вопрос, господин. Я хочу, чтобы мне вернули мой меч, он сейчас у стражников.

Харпагус тонко улыбнулся:

— Тебе отдадут его. Отнять клинок у кузнеца все равно что забрать стихи у поэта: он тут же сочинит новые.

Топая рядом с бритунийцем по узким улочкам города, Конан угрюмо спросил:

— Викария зовут Харпагус?

— Да.

— Я так и думал. Я правильно его понял, что в Йезуде нет ни вина, ни пива, ни женщин на ночь?

Моркант усмехнулся. Он стал держаться гораздо дружественней, как только узнал, что Конана берут на работу в храме.

— Верховный Жрец Феридун — очень праведный человек, и он надеется распространить благочестие по всей Заморе. Нам, наемникам из Вольного отряда, приходится спускаться к Бартейку для греховных увеселений. Феридун давно бы уже закрыл гостиницу, но он не решается это сделать, понимая, что мы тут же покинем Йезуд.

Конан хотнул, зная, что наемники вовсю предаются разгулу, пока нет военных действий, однако нигде об этом не говорилось столь открыто.

— Не вижу причин для веселья, — обиженно проворчал Моркант.

— Не обижайся, дружище, — серьезно сказал Конан. — Ведь я тоже служил наемником и кое-что знаю об их нравах.

* * *

Кузница помещалась в нижнем этаже и состояла из двух комнат: первая, попросторней, где был горн, — с дверью на улицу; вторая, поменьше, служила жильем кузнецу.

Конан вошел — и мальчик, что сидел, поигрывая прутиком, на наковальне, вскочил на ноги.

— Я — Пиал, новый кузнец, — объявил Конан.

— Меня зовут Лар, сын Яздаха, — сказал мальчишка. — Умоляю, господни Ниал, обучи меня кузнечному делу. Старый кузнец не позволял мне даже прикасаться к инструментам. Похоже, он боялся, что я вырасту и займу его место.

— Посмотрим, как у тебя будет получаться, — заметил Конан.

— О, я способный, поверь мне, господин. Я исподтишка учился сам, когда Парискаса не было дома. Порой он заставал меня за работой и награждал колотушками.

Мальчик пытливо взглянул на великана, которому предстояло стать его новым хозяином.

— Если уж тебе от меня достанется, — проворчал Конан, — то только не за то, что ты пытаешься учиться. Давай-ка взглянем на инструменты.

Конану не приходилось работать в кузнице с тех самых пор, как из-за распри меж соседними кланами он покинул киммерийскую деревню. Но, взвесив на руке тяжелый молот и взявшись за массивные железные щипцы, он почувствовал знакомое волнение. Конану стало ясно, что не пройдет и нескольких дней, как прежние навыки восстановятся.

— Лар, — позвал Конан, — я отправляюсь в Кшесрон за вещами и лошадью. Пока я хожу, раскали горн; сегодня же примемся за работу. Кстати, куда девался весь этот скот, что вчера пригнали в Йезуд?

— Его загнали в храм с западного входа, — ответил Лар.

— Такой маленький городок, а брюхо бездонное... — покачал головой Конан.

— Стадо привели не для жителей, и даже не для жрецов, господин. Коровы предназначены в жертву Зацу.

— В самом деле? — изумился Конан. — Невероятно. Я бывал во многих храмах и видел немало жрецов. Везде, где в жертву божеству приносят животное, на алтаре сжигают кожу, кости и требуху. Мясо остается жрецам, которые пирут вдоволь. Почему ты думаешь, что в храме Заца другие обычаи?

— Но, господин, в Йезуде каждому известно, что скотина пожирается Зацем! Был ли ты в святилище храма?

— Нет еще. А что?

— Ты все увидишь сам, как только придешь на богослужение. Там находится статуя Заца, в облике гигантского паука, вырезанная из огромного камня. Туловище его такое огромное, а ноги... ноги...

Мальчик содрогнулся и замолчал.

— Статуя не может поедать коров, — возразил Конан, удивляясь ужасу мальчугана.

— Каждую ночь статуя оживает, — продолжал паренек. — Сквозь люк в полу святилища Зац спускается в подземелье, где хватает и пожирает приведенных для него животных. Так говорят жрецы.

— Много я встречал удивительного в своей жизни, — задумчиво проговорил Конан. — Но даже если это правда, слопает ли такой паук столько скота за один присест? Ручного паука я не держал, но знаю повадки животных. Думаю, половины быка ему хватило бы на полмесяца.

— Ах, господин, все это священные тайны! Слабому уму смертных не постичь их, — Лар коснулся лба указательным пальцем.

— Возможно, — хмыкнул Конан. — Берись за растопку горна, а я иду в гостиницу за пожитками.

Вскоре, ведя под уздцы Имира, Конан подошел к воротам храмовой конюшни, где для его коня отвели стойло. Пока Конан рассказывал конюху, как надо ухаживать за Имировом, в дальнем стойле послышалась возня. Лошадь вставала на дыбы и била воздух копытами с возбужденным ржанием.

— Что там такое? — спросил Конан.

Конюх обернулся.

— А, это тот проклятый жеребец, которого викарий купил в Туране, — ответил он. — С ним нет сладу: никого к себе не подпускает.

— Вот как! — хмыкнул Конан. — А можно взглянуть?

Подойдя к стойлу, он узнал Эджила. Конь радостно заржал и ткнулся в него носом. Не смея заговорить со своим любимцем, Конан обратился к конюху:

— Я ему как будто понравился, одному небу известно почему.

Конюх оперся на лопату, раздумывая. Наконец он пробурчал:

— Может быть, ты, господин, объездишь его? Возьмешься за это? Жрецы разрешат, я уверен.

Конану так и хотелось сказать «да!», но он боялся, что Харпагус тотчас догадается: новый кузнец и прежний хозяин Эджила — одно и то

же лицо. И потому он ответил:

— Посмотрим. Сейчас у меня нет времени даже на Имира.

Глава 6

ХРАМ БОГА-ПАУКА

В Йезуде не было ни гостиницы, ни харчевни. Конану не хотелось всякий раз тащиться в Кшесрон, и он договорился с матерью Лара, чтобы она готовила для него пищу. Вечером Конан смывал с лица и рук копоть и шел вместе с Ларом в их небольшой домик, где жили мальчик и его рано овдовевшая мать. Свежевыбеленный домик был чист и уютен, с тенистым садом во внутреннем дворике.

Амитис, женщина средних лет, с морщинистым лицом и седыми волосами, готовила довольно вкусно, хоть Конан и ворчал, что нет пива — прихлебывать за ужином. Молча он слушал, как хозяйка болтает о себе, о своей родне и сыне, о незабвенном супруге.

— Нам приходится тugo с тех пор, как он скончался, горемычный, — вздыхала она. — Но Лар получает как подмастерье, да еще заработок дочери в храме, да я кое-что зарабатываю, стирая белье, — вот и сводим концы с концами.

— У вас есть дочь? — с любопытством спросил Конан.

— Да, Рудабе — главная танцовщица храма; помимо того, на ней много других обязанностей. Очень смышленая девушка, счастлив будет тот, чьей женой она станет.

— Танцовщицам разрешается выходить замуж?

— Да, по истечении срока службы в храме. Жрецы поощряют брак: если девушка работала старательно, ее наделяют приданым.

— Как выбирают для храма танцовщиц? — спросил Конан, принимаясь за еду.

— Жрецы ежегодно устраивают смотр, — пояснила Амитис, — чтобы выбрать двух самых красивых девушек. Иные семьи приезжают из Шадизара, привозят дочерей, но в основном приходят жители округи. Считается честью, если дочь берут в услужение Зацу.

— Каков срок их службы?

— Избранницы работают в храме пять лет.

Конан взглянул на Лара:

— Почему ты не сказал мне, что у тебя есть сестра?

Мальчик скривил губы:

— Разве я думал, что такой великий человек заинтересуется какой-то девчонкой?

Конан обернулся к Амитис, чтобы скрыть улыбку от своего юного почитателя, и спросил:

— Ваша дочь когда-нибудь навещает вас?

— Да, примерно раз в неделю ее отпускают поужинать с нами. Не далее как три дня назад она провела вечер дома.

Конан лениво потянулся и поднялся из-за стола.

— Лар, — бросил он небрежно, — тебе придется взять меня в храм на службу и пояснить обряды. Викарий велел посещать храм не менее трех раз в месяц, мне следует повиноваться.

Попрощавшись с Ларом и Амитис, Конан вернулся к себе в кузницу. Он подумал, не пойти ли ему в гостиницу Бардейка, чтобы весело провести остаток вечера, но день работы с тяжелым молотом давал себя знать. И поэтому Конан улегся спать гораздо раньше, чем хотелось бы.

* * *

Весь следующий день Конан провел у горна и наковальни. Он подковал нескольких лошадей, перековал зазубренный серп, расправил вмятину на шлеме одного из бритунийцев и между делом выковал множество гвоздей самой разной величины; Лар при этом исправно раздувал мехи. Конану приятно было сознавать, что он не забыл ремесло, которому с охотой обучался еще мальчишкой.

Наутро Конан вместе с мальчиком отправился в храм Заца, народ стекался на богослужение со всего города.

И огромная входная дверь, и дверь в притворе были распахнуты. Стражи с алебардами стояли не шевелясь, но глаза их были склонены на хорошеных женщин, сочетающих набожность с веселым нравом.

Возвышаясь над толпой, Конан вошел в святилище. Запах падали тут ощущался сильней, но Конан привык к запаху смерти на полях битвы и потому не почувствовал тошноты. Круглый зал святилища, располагаясь в центре храма, вмещал тысячи молящихся. Но так как до большого праздника было далеко, около сотни местных жителей собралось в огромной ротонде. Конан заметил, что весь пол украшен изысканной мозаикой в виде узора из паутинок. Каждая сеть была не шире, чем плечи человека; в центре одной из них поместился Лар и жестом пригласил Конана встать рядом.

Конан с изумлением глядел на высокие колонны, поддерживающие купол. Всюду повторялся узор паутины. Он украшал алебастровые стены,

колонны, огромной сетью простирался по золоченой поверхности купола. Нити паутины были то черными на белом фоне, то белыми на черном, алыми на голубом, золотистыми на зеленом, пурпурными на серебристом; было и много других цветовых сочетаний.

Блеск позолоты, отражающий блики сотен ламп, которые свисали на бронзовых цепях из углублений в куполе, и бесконечно повторяющийся узор паутины зачаровывали зрителя. Конан закрыл глаза, чтобы не видеть ни круглых ламп, ни мозаики, и постарался представить тихий садик чародея Кушада.

Решившись наконец открыть глаза, Конан сосредоточился на том, что было перед ним.

Наполовину вдаваясь в стену и наполовину выступая в святилище, располагалось священное ограждение, по форме представляющее квадрат. Площадка эта возвышалась над полом, чтобы молящимся лучше было видно храмовое действие; к ней вели три широкие ступени.

Медные полированные перила на подпорках, по пояс высотой, плавной линией огораживали ступени от остальной части святилища.

На площадке, с правой стороны, стоял тяжелый старинный сундук из черного эбенового дерева с бронзовыми замками, позеленевшими от времени. Сундук был украшен вездесущей паутиной, сплетенной из серебряной проволоки, искусно вделанной в полированную поверхность дерева.

Как бы уравновешивая сундук, на левой стороне площадки возвышалась, наподобие алтаря, позолоченная мраморная плита; вся она была покрыта вязью древних заморийских письмен. На этом великолепном основании высилась чаша, вырезанная из халцедона; в ней горел неугасимый огонь — в знак преклонения, понял Конан, пред богом-пауком. В дальнем конце площадки, декорированной кроваво-алой тканью, была ниша, перед которой помещалась статуя Заца. Идол был вырезан из черного оникса с такой тщательностью, что и впрямь можно было поверить, будто он оживает по ночам.

Тяжелое овальное туловище опиралось на подставку, покрытую алым бархатом; в мерцающем сиянии ламп казалось, будто оно висит без опоры; восемь членистых ног паука, каждая прочней галерного весла, покоились на мраморном основании. Статуя напомнила Конану огромного паука, с которым он когда-то сражался в Слоновой Башне, но представленное здесь насекомое было вдвое крупней.

Спереди на голове у паука — или на том отростке, что пауки имеют вместо головы, — помещались четыре огромных глаза, отливавшие

голубоватым цветом. С места, где стоял Конан, были видны еще четыре глаза: два по бокам и два на верхушке. Воровской инстинкт пробудился в Конане, и он спросил:

— Из чего сделаны глаза, парень?

— Тсс! — прошептал Лар. — Жрецы идут.

И слева, и справа на площадку выходили двери: одна располагалась за чашей с неугасимым огнем, другая — за эбеновым сундуком.

Внушительная процессия появилась слева: дюжина жрецов в шелковых тюрбанах и парчовых халатах, у каждого в руках — жезл с золотым или серебряным набалдашником. Процессию возглавлял самый рослый жрец, в белоснежном балахоне и дымчато-черном тюрбане; кустистые черные брови, орлиный нос и пышная белая борода придавали ему внушительный вид.

Другие жрецы были одеты в балахоны яркие, как цвета радуги. Один был в алом балахоне и лазурном тюрбане, другой — в пурпурном балахоне и головном уборе цвета шафрана, третий — в сапфирно-голубом балахоне и тюрбане цвета морской волны. На Харпагусе, как всегда, был черный балахон и белоснежно-белый тюрбан.

Двенадцать жрецов выстроились в ряд перед богом-пауком. По знаку Харпагуса молящиеся воздели руки и воскликнули:

— Хвала Зацу, богу всех! Хвала Феридуну, Верховному Жрецу Заца!

Самый молодой из жрецов защелкал в вонючем воздухе длинными тонкими пальцами, и молящиеся запели гимн Зацу. Понятнее всего Конану показался припев: в нем утверждалось, что величие бога Заца летит по всей Заморе, как паутина на крыльях ветра.

Четверо жрецов медленно подошли к неугасимому огню и встали полукругом. Каждый вытащил из рукава какой-то предмет. Конан увидел серебряный кубок, кинжал с инкрустированной драгоценными камнями рукояткой, бронзовое полированное зеркало и золотой ключ. Жрецы исполнили некий сложный ритуал: над чашей взвился и рассеялся по площадке дымок, при этом жрецы произносили заклинания, из которых Конан не понял ни слова.

Жрецы, ступая размеженным шагом, перестроились и стали в два ряда вдоль стен площадки; правая дверь отворилась, и оттуда вышли восемь девушек-танцовщиц и приблизились к богу-пауку. На них не было ничего, кроме длинных нитей, унизанных черными блестящими бусинами; нити хитро переплетались в виде огромной паутины. Драгоценные камни сверкали в эбеновых волосах и на пальцах девушек, подобно каплям росы.

Жрец в сапфирно-голубом балахоне достал флейту и заиграл

чарующую мелодию, и девушки исполнили величественный танец вокруг огромного идола. Стойные тела танцовщиц сплетались и изгибались, бусины сверкали и сталкивались при каждом движении.

— Я понял, что Зац — бог чистоты, — прошептал Конан. — Но эти девушки никак не вяжутся с проповедью о воздержании.

— Тсс! Господи, ты не понимаешь, — выдохнул мальчик, глаза которого горели религиозным восторгом. — Это священный танец, древний и почитаемый.

Конану словно кто на ухо шепнул, что украсть такую девицу и сделать ее своей наложницей — затея, достойная похвальбы.

— Которая твоя сестра? — не отставал он.

— Вон та — слева от центра, сейчас она за статуей. Она самая высокая.

— Хорошенькая, — пробормотал Конан. — Если это только она.

Девушка была и в самом деле и выше ростом, и красивей сложена, чем большинство низкорослых, сухощавых замориек. Глядя на нее, Конан почувствовал, как кровь у него закипает.

Танец закончился тем, что восемь девушек простерлись вокруг идола, каждая у края паучьей лапы. Поднявшись и взявшись за руки, они цепочкой покинули площадку. Верховный жрец Феридун выдвинулся вперед и, оперевшись костяшками левой руки о крышку старинного сундука, воздел правую, призывая к вниманию. Он начал свою проповедь:

— Возлюбленные! Мы переживаем дурные времена, времена падения некогда великой Заморы. Мы, жрецы, множество раз твердили — увы, напрасно! — о греховной распущенности народа. Развращенность распространена среди вас, источник ее — королевский трон: мы, некогда великная нация, варимся в кotle интриг, преступлений и прочих злодеяний. Привычными стали воровство, убийство, разврат. Культы других богов, призванные остановить падение нравов, оказались бесполезны или — увы! — способствуют неправедному обогащению и утопанию в грязи чувственных удовольствий.

Ораторские интонации Феридуна раздражали киммерийца, Конану так и хотелось выкрикнуть, что, в каких бы злодеяниях ни погряз народ Заморы, он ничуть не хуже, чем любой другой народ. Но, понимая, что один человек ничего не сделает против сотен воодушевленных религиозным пылом фанатиков, Конан попридержал язык. Тем временем Верховный Жрец продолжал:

— Только истинная вера, вера в бога Заца, способна в корне пресечь разложение. Только вера в Заца способна очистить королевство от порока и

восстановить Замору во всем ее древнем величии. Уверяю вас, возлюбленные, день очищения недалек. Все, преданно собравшиеся здесь, доживут до него. Это будет великий переворот, схватка со злом, какой мир еще не видывал, но вы ее увидите. Пламя великого отмщения охватит страну, поглощая грешников, как насекомых, попавших в костер! Час близится! Готовьтесь, дорогие, вступить в ряды священной армии Заца...

Конан, слушая Феридуна, беспокойно ерзал на месте. Наконец Верховный Жрец закончил свое выступление молитвой. Восемь девушек, одетые в соблазнительные полупрозрачные накидки всех оттенков радуги, торжественно вышли и пропели гимн, пока жрец в сапфирно-голубом балахоне и тюрбане цвета морской волны подыгрывал им на флейте. Под музыку служители в изумрудно-зеленых туниках обходили верующих, потряхивая чашами для сборов. Позвякивание монеток весело, хотя и не в такт, аккомпанировало звонкоголосому пению девушек.

Один из служителей протянул чашу Конану. Заглянув в чашу, Конан увидел груду самых разных монеток. Ворча, киммериец выудил из своего тощего кошелька медную монету и бросил в чашу.

Служитель презрительно фыркнул.

— Ты не слишком щедр к богу, чужеземец, — пробормотал он.

— Пусть жрецы побольше платят мне за работу в кузнице, — прорычал Конан. — Тогда я стану щедрей.

Служитель уже приготовил резкий ответ, но сердитый блеск в глазах Конана заставил его прикусить язык.

Когда сборы подаяния завершились, девушки умолкли и исчезли. Верховный Жрец Фериун подошел к сундуку, церемонно отпер его и откинул крышку. Служители торжественно прошествовали мимо, опоражнивая свои чаши; эхо от гремящих монет гулко разносилось под куполом храма.

Фериун пропел еще одну молитву, благословил приношения и запер набитый монетами сундук. Воздев руки, молящиеся вновь возгласили хвалу богу Зацу, и богослужение закончилось.

* * *

Когда Конан и его юный провожатый вышли из храма, Лар, кипя воодушевлением юности, воскликнул:

— Разве Верховный Жрец Фериун не замечательный человек? Не наполняет ли он сердца духовным горением?

Конан помедлил, прежде чем ответить:

— Я уверен, что жрецы ничем не отличаются от прочих людей. Они стремятся к власти, деньгам и славе, как и все мы, только маскируют свои желания благочестивой болтовней.

— Ах, господин! — воскликнул мальчик. — Не дошли бы твои слова до ушей жрецов! Возможно, они простят тебя, как невежественного чужеземца, но ты не должен отзываться непочтительно ни о боге, ни о его служителях, находясь в священном Йезуде, — если не хочешь послужить пищей для бога-паука.

— Такова судьба всех нечестивцев? — поинтересовался Конан.

— Да, господин. Так обычно казнят нечестивцев.

— Как совершается казнь?

— Служители бросают преступника в подземелье под храмом. Когда наступает ночь, бессмертный Зац принимает облик паука и спускается вниз, чтобы пожрать виновного.

— Кто-нибудь видел превращение Заца?

— Только жрецы, господин.

— Но хоть один житель Йезуда присутствовал при этом чуде?

— Н-нет, господин. Никто не осмеливается входить в обиталище бога-паука, кроме жрецов. В прошлом году, говорили, один нечестивец тайком проник в подземелье, надеясь похитить сокровища. Вы слышали о заморийских ворах?

— Я слышал, что никто не сравнится с ними в ловкости и смелости. Так что же случилось с тем храбрецом? Его сожрал Зац?

— Нет, ему удалось ускользнуть. — Мальчик содрогнулся. — Но он вышел оттуда сумасшедшим и через несколько дней умер.

— Хм... Да, подземелья вредны для здоровья. Скажи-ка мне, Лар, из чего сделаны глаза Заца?

— Из того же, что и твои и мои, думаю, но когда Зац возвращается на пьедестал и застывает в своем каменном облике, тогда, наверное, его глаза состоят из какого-то голубоватого минерала. Большего я не могу сказать.

До конца пути Конан не промолвил больше ни слова — все его мысли были связаны с новой затеей. Глаза Заца, конечно, сделаны из какого-то драгоценного камня. Если удастся украсть хотя бы парочку, он обеспечит себя на всю жизнь. Обычно Конан с легкостью принимал культа чужого бога, но он не мог поверить в божественность паука, пусть даже самого огромного. Превращается или не превращается статуя в живое существо, Конан ни за что не стал бы поклоняться ей как богу. Он чувствовал, что жрецы Заца надувают доверчивых заморийцев и что поступит справедливо,

если лишит их неправедно нажитых сокровищ.

К вечеру Конан, устав от царящей в Йезуде трезвости, прицепил меч и отправился в Кшесрон, в таверну Бартейка. Посетителей было немного, чем Конан остался доволен, так как ему хотелось поразмышлять в одиночестве.

Конан, с кружкой пива, сел в дальний угол. Он сожалел, что так цинично беседовал с Ларом о богах и жрецах, потому что его неосторожные слова давали набожному и впечатлительному мальчику власть над ним, Конаном. В случае если они поссорятся или Лар сделает какую-нибудь глупость, а Конан накажет его, мальчик может пойти к жрецам и, сгустив краски, рассказать о ереси кузнеца. Из жизни в цивилизованных странах он усвоил многое, но трудней всего было научиться держать язык за зубами и взвешивать каждое слово, которое собираешься сказать.

Мрачные размышления киммерийца были прерваны перебранкой: на противоположном конце тускло освещенной залы препирались сидящие за столиком мужчина и женщина, меж ними стояла пустая бутылка вина. Женщина, в плотно прилегающем платье из алого с белым ситца, с огромным декольте, из которого выступала пышная грудь, была Мандана, дочь хозяина гостиницы. В мужчине Конан узнал капитана Катигерна, которого мог бы приметить сразу, как тот вошел, по закручивающимся кверху рыжим усам. Но, поглощенный собственными мыслями, Конан не заметил присутствия офицера. Катигерн нагрузился так, что не мог подняться из-за стола, и женщина бранила его за это. Капитан, тупо слушая ее, громко рыгнул, уронил голову на руки и захрапел.

Женщина, придвинув к столу свой табурет, обвела взглядом комнату и, подойдя к Конану, сказала:

— Могу я посидеть с тобой, господин?

— Конечно! Что-нибудь случилось, детка?

— Сам видишь!

Большим пальцем руки она ткнула в сторону спящего Катигерна.

— Он обещал мне восхитительный вечер, а сам напился как свинья. Я уверена, что ты, например, не уснешь, когда придет время доставить девушки удовольствие.

Мандана зазывно улыбнулась и поправила лиф платья так, что ее пышные груди едва не вывалились из декольте. Конан приподнял тяжелые брови.

— Ого! — пробормотал он голосом, охрипшим от вожделения. — Если хочешь получить удовольствие, назначь только место и время встречи.

— Наверху, в моей комнате. Но сначала выпьем, а потом ты уплатишь отцу за мое к тебе расположение.

Кивком Мандана указала на буфетную стойку, где работал Бартейк.

Конан озабоченно взглянул на нее:

— Сколько он просит?

— Десять медяков. Да, кстати, ведь ты не вернулся в гостиницу и провел здесь всего одну ночь. Наверное, жрецы дали тебе работу в Йезуде?

— Да, я теперь кузнец при храме, — ответил Конан, вынимая из кошелька необходимое количество монет. — В соответствии с мирным ремеслом, неплохо бы...

Но Конан не договорил: капитан Катигерн проснулся, поднялся на ноги и теперь возвышался над столом, где сидели Конан и Мандана.

— Что ты делаешь тут с моей девчонкой, ты, неотесанный олух?

Конан, прищурив глаза, смотрел на капитана, пытаясь определить, насколько тот пьян.

— Убирайся к чертям, капитан, — ровным голосом сказал он. — Девушка выбрала меня, пока ты хрюпал, свалившись, как мешок с дерьяном.

Взяв свою кружку с пивом, Конан неторопливо отхлебнул.

— Наглый щенок! — завопил Катигерн и размахнулся, метя противнику в лицо. Костяшки его пальцев ударились о предплечье Конана, и пиво выплеснулось из кружки.

Конан невозмутимо поставил кружку и, вскочив с ловкостью пантеры, залепил Катигерну в челюсть левым кулаком. Голова капитана дернулась, он зашатался и тяжело рухнул. Обыкновенный человек от такого удара лишился бы сознания, а то бы и с жизнью рас прощался, но рослый капитан Катигерн был силен чрезвычайно. Он тут же вскочил и вытащил меч из ножен.

— Я вырежу у тебя печень и брошу псы! — прорычал он, ринувшись на Конана.

Не обращая внимания на жалобные вопли хозяина, Конан ловко отразил удар Катигерна. Скрепленные клинки сверкнули в желтоватом свете лампы. Посетители таверны, забравшись под столы, в страхе наблюдали, как два великаны кружат, обрушивая и отражая удары. Звон стали, крики перепуганных наблюдателей наполнили вечерний воздух дьявольским эхом.

После первой смерчеподобной атаки у капитана Катигерна появилась одышка, и тогда он переменил тактику. Меч его, сработанный где-то на Севере, имел прямой клинок. Бритуниец, вместо того чтобы обмениваться с противником рубящими ударами, принялся делать стремительные

смертельные выпады.

Конан сам любил сражаться длинным широким мечом. Однако ему редко доводилось встречать столь умелого бойца, сжимающего в руках оружие северных племен. Трижды лишь пантероподобная ловкость в сочетании с лихими отражающими ударами спасла его от участия быть изрубленным в куски разящим мечом Катигерна. Один из выпадов, подобный броску змеи, проколол тунику Конана и оставил кровавую зарубку на плече.

Конану стало ясно, что бритуниец — бывалый воин, которого трудно одолеть даже пьяного. Хотя Конан был выше, крепче, моложе и проворней, он радовался, что искусный в сражении наемник не вполне трезв.

Бардейк приплясывал вокруг сражающихся, заламывал свои пухлые ручки и вопил:

— Выходите на улицу, прошу вас, почтенные! Не деритесь в моей таверне! Вы меня погубите!

Соперники не слушали его. Вдруг из полутемного угла залы выскользнул маленький невзрачный человечек и приблизился к Катигерну. Конан увидел, как в свете лампы блеснул кинжал.

Конан охотно убил бы противника в честном сражении, но он был не способен на коварный удар в спину. Однако предупредить бритунийца было нельзя: Катигерн почел бы это за отвлекающий маневр.

Все эти мысли промелькнули в голове у Конана, пока капитан заносил оружие над головой. Молниеносно, как леопард, Конан отрыгнулся назад и опустил меч.

— Оглянись! — воскликнул он. — Предательство!

Мигом сообразив, что сейчас он вне досягаемости меча Конана, Катигерн не замедлил оглянуться. В то же время убийца сделал выпад, намереваясь вонзить клинок в бритунийца. Катигерн с воплем проклятия обрушил на незнакомца меч. Лезвие вонзилось меж ребрами и едва не перерубило позвоночник. Убийца рухнул возле стола, на пол вывалились окровавленные внутренности. Он коротко простонал и затих.

— Мощный удар, — заметил Конан, все еще держа меч опущенным. — Желаешь продолжить?..

— Вы, олухи... — начал было Бардейк, но умолк, увидев, как свирепо сверкнули глаза Конана и Катигерна.

— Нет, не хочется, — ответил капитан.

Он вытер меч о край платья убитого и вложил его в ножны, убедившись только, что и Конан делает то же самое.

— Я не могу убить человека, который только что спас мне жизнь,

пусть даже он за минуту до того пытался уложить меня самого. А что касается девушки — кстати, где же мальшка?

— Пока вы тут сражались, — вставил Бардейк, — она ускользнула к себе в комнату с другим посетителем. Он из твоего же отряда, капитан.

Хозяин крикнул сыновьям, чтобы те убрали мертвое тело и вымыли и отскребли дочиста пол.

— Зац да спасет меня от пары других таких глупцов!

Катигерн криво усмехнулся:

— Ты прав, дружище, мы оба были дураками, рискуя жизнью из-за простой потаскухи. — Он зевнул. — Что касается меня...

— Погоди, — проворчал Конан. — Давай-ка поглядим на того, кто пытался воткнуть в тебя кинжал. Поставь поближе лампу, хозяин.

Перевернув мертвеца, Конан увидел, что это был типичный замориец, маленький, худой и смуглый.

— Тебе он знаком, Бардейк? — спросил Конан.

— Конечно! — ответил хозяин. — Он приехал сегодня на мule и намеревался переночевать, назвался он Вартраном из Шадизара.

— Прежде ты его когда-нибудь видел?

— Нет. Почтить бога-паука съезжаются паломники со всей Заморы.

Конан ловко обшарил мертвое тело. К поясу Вартрана был подвешен кошелек, полный серебряных и медных монет, там же Конан нашел маленький пергаментный свиток.

Развернув его, Конан нахмурился:

— Катигерн, ты читаешь по-заморийски?

— Нет! Я с трудом читаю на своем родном языке. А ты?

— Как-то выучил несколько заморийских букв, но давно уже позабыл.

— Дайте-ка мне взглянуть, — попросил хозяин таверны.

Поднеся пергамент поближе к лампе, он беззвучно зашевелил губами, пытаясь разобрать замысловатую вязь строк. Но, разочарованно пожав плечами, он все же вернул свиток Конану.

— Это старый заморийский алфавит, — сказал он. — Мы не используем его с тех пор, как Митридат Первый усовершенствовал нашу систему письма. Возможно, какой-нибудь жрец в Йезуде сумеет это разобрать, а я не могу.

— Можно взглянуть? — промурлыкал некто тихим высоким голосом с особым иноземным акцентом. Стигиец, которого Конан видел ранее, стоял теперь возле него и глядел выжидательно. — Наверное, я смогу помочь вам.

— А кто ты будешь?

Бритоголовый улыбнулся:

— Я Псамитек из Луксура, бедный ученый-оккультист.

Хмыкнув, Конан передал ему свиток, и стигиец принялся изучать его при колеблющемся свете лампы.

— Ну-ка, ну-ка... «Я — Тугрил, Верховный Жрец Эрлика, клянусь своим богом, что уплачу десять тысяч золотых монет за голову...» Что за имя?.. «Конана... киммерийца». Что вы скажете, почтенные? Кто такой этот Конан? Есть ли среди нас человек с таким именем?

Катигерн мельком оглядел комнату. И он, и Конан отрицательно покачали головами.

— Припоминаю, что два года назад, — сказал Бардейк, — будучи в Шадизаре, я что-то слышал о знаменитом воре по имени Конан. Я давно забыл эту историю, но сейчас пергамент напомнил мне о ней. Говорили, наглость этого вора была столь велика, что каждый стражник в Шадизаре мечтал о его поимке. Но в конце концов киммериец бежал из страны неизвестно куда.

— Вот оно что... Не сомневаюсь, здесь есть некая загадочная связь. Этот Конан и в самом деле незауряден, иначе бы туранский жрец не предлагал за его жизнь королевское вознаграждение. На эту сумму можно приобрести библиотеку оккультных трудов, величайшую в Стигии. — Вздохнув, ученый свернул пергамент и положил его в свою суму. — Послание не относится ни к кому из присутствующих; надеюсь, не будет возражений, если я оставлю его себе. Хороший пергамент стоит дорого, а этот я выскооблю и использую снова. Доброй ночи вам всем.

Он скромно поклонился и ушел. Конан хотел было потребовать, чтобы ему вернули свиток, но понял, что тогда все догадаются, кто он такой в действительности. Чтобы скрыть свое неудовольствие, он повернулся к Катигерну:

— Капитан, самое лучшее сейчас — выпить. Мы это заслужили, к тому же я не знаю наиболее подходящего способа промотать добычу.

— Ладно, — согласился Катигерн. — А завтра я доложу об убийстве викарию. Тебе, наверное, придется быть моим свидетелем.

— Разве цивилизация не похожа на преисподнюю? — спросил Конан. — Убил противника, защищаясь, — тут же пиши докладную какому-нибудь чинуше.

Поздно вечером, когда уже загорелись звезды, стражники из Вольного отряда с удивлением увидели, как их капитан и городской кузнец, обнявшись, поднимаются по крутой дороге на утес. Оба ревели во всю глотку, не одну, а сразу две песни — каждый свою.

Глава 7

ВИНО ИЗ КИРОСА

Спустя три дня Конан вместе с Ларом пришел домой к Амитис и застал там Рудабе.

— Здорово, сестра! — воскликнул мальчик. — Это наш новый кузнец, всемогущий господин Ниал. Он разрешает мне держать заготовку на наковальне, пока он кует. А сегодня он объяснил мне, как металл меняет цвет, когда нагревается или охлаждается. Я тоже буду кузнецом.

— Ты так добр, господин Ниал! — просияв, сказала Рудабе.

Конан взглянул на девушку, и глаза его вспыхнули жгучей голубизной. Рудабе была выше и несравненно красивей, чем другие заморийки; не из тех красавиц, что выбирают правители для своих сералей, но миловидная, румяная, с правильными чертами лица. Незамысловатого покроя туника и панталоны из грубой шерсти — повседневный наряд замориек — не могли полностью скрыть привлекательности округлых форм танцовщицы.

— Мама пересказала мне несколько историй с необыкновенными приключениями, которыми ты потчевал ее с братом. Твои повествования правдивы?

— Да, почти, — усмехнулся Конан. — Хотя хороший рассказчик должен кое-что приукрасить ради увлекательности. Не тебя ли я видел во время последнего богослужения танцующей перед Зацем?

— Да, меня, если ты был среди молящихся.

— Сейчас ты одета теплей, чем тогда.

Девушка улыбнулась, ничуть не смущившись.

— Верно. Но пусть тебя не обольщает мой храмовый костюм: я не хочу стать жертвой Заца за то, что доставила мужчине минутное удовольствие.

— Каждый, кто попытается скормить тебя этому раздувшемуся клопу, будет иметь дело со мной, — пробурчал Конан.

— Красивая и смелая речь, господин Ниал, но вряд ли ты сможешь изменить мою судьбу, если жрецы вынесут такое решение. — Девушка вздохнула. — Иногда мне кажется, что святые отцы доводят добродетель до степени порока, но, раз уж я сделала выбор, надо идти до конца.

— Когда истекает срок твоего служения?

— Через восемь месяцев.

— И что же потом? — расспрашивал Конан, пока Амитис расставляла

тарелки с тушеным мясом.

— Выйду замуж за местного парня, надеюсь. Некоторые давно уже поглядывают на меня, но мне сейчас не до того. Храмовые обязанности поглощают меня целиком.

— В чем они состоят?

— Как старшая труппы, я возглавляю девушек в танцах и пении, учу новеньких. Вдобавок мы служим на побегушках у жрецов, делаем уборку в храмовых помещениях. Но и это еще не все. С тех пор как умер старый распорядитель собственностью, распорядительницей сделали меня. Жрецы не могли меж собой решить, кто из них подходит для этой должности, и потому все обязанности свалили на меня.

— Что ты делаешь как распорядительница?

— Я отвечаю за храмовое имущество, слежу, чтобы мозаика, мебель, священная утварь были в полном порядке. Вот почему я так редко навещаю маму.

— В дни посещения, наверное, ты ночуешь дома?

— Нет, до полуночи я должна возвратиться в храм.

Какое-то время Конан ел молча. Когда Амитис унесла тарелки и послала Лара за водой, чтобы вымыть посуду, Конан спросил:

— Ты была когда-нибудь в гостинице Бартейка в Кшесроне, Рудабе?

— Много лет назад, когда еще отец был жив, он брал нас туда с собой.

Но я мало что помню.

— У них там сейчас новый арфист — говорят, очень хороший. Хочешь, я сопровожу тебя туда сегодня? К полуночи я доставлю тебя в храм.

Девушка опять вздохнула:

— Как бы мне этого хотелось! Но пока я служу в храме, мне запрещено отлучаться из Йезуда, разве что в сопровождении жреца. Меня высекут кнутом, если я нарушу это правило.

— Пойдем со мной! Надень плащ с капюшоном и не открывай лица. У девушки своего возраста должна быть какая-то жизнь помимо работы.

— Ты искушаешь меня, господин. Я так мало знаю о внешнем мире. И все же...

Они долго еще так спорили, стараясь говорить как можно тише, и наконец Рудабе уступила.

— Погоди немного, — сказала она.

Когда Рудабе появилась вновь, она была закутана с ног до головы.

— Кром! — воскликнул Конан. — Ты похожа сейчас на стигийскую мумию. Что ж, пойдем, самая пора.

* * *

В обеденном зале гостиницы стоял гул. Конан испытующим взором окинул столы, чтобы убедиться, что ни ему, ни девушке ничто не угрожает, и провел Рудабе в затененный угол.

Стигийский ученый сидел за соседним столом, разложив свои таблички. За другим столом поблизости сидело несколько новоприбывших — гирканийцы в дорожных костюмах; штанины их были заправлены в сапоги, шапки с загнутыми краями, сшитые из овчины, прикрывали бритые черепа. Они шумно играли в кости, потягивая пиво из огромных кружек.

Из Турана, наверное, подумал Конан, во всяком случае, один из них, углубившийся в какие-то бумаги, точно был туранец. Туранцы, одна из ветвей гирканийского племени, считали себя наиболее цивилизованными и презирали родственных зуагиров, которые кочевали по бескрайним степям к востоку от моря Вилайет. Однако туранцы сохраняли многое от облика и повадок своих предков-варваров, общих и для них, и для кочевников-зуагиров.

Туранец, склонившийся над свитками, был невысокий, коренастый, с аккуратно подстриженной седой бородкой. Одет он был богаче, чем его спутники, короткие седые волосы покрывала черная бархатная, красиво расшитая жемчугом тюбетейка. Отодвинув в сторону тарелку с остатками пищи, туранец внимательно изучал разложенные на столе документы.

Конану показалось, что он где-то видел этого человека, однако не удавалось припомнить, где же именно и при каких обстоятельствах. Одно было ясно: в Йезуде он с ним не встречался, и потому можно было пока не думать о нем. Конан пощелкал пальцами, чтобы подозвать стоявшую за стойкой Мандану.

— Вина для меня и для госпожи, — вполголоса велел Конан. — Хорошего вина, а не вашей кислятины. Что ты можешь предложить?

Мандана, недружелюбно взглянув на закутанную в плащ фигуру, ответила:

— У нас есть красные нумалийское и иантийское и белое аккарийское.

— А что-нибудь получше у вас есть?

Мандана презрительно фыркнула:

— Да, мы держим бочонок вина из Кироса, но это для благородных господ. Тебе не по карману.

— Не твоя забота считать деньги у меня в кошельке, — отрезал Конан,

высыпая на стол пригоршню серебряных монет. — Принеси лучшего вина.

Мандана ускользнула. Теперь у Конана вдоволь было денег: пока Парискас болел, накопилось много заказов, и заказчики щедро платили за то, чтобы работа была сделана вне очереди. Эти чаевые значительно превышали жалованье, которое платили Конану жрецы.

Вскоре два кубка с золотистым кирасским уже стояли на столе. Конан, вместо того чтобы залпом выпить вино, как он делал обычно, вдохнул в себя изысканный аромат, подражая цивилизованному обычью, и выпил не спеша, смакуя каждый глоток. Хотя Конан легко относился к деньгам, вино это стоило так дорого, что киммерийцу хотелось растянуть удовольствие.

— Какое чудесное вино! — прошептала Рудабе, которая пила чуть приподняв край капюшона. — В жизни ничего подобного не пробовала.

— Я знал, что тебе понравится, — откровенно заявил Конан. — Как у вас там в хра... то есть там, где ты работаешь, насчет интриг?

— Что-то затевается, — задумчиво, тихим шепотом ответила девушка. — Мой хозяин заговорил об очищении неспроста: он слов на ветер не бросает. Он вынашивает какой-то ужасный замысел и намекает, что вскоре осуществит его — возможно, через месяц.

Конан, наклонившись к ней, прошептал:

— Что он за человек, ваш Верховный Жрец?

Рудабе чуть заметно вздрогнула.

— Все его боятся, — призналась девушка. — Это жестокий надсмотрщик, верный своим правилам; он не знает жалости, если уверен в своей правоте, — а в правоте своей он уверен всегда.

Конан, сузив глаза, пристально взглянул на Рудабе.

— Интересно, что он затевает?

— Не знаю. И потом, визит этих... — девушка кивнула в сторону стола, за которым сидели посетители в овчинных шапках и седобородый мудрец в унизанной жемчугом тюбетейке.

— Что тебе о них известно? — спросил Конан.

— Они прибыли из Аграпура с миссией от короля Йилдиза. Не знаю, как зовут этих головорезов, а старик — это господин Парвез, туранский дипломат.

Конан хлопнул себя по лбу широкой, крепкой ладонью:

— Конечно же! И как это я... — Он вовремя осекся и не сказал, что видел однажды Парвеза при дворе короля Йилдиза, то есть там, где кузнец Ниал никогда не бывал. Желая скрыть замешательство, он сделал знак Мандане, чтобы та вновь наполнила кубки. Рудабе, заметив его смущение,

тихо спросила:

— Ты знаешь этого Парвеза?

— Нет, но я слышал о нем, будучи в Шадизаре, — пробормотал Конан. — Что ему нужно от Феридуна? Короли обычно направляют послов к другим королям, а не к иноземным жрецам.

— Не знаю, наверное, здесь существует какая-то связь с женщиной в вуали.

— Женщина в вуали? А кто она такая? — живо поинтересовался Конан. Догадка уже зашевелилась у него в мозгу.

— Незадолго до того, как ты пришел в Йезуд, из долгого путешествия возвратился наш викарий и с ним женщина, покрытая разноцветной накидкой. Она тут же была заключена в храме, в отведенной для нее комнате, и теперь ее не видит никто, кроме жрецов и одной-единственной рабыни. Эта служанка, темнокожая девушка, привезена из какой-то дальней страны и ни слова не понимает по-заморийски.

Конана наконец осенило: женщина в вуали — да ведь это Джамиля, любимая жена короля Йилдиза! Он покрепче сжал губы, боясь проговориться, что ему известно о похищении Джамили. Пытаясь казаться равнодушным, он небрежно спросил:

— Эту женщину жрецы похитили ради выкупа?

Рудабе покачала головой:

— Нет. Зац и его служители нескованно богаты. Монеты в сундуке — это всего лишь символ храмового богатства. Подлинные сокровища Заца — сосуды из золота и серебра, набитые алмазами, рубинами и изумрудами, слитки драгоценных металлов, груды цельных самородков, — все это хранится под семью замками в сокровищнице. Помимо десятины, которую платят верующие, и приношений короля, храм получает доход от продажи нефти: она повсюду сочится из-под земли, и по приказанию жрецов ее вычерпывают из луж и сбываются по выгодной цене. Таковы богатства Заца, и потому даже королевский выкуп не заставит жрецов пойти на преступление. Скорее всего, эта женщина — какая-нибудь особа королевской крови, пожелавшая избегнуть жестокого обращения супруга.

— Или ставшая из-за этого отравительницей, которой необходимо убежище, — добавил Конан.

Глаза киммерийца блестели от алчности, планы лихорадочно роились в голове, но он не стал расспрашивать девушку ни о храмовых сокровищах, ни о запертой женщине, чтобы посетители за соседним столом ничего не заподозрили. Напустив на себя веселость, он беззаботно улыбнулся, осушил свой кубок и вновь подозвал Мандану. Мандана с угрюмым видом

наполнила кубки и вновь дерзко взглянула на Рудабе. Танцовщица еще больше натянула на лицо капюшон и съежилась в углу.

— Не обращай внимания на эту девку, — посоветовал Рудабе Конан. — Ей завидно, что ты красиво одета, только и всего. Лучше расскажи мне, как ты проводишь день.

Конан уже заметил, что Рудабе — хорошая рассказчица, говорит она рассудительно, ясно и не без остроумия. Женщины, которые ему попадались, с тех пор как он покинул Киммерию, мололи всякую чепуху, болтовня всякий раз являлась либо предисловием к любовной схватке, либо прелюдией к отказу, если такое случалось. Но беседа с Рудабе доставляла Конану неведомое ранее удовольствие: он наслаждался острым умом девушки.

— Одна из моих задач, — тихо рассказывала Рудабе, — следить за уровнем масла, которым подпитывается неугасимый огонь.

— Как это делается? — спросил Конан.

— Скрученный из волокон фитиль, пропитанный жидким топливом, вставлен во впадину, выдолбленную в мраморной плите прямо под халцедоновой чашей. Из углубления около двери, из которой в святилище появляются жрецы, выведена трубка, в которую вставлен бронзовый вентиль. Я поворачиваю вентиль влево — масло течет, вправо — масло прекращает течь.

— Экая хитрость, — пробормотал Конан, — такого и в королевских дворцах не увидишь. А как наполняется емкость?

— Каждый день, — продолжала девушка, — я проверяю, каков уровень жидкого топлива. Если он довольно низок — например, на третий день, — я сообщаю об этом жрецу, которому поручено наполнять емкость. Он наполняет кувшин и вливает топливо в резервуар. В прошлом году жрецы, отговариваясь тем, что и без того очень заняты, поручили мне эту работу. Первый раз, как я попробовала это сделать, еще не имея навыка, я пролила немного нефти. Верховный Жрец пришел в ярость. Можно было подумать, что я украла глаз у Заца. Позднее он обвинил меня, что я плохо вытерла мраморный пол, из-за чего жрец Мирзес поскользнулся и опалил свой балахон.

— Как же это случилось?

— Мирзес был не слишком осторожен во время Представления Телесмов, то есть священного ключа, зеркала и прочих вещей, — он взмахнул рукавом против пламени. Край рукава вспыхнул, и было очень много суеты и крика, прежде чем удалось загасить огонь.

— Чем же все кончилось?

— Мирзес две недели ходил с перевязанной рукой. Когда он выздоровел, Верховный Жрец поручил ему наливать масло в емкость, заявив, что он-то уж будет осторожен. Я была нескованно рада, избавившись от этой работы, хотя и негодовала на Феридуна за его колкое замечание насчет женской глупости.

— Где вы берете это топливо?

— Не знаю точно, но мне говорили, что подземная труба выходит за пределы храма и ведет к ущелью, где нефть сочится из земли, образуя озеро.

Конан понимающе кивнул:

— Кстати, насчет глаз Заца. Наверное, они из драгоценных камней — во всяком случае, тогда, когда Зац принимает вид статуи. Ты не знаешь, что это за камни?

— Говорят, это восемь искусно подобранных, одинаковых огненных опалов. Стоят они, наверное, не меньше, чем все остальные сокровища Заца.

Окинув взглядом залу, Рудабе вдруг замерла и схватила Конана за руку:

— Ниал! Надо поскорей уходить!

— Почему? Что случилось, девочка?

— Видишь вон того, что сейчас вошел? — незаметным кивком девушка указала Конану, куда следует смотреть. — Только не поворачивайся. Это Дариус, один из жрецов! Если он заметит меня, я пропала!

Дариус был одним из младших жрецов, худощавый, аскетического вида молодой человек, примерно одних лет с Конаном; одет он был в янтарно-желтый балахон и изумрудно-зеленый тюрбан. Не обращая внимания на прочих посетителей, он напрямик двинулся к столу, где сидел стигиец. Они приветствовали друг друга поклонами и величавыми жестами, после чего жрец отодвинул табурет и сел напротив Псамитеха. Они принялись шептаться, время от времени стигиец что-то помечал на вощеной деревянной табличке.

— Я слышала, что этот стигиец, — сказала Рудабе, — путешествует, изучая культуры разных богов, сюда он прибыл, интересуясь поклонением Зацу. Похоже, Дариус рассказывает ему об этом. Идем?

Конан чуть заметно покачал головой:

— Мы не должны вскакивать и уходить в спешке, привлекая всеобщее внимание. Впрочем, он сейчас совершенно поглощен беседой со стигийцем.

— Дариус из тех, кого я меньше всего боюсь, — шепнула Рудабе. —

Он идеалист, не от мира сего; ходят слухи, что он не в ладах с Верховным Жрецом и викарием. Смотри, вот идет арфист. Может быть, стоит остановиться и послушать?

— Конечно! — ответил Конан. — Я закажу еще вина, пока он не начал.

Конан махнул рукой Мандане. Рудабе зевнула и улыбнулась за своей вуалью.

— Мне не следует так много пить, но это вино так освежает. Как оно называется?

— Это вино из Кироса, что на шемитском побережье. Я слышал, что сочетание климата и почвы делает его лучшим в мире, а если есть еще лучше, мне предстоит его отведать.

* * *

Арфист сел на табурет и настроил арфу. Проворные пальцы забегали по струнам, и он запел трагическую песнь, в его звенящем голосе слышалась безысходность. Когда он умолк, слушатели зааплодировали. Арфист поклонился и с перевернутой шапкой обошел комнату, собирая плату.

Затем последовала разухабистая баллада о прославленном разбойнике, который грабил богатых и раздавал награбленное беднякам. Но на сей раз нежные переливы струи и красивый голос певца были заглушены грубой перебранкой: меж четырьмя туранцами вспыхнула ссора. Несколько посетителей попытались призвать их к тишине, но безуспешно. Говорили на гирканийском, и потому Конан сумел понять причину ссоры.

Туранцы спорили о том, кто из них нынешним вечером воспользуется расположением Манданы. Конан был в замешательстве, когда впервые узнал, что Бартейк торгует телом своей дочери. Несмотря на то что киммериец позабыл многие нравственные предписания своего варварского отечества, все же он находил бесчестным поведение отца, заставляющего родную дочь заниматься непотребством. Но чего еще ожидать, говорил он себе, от развращенных заморийцев? Тем не менее сам он был не прочь, до того как встретил Рудабе, прибегнуть к услугам девки из таверны.

Спорящие наконец решили, что их разногласия покончат удачный бросок игральной кости. Какое-то время бряцание арфы сопровождалось стуком игральных костей. Внезапно самый удачливый игрок воплем возгласил о своей победе, прочие приветствовали его громкими выкриками

и непристойными жестами.

Рудабе, отпив вина, сказала:

— Да ведь это... ведь это позор, невозможно слушать арфиста. Ниал, нельзя ли успокоить этих невеж?

Однако Конан не имел намерений впутываться в какую-нибудь заварушку. Киммериец опасался, что его самого либо его спутницу могут узнать или — что еще хуже — Бартейк откажется его впускать. С другой стороны, не в его характере было сидеть сложа руки, когда женщина зывает о помощи.

Прежде чем он успел взвесить, как ему следует поступить, пьяный турланец поднялся и, пошатываясь, подошел к столу Конана. Он хлопнул Конана по плечу и пробубнил на ломаном заморийском:

— Эй, парень! Уступи свою девушку на ночь.

Страяясь не взорваться, Конан сказал:

— Моя девушка, как ты сам назвал ее, не сдается внаем или напрокат. И потом, ты ведь уже договорился с дочерью хозяина?

Турланец, покачнувшись, сплюнул на пол:

— Нет, она досталась Тутушу. А я, козел похотливый, остался без бабы. Сколько ты возьмешь? Я не поскуплюсь.

Конан скрипнул зубами:

— Я тебе уже сказал, что эта девушка не продажная.

Турланец шлепнул Конана по плечу, что можно было счесть и дружеским похлопыванием, и враждебным тычком.

— Э-э, не задирай нос! Я Чагор, известный боец. Клянусь Эрликом, я беру то, что хочу...

Конан вскочил на ноги и резко выбросил кулак, метя Чагору в подбородок. Челюсть лязнула, и турланец повалился на спину как подрубленный. Конан, с бесстрастным лицом, сел и отпил глоток вина.

Однако турланец быстро пришел в чувство. Он слабо зашевелился, пытаясь встать на ноги. Конан снова поднялся из-за стола, перевернул Чагора концом сапога, сграбастал его за края одежды и понес к выходу. Пинком открыв дверь, Конан вышел во двор и погрузил турланца в лохань, из которой поили лошадей. Окунув соперника несколько раз, он швырнул его в грязь и вернулся в гостиницу.

Едва переступив порог, Конан оказался лицом к лицу с товарищами Чагора, каждый из них держал наготове обнаженный клинок. С ловкостью пантеры вытащив собственный меч, Конан готов был уже броситься в атаку, зная, что только молниеносное наступление спасет его от участия быть окруженным и изрубленным в куски. Вдруг из-за спин турланцев

повелительный голос провозгласил на гирканийском:

— Смирно! Вложить мечи в ножны! Назад к своему столу, болваны!

Седобородый турланец в тюбетейке, поднявшись с места, громовым голосом отдал какой-то приказ — резкий, будто удар кнута. К изумлению Конана, неотесанные турланцы моментально повиновались. Они побрали назад к своему столу, с недовольным ворчанием вкладывая сабли в ножны.

Конан тоже убрал оружие и возвратился к столу. Там он увидел, что Рудабе спит, прислонившись к стене, несмотря на шум вокруг.

Арфиста не было. Молодой жрец, беседовавший со стигийцем, встал, отвесил прощальный поклон и тоже ушел.

* * *

Конан допил остаток вина и, подняв глаза, увидел, что рядом стоит Парвезд.

— Добрый вечер, капитан Конан! — приветствовал его дипломат. — Как тебе живется в Йезуде?

— Спасибо, что помешал драке, почтенный, — буркнул Конан, — но меня зовут Ниал, я здешний кузнец.

Хмыкнув, турланец выдвинул свободный табурет и уселся.

— Так вот чем ты тут промышляешь. Что ж, я буду звать тебя Ниал. Только не думай, что я не узнал тебя. Кстати, куда ты девал Чагора?

— Я хорошенъко его выкупал, теперь его можно учゅять издали. А вот и он сам.

Чагор шел пошатываясь, вода каплями стекала с него. Он вызывающе оглядел комнату, но Парвезд сурово ткнул пальцем, и боец послушно поплелся к столу, где сидели его товарищи.

— Что ж, я рад, что ты не причинил ему серьезного вреда, — сказал Парвезд. — Они хорошие ребята, но по временам в них как будто дьявол вселяется.

Конан придвинул кубок Рудабе к Парвезу.

— Допей, раз уж моя спутница спит.

Парвезд вдохнул аромат вина и отпил глоток.

— Киросское? Должно быть, ты при деньгах.

— Что ты здесь делаешь? — пропустив мимо ушей замечание дипломата, спросил Конан.

— Дипломатическое поручение, — почти шепотом ответил Парвезд и огляделся по сторонам. — Возможно, мы сумеем быть полезными друг

другу. Я кое-что расскажу тебе, потому что на тебя, знаю, можно положиться. Ты от меня зависишь, и мне известно о тебе более, чем ты думаешь. Давай же доверять друг другу. В Аграпуре я слышал о тебе как о человеке, который держит слово, несмотря на вспыльчивость.

Конан, набычившись, проворчал:

— Я не разглашу твоих тайн, как и ты — моих.

— Итак, договорились? А теперь скажи, что тебе известно о похищении госпожи Джамили?

Конан рассказал Парвезу о своей встрече с Харпагусом в Мегарских болотах. Рассказал он также и то, что сообщила ему Рудабе о женщине в вуали. Наконец киммериец спросил:

— Как тебе удалось выследить, где находится госпожа?

— Это не составило труда. Верховный Жрец Заца в послании сообщил нашему королю, что его любимая жена жива и здорова, но ее не отпустят, пока планы Феридуна не осуществляются.

— На кой черт, — спросил Конан, — понадобилась жрецам Заца туранская фаворитка? Богатства храма невозможно даже вообразить. Не хотят ли они насадить поклонение Зацу в Турском королевстве?

— Нет — во всяком случае, пока. Я был сегодня на приеме у Верховного Жреца, чтобы получить ответ на этот же самый вопрос. Феридин с презрением отмечает всяческие предложения выкупа, и, конечно же, речь его изобиловала всевозможными аллегориями и иносказаниями. Если собрать воедино все намеки и бахвальство, то становится ясно: в Заморе готовится некий переворот, который сбросит с трона «развращенного и изнеженного», по словам Феридуна, правителя. Очевидно, госпожа им нужна, чтобы предотвратить вмешательство короля Йилдиза, если тот вознамерится спасти своего собрата монарха, как предписывает старинный договор. Верховный Жрец уверял меня, что пленнице обеспечен надлежащий уход и она получит свободу, как только в стране завершится «очищение».

— Я не причастен к ее похищению, как некоторые подозревают, — резко заявил Конан. — Не в моих правилах использовать женщин будто пешек в игре.

Господин Парвез насмешливо приподнял брови:

— Я первый был уверен, что ты замешан в похищении госпожи, поскольку вы исчезли в одну ночь, и даже послал вслед погоню. Теперь я рад, что тебе удалось бежать, так как убедился в твоей непричастности, но в Туране тобой недовольны из-за убийства Оркана.

— Я убил его, так как был вынужден защищаться, — буркнул

Конан, — что бы там Наркия ни наплела.

Парвез пожал плечами:

— Это меня не касается, как бы там ни было на самом деле. Верховный Жрец Тугрил поклялся, что отомстит за смерть сына, но это его и твоя забота, а не моя. — Парвез задумчиво почесал подбородок.

— Мне известны его замыслы. — И Конан рассказал Парвезу о нападении Вартрана на Катигерна и о том, какая сумма назначалась за него, Конана, голову. — Не понимаю только, — продолжал Конан, — почему этот мерзавец напал на Катигерна, а не на меня. Разве мы похожи?

— Это нетрудно объяснить, — сказал Парвез. — Представь, Тугрил посыпает человека, чтобы тот нанял надежного убийцу. Среди подонков Шадизара посланник встречает Вартрана и говорит ему: «Иди и убей Конана-киммерийца — это дюжий детина, который бежал в Йезуд и служит там стражником в храме». Вартран прибывает сюда и видит двух огромных детин, вступивших в драку. Но один из них в штатском платье, а на другом — мундир наемного воина. Разумеется, в качестве жертвы он намечает Катигерна.

— Тебе известен каждый мой шаг, — недовольно заметил Конан.

— Твое дело — сражаться, а мое — собирать сведения. А теперь, друг, — ах, вспомнил! — Ниал, у меня есть для тебя предложение.

— Ну? — буркнул Конан, и глаза его засветились интересом.

— Нам нужна Джамиля, живая и невредимая. Ты единственный человек, кто может нам помочь.

Конан, подумав над его словами, сказал:

— Как же я, по-твоему, это сделаю? Госпожа упрятана в лабиринте храмовых коридоров, где именно — мне неизвестно. И даже если я узнаю, где она, — удастся ли провести ее мимо бритунийских стражников? Там их великое множество — что днем, что ночью.

Парвез небрежно махнул рукой:

— В прежние и не столь почтенные времена — не думай, что мне неизвестно о них, — тебе удавались кражи, где требовалось не менее смелости и изворотливости.

— Но и тогда я не умел взламывать замки. Мои друзья во... мои помощники говорили, что у меня слишком грубые, неловкие пальцы, бесполезно даже учить меня. Как же я войду к ней в комнату сквозь запертую дверь? Слабаком меня не назовешь, и все же сломать толстые дубовые двери не под силу человеку. Мне бы понадобился топор, а на его стук сбежится стражка.

Дипломат улыбнулся:

— Вот тут я смогу тебе помочь. Посылая меня сюда, Его Величество приказал освободить госпожу, даже если для этого понадобится тайком проникнуть в храм. В случае неуспеха он велит отрубить мне голову. Но чтобы увеличить мои шансы, он заставил дворцового чародея отдать мне вот эту безделушку.

Парвез достал украшенную драгоценными камнями серебряную стрелку, длиною не больше пальца.

— Это, — пояснил он, — Ключ Гацрика, волшебная безделушка из королевской сокровищницы. С ее помощью ты откроешь любую дверь. Мне не доводилось воровать, и потому страх не оставлял меня, но вот я встретил тебя — и это упрощает задачу.

— Как этой штуковиной пользоваться? — спросил Конан.

— Прикоснись концом стрелки к замку и скажи: «*Капинин ачилир гениши!*» — и замок сам откроется. Волшебный ключ способен отодвинуть засов, но не слишком тяжелый. Пусть эта стрелка будет у тебя, пока ты не освободишь госпожу Джамилю.

— Хм. А сколько мне заплатят за эту работу?

— Я могу заплатить тебе пятьдесят золотых монет из тех, что у меня с собой. Мне понадобится много денег, прежде чем я вернусь в Туран с госпожой.

— Ха! — воскликнул Конан. — За такой риск? Нет уж, мой господин. Подобные услуги стоят гораздо дороже.

— Вернувшись домой, я похлопочу о присвоении тебе более высокого звания и увеличения жалованья. Я пользуюсь влиянием при дворе и уверен, что тебя назначат старшим капитаном.

Конан покачал головой:

— Если бы это случилось до несчастного происшествия с сыном Тугрила... Но Тугрил уже подослал ко мне одного убийцу и может подослать другого. Подстроить ловушку, подсыпать яду — на это он скор, как говорят. В Туране мне от него не спрятаться.

— Тогда скажи, что бы ты хотел получить от меня — в пределах моих возможностей?

Глаза Конана блеснули голубым пламенем:

— Пятьдесят золотых монет — в качестве аванса — и эту серебряную стрелку, но не на время. Мне бы хотелось владеть ею постоянно.

Парвез горячо спорил, отказываясь отдать Ключ Гацрика Конану насовсем, но киммериец твердо стоял на своем, и посланник уступил.

— Стрелка твоя, — сказал он наконец. — Король будет недоволен, но благодарность за возвращение Джамили перевесит огорчение из-за

утраченной безделки.

Парвез передал Конану волшебный ключ и отсчитал пятьдесят золотых монет.

— Полагаю, эта стрелка понадобится тебе для иных затей. Король Йилдиз высоко бы оценил глаза Заца.

Парвез, подмигнув, протянул руку киммерийцу, которую тот пожал в знак заключения сделки. Глядя на спящую Рудабе, посланник добавил:

— Как ты доставишь свою прекрасную спутницу домой? Хоть она и закутана, я полагаю все же, что это красавица.

Конан потряс девушку за плечо. Он даже шлепнул ее легонько, но без успеха. Рудабе продолжала спать.

— Я отнесу ее, — проворчал Конан, поднимаясь. Он взял танцовщицу на руки и пожелал Парвезу доброй ночи. Когда он проходил мимо стола, где сидели спутники Парвеза, Чагор сплюнул на пол и пробормотал грозное ругательство. Не обращая внимания, Конан вышел из гостиницы. Небо было усыпано звездами.

* * *

Прохладный ночной воздух не пробудил Рудабе, которая продолжала спать мертвым сном. Конану пришлось подниматься по дороге на холм к воротам Йезуда, неся девушку на руках. Молча прошел он мимо стражников, которые открыли для него маленькую дверцу в воротах. Он был уверен, что бритунийцы не станут наушничать и жрецы ничего не узнают: наемные солдаты и сами частенько впутывались в сомнительные приключения.

Поначалу Конан хотел отнести Рудабе прямо к дверям храма. Но потом он сообразил, что, если он там оставит ее спящую, трудно даже вообразить, какие неприятности могут последовать. Да и Конану жрецы будут задавать щекотливые вопросы. Поразмыслив, он пронес ее через кузницу в свое собственное жилище.

Ночь была безлунной, и в комнате Конана было темно, как в яме, только угольки светились в жаровне. Продвигаясь наугад, Конан уложил девушку на свой соломенный тюфяк и снял с нее плащ. Рудабе шевельнулась, но продолжала спать.

Конан зажег щепку от жаровни и засветил свечу. Когда он подошел со свечой поближе, он увидел, что Рудабе и в самом деле красавица. Любаясь ею, он пришел в волнение. Кровь ударила в виски, киммериец поставил

свечу и принял тихонько раздевать спящую гостью.

Он развязал тесемки плаща и откинул его полы, затем расшнуровал тонкую сорочку Рудабе, обнажив ее крепкие груди. Слабо освещенная комната поплыла перед глазами Конана, едва только он взглянул на свой трофей. Дыхание участилось. Конан принял быстро стаскивать с себя платье, но внезапная мысль поразила его.

Конан гордился тем, что никогда не брал женщин силой или обманом. Он охотно откликался на их желания, но ему еще не приходилось ни принуждать, ни обманывать девушку ложными обещаниями. Овладеть Рудабе, пока она спала, по его понятиям, было почти что равно насилию.

И все же желание овладеть ею не покидало его. Конан стоял неподвижно как статуя, раздираемый противоположными устремлениями.

Неожиданно к варвару явился образ матери, прекрасной Маев, погибшей от руки вожака гиперборейских бандитов — злобного Дуума. Видение лишь на миг мелькнуло перед ним, это перевесило чашу весов. Сказав себе, что у него еще будет возможность открыто заслужить любовь девушки, он наклонился и принял завязывать тесемки ее сорочки, и тут Рудабе вновь шевельнулась и открыла глаза.

— Что ты делаешь? — пробормотала она.

— О! — воскликнул Конан. — Ты жива, хвала Митре. Я собирался послушать, бьется ли твое сердце.

— Думаю, ты замышлял что-то другое, — сказала она, поднимаясь. — Кхм... сейчас меня стошнит!

— Только не на пол! Вот сюда! — Конан подтолкнул ее к умывальнику и нагнул голову над тазом.

Спустя полчаса, незадолго до полуночи, Конан оставил Рудабе, умытую и трезвую, у двери храма на северной стороне.

— Спасибо, — сказала девушка, — но тебе не следовало так щедро угощать меня кирасским.

— В другой раз я буду скучней. Когда мы увидимся снова?

Девушка вздохнула:

— До того как Феридун стал Верховным Жрецом, можно было подойти к этой двери и стукнуть четыре раза. Старик Оксиатрес открывал, и ты, заплатив ему монетку, вызывал девушку, с которой хотел поговорить. Но с Феридуном все это прекратилось. Теперь нужно ждать, пока жрецы снова отпустят меня домой, а когда это будет — и самому хитроумному астрологу не предсказать. Встретимся опять при случае в доме у моей матери.

— Тебе бы хотелось пойти опять в гостиницу Бартейка?

— О нет! Я не отважусь теперь и носа высунуть за городскую стену. Чудом Дариус не узнал меня, но второй раз я не пойду на такой риск.

Девушка быстро поцеловала его и ушла. Конан возвратился к себе в кузницу, угрюмо ворча. Если бы он воспользовался ею сонной, навряд ли бы он чувствовал себя таким дураком, как теперь.

Глава 8

ВОСЕМЬ ГЛАЗ ЗАЦА

Несколько дней Конан провел за работой. Он надеялся вновь увидеться с Рудабе в доме ее матери, но девушка не появлялась.

— Жрецы так загрузили бедную девочку, — жаловалась Амитис, — что никак нельзя угадать, когда она опять заглянет к нам. Они обещали, что будут отпускать ее четырежды в месяц; но надо считать везеньем, если удастся выкроить хотя бы три свободных вечера.

Когда Конану удалось наконец справиться со всей накопившейся еще при старом кузнеце работой, он почувствовал себя свободней. Ежедневно час-другой он объезжал своего коня. Однажды он остановился близ гостиницы Бартейка, чтобы побеседовать с Парвездом, который выказывал явное беспокойство.

— Не могу же я освободить ее, не зная, где ее прячут! — возразил Конан.

— Постарайся узнать, — сказал Парвезд. — Ходят слухи, что переворот, на который намекали жрецы, начнется уже через неделю.

— Возможно, ты прав, — проворчал Конан. — Я сделаю все, что смогу.

* * *

На следующий день Конан вновь посетил службу в храме Заца — отчасти из желания быть на хорошем счету у жрецов, но также и затем, чтобы освоиться с планировкой. Он выслушал разглагольствования Феридуна о грядущем великом очистительном перевороте. Когда появились танцовщицы, он сосредоточил все свое внимание на Рудабе. В нем закипало желание при виде ее обнаженного тела, прикрытоего только редкой паутиной из черных блестящих бусин. В чащу прислужника он опустил большую по стоимости, чем в первый раз, монету: пусть думают, будто он склоняется к культу Заца.

С неменьшим вожделением Конан смотрел на огромные драгоценные камни, украшавшие статую паука, — крупные опалы, каждый величиной с детский кулак, — четыре камня, уложенные в ровный ряд спереди, по одному с каждого бока и два на верхушке. Если бы удалось, завладев ими,

ускользнуть и добраться до какой-нибудь отдаленной страны, тогда он купил бы себе поместье и титул или высокую должность в армии и был бы обеспечен до конца своих дней. Нет, он не собирался порывать с жизнью, полной опасности и приключений, но приятно было бы сознавать, что существует уголок, куда бы он мог вернуться и спокойно передохнуть после очередной отчаянной вылазки. Конан перебрал уже несколько планов, как бы он мог заполучить эта сокровища, но ни один из них не годился вполне.

После службы он задержался в притворе, сделав вид, что вытряхивает камушек из обуви. Когда все молящиеся вышли, он не последовал за ними, но свернулся в коридор направо, если стоять лицом к святыни, — туда, куда Моркант повел его в первый раз. Он прошел уже половину пути, озираясь по сторонам и пытаясь угадать, что лежит за толстыми дубовыми дверьми.

Коридор поворачивал, и, зайдя за угол, Конан наткнулся на стражника-бритунийца, который охранял проход в другой, примыкавший к первому, сумрачный коридор. Конан, судя по экстерьеру храма, сообразил, что этот коридор проходит внутри первого из четырех крыльев храма, лежащих на правой стороне.

Необходимо было немедленно отвести подозрения стражника.

— Привет, Урайен! — небрежно проговорил Конан. — Ты опять потерял свой выигрыш?

Стражник нахмурился:

— Ничуть не бывало. Но что ты тут делаешь, Ниал? Мирские люди наподобие тебя могут появляться здесь только в сопровождении жреца или послушника...

— Да я ради храма и стараюсь, — начал было Конан, но замолчал, заметив, что бритуниец смотрит ему за спину. Оглянувшись, он увидел викария Харпагуса, в черном балахоне и белом тюрбане, который неслышными шагами приближался к нему. — Наверное, многие изделия из металла здесь, в храме, нуждаются в починке, викарий. Надо бы проверить каждый крючок и гвоздь без отлагательств.

Харпагус холодно улыбнулся:

— Это хорошо, что ты беспокоишься о том, чтобы у нас было все в полном порядке, Ниал. Но слуги Заца ревностно стараются выявлять недостатки. Если возникнет необходимость, они обратятся к тебе. Как обстоят дела в кузнице?

— Спасибо, ничего, — пробормотал Конан. — Работы хватает.

— Вот и хорошо! Один из заказчиков жаловался, что выделка груба по

сравнению с твоим предшественником. Я объяснил ему, что ты долго служил солдатом и давно не держал в руках молота. Со временем, надеюсь, дела пойдут успешней.

Конана подмывало сказать викарию, как неудачливому заказчику следует поступить с починенным изделием, но он сдержался.

— Я постараюсь, господин. Сейчас я перековываю чугунный узор для двери.

— Минуточку, почтенный Ниал. Поговорим у меня в кабинете, надо кое-что выяснить. Пожалуйста, идем со мной.

Пытаясь угадать, зачем бы это он понадобился жрецу, Конан вернулся за Харпагусом в притвор и вышел из храма через главную дверь. Молящиеся, как оказалось, еще не разошлись по домам: бритунийские стражи, скрестив алебарды, удерживали их на ступенях. Через городские ворота, заполняя улицы, входило большое овчье стадо, животные, теснясь, проходили перед храмом и сворачивали, скрываясь за западным крылом; их гнали двое пастухов в кожаных туниках, при пастухах была собака. Когда бритунийцы наконец подняли алебарды, викарий повел Конана вслед за стадом, к западному крылу. Стадо сгрудилось у двери в конце первого крыла на западной стороне. Эта дверь, подобно двери на противоположной стороне, была высокой и прочной.

Собака бегала с лаем вокруг стада, сгоняя животных в гурт, если они пытались разбрестись. Пастухи стояли опершись на посохи и ждали. Викарий протолкнулся меж овцами к двери. Он отодвинул засов, отпер замок ключом и отворил дверь. Отступив на шаг, он махнул пастухам, чтобы те вели стадо.

Под громкий лай собаки пастухи принялись загонять овец в зияющее отверстие. Когда овцы почти все уже вошли, собака вдруг отскочила назад, с вставшей дыбом шерстью и рыча, как если бы почуяла чужой, угрожающий запах. Пастухи толкали оставшихся овец при помощиувесистых посохов.

Харпагус затворил дверь, запер замок на ключ и опустил огромный засов. Спрятав ключ, он достал маленький кошель, который передал старшему пастуху. Пастухи поклонились, прогормотали на своем наречии слова благодарности и удалились, ведя за собой собаку.

— А теперь, господин Ниал, направимся в мой кабинет.

Не зная, как отговориться, Конан проследовал за Харпагусом в его кабинет. Харпагус сел за свой большой письменный стол и приказал:

— Взгляни на меня, Ниал!

Жрец поднял руку с перстнем, украшенным камнем огромной

величины. Он пристально глядел в глаза Конану и то приближал, то удалял от его лица блистающий камень. При этом он монотонно приговаривал:

— Ты засыпаешь, засыпаешь, засыпаешь... Воля твоя спит... И ты правдиво расскажешь мне все, что я хочу о тебе знать.

Глаза жреца, казалось, стали нечеловечески огромными, очертания комнаты растаяли, и Конан стоял словно в густом тумане, не видя ничего, кроме этих огромных глаз.

Однако Конан вовремя припомнил уроки, которые получил от Кушада, слепого чародея из Султанапура. Сделав над собой могучее усилие, Конан отвел взгляд и сконцентрировал внимание на мысленном образе комнаты, где он сейчас находился, повторяя про себя: «Дважды три — шесть... Трижды три — девять...»

Понемногу туман рассеялся и вновь стали видны очертания кабинета. Конан молча смотрел на викария, который говорил:

— А теперь расскажи мне, Ниал, чего ты в действительности хотел, разгуливая по храму после службы, вместо того чтобы с народом отправиться домой?

— Мне попался камушек в ботинок, господин. А потом я подумал вдруг, что буду добросовестным кузнецом, если проверю, нет ли каких недостатков в металлических изделиях в храме.

Харпагус недоуменно нахмурился и повторил свой вопрос, на который Конан ответил то же самое.

— Ты поддался моему влиянию, — спросил викарий, — или притворяешься?

— Спрашивай что тебе угодно, господин, я расскажу всю правду.

— Глупейший вопрос, — пробормотал Харпагус, — но можно попробовать. Ответь мне, какие чувства ты испытываешь к танцовщице Рудабе и в каких ты с ней отношениях, — расскажи все, до мельчайших подробностей.

— Госпожа Рудабе — дочь женщины, у которой я столуюсь, — пояснил Конан. — Однажды я ужинал с ней вместе, когда она навещала мать, вот и все.

— А ты никогда не сопровождал ее, скажем, в гостиницу Бартейка в Кшесроне?

— Нет, господин, она сказала, что это запрещено правилами храма.

— О чем вы говорили с ней, когда ужинали вместе в доме ее матери?

— Обсуждали местные сплетни, я рассказывал о своих приключениях.

— Путался ли ты с публичной девкой?

— Нет, господин, я знаю, это запрещено.

Харпагус коснулся поверхности стола указательным пальцем.

— Хорошо, — сказал он. — А теперь я щелкну пальцами по столу, и ты проснешься, но забудешь весь наш разговор. И потом можешь идти.

Жрец щелкнул пальцами. Конан глубоко вздохнул, распрямил свои могучие плечи и спросил:

— Так о чем ты хотел спросить меня, почтенный викарий?

— Я позабыл, — раздраженно отозвался Харпагус. — Иди, работай.

Конан кивнул, повернулся и пошел к двери.

— Эльдок! — окликнул Харпагус.

Бритунец, стоявший на страже у дверей викария, просунул голову в кабинет:

— Да, викарий?

— Покажи господину Ниалу, где находится выход. А ты, Ниал, — добавил он сурово, — не забывай, что мы не позволяем мирским людям блуждать по храму без сопровождения. Надеюсь, мне не придется еще раз напоминать тебе об этом.

Оказавшись в коридоре, Конан вытер концом рукава взмокший лоб и в ярости проскрежетал зубами. По крайней мере, он надеялся, викарий поверил, что гипнотическое влияние подействовало.

* * *

Придя вечером в дом Амитис, Конан вновь застал там Рудабе. Лето было в разгаре, темнело поздно, и после ужина они вышли в сад.

— Смотри не наступи на нашу капусту, — сказала Рудабе.

Нахваставшись своими приключениями, Конан спросил:

— Что за погибель обещает напустить на нас Верховный Жрец?

— Не знаю, — ответила девушка. — Внутренний круг хранит свои тайны.

— Похоже, он грозит чумой. Я знаю, можно насытить мор при помощи волшебства.

Рудабе пожала плечами:

— Узнаем, когда придет время.

— Случается, чародею не совладать с собственным творением, — размышлял Конан. — Все мы можем оказаться в числе жертв.

— Ты всегда можешь бежать.

— А ты?

Девушка вновь пожала плечами:

— Что будет, то будет. Йезуд мой родной город, я не странник, которому все равно, где жить.

— Но чума может опустошить весь город, и у тебя не останется ни родни, ни знакомых.

— Что ж, — пробормотала девушка, — такова, значит, моя судьба.

— Ох уж эти восточные суеверия! Почему бы тебе не бежать вместе со мной?

Девушка спокойно взглянула на него:

— Я все гадала, когда ты до этого дойдешь. Так вот, Ниал, знай, что я никогда не буду игрушкой в руках мужчины. Когда кончится срок моего служения, я выйду замуж за какого-нибудь пригожего паренька, буду вести хозяйство в его доме и растить детей.

Конан скривил кислую мину:

— Такая же скука и в моей родной деревне. Я бы показал тебе настоящую жизнь.

— Не сомневаюсь, но быть подругой неприкаянного искателя приключений — не в моем вкусе.

— Откуда тебе знать, девочка, если ты никогда не странствовала.

— Если жизнь хозяйки дома покажется мне невыносимо скучной, я всегда смогу бежать с храбрецом вроде тебя. Но если я уйду сейчас с тобой, я никогда уже не смогу вернуться в Йезуд: жрецы скормят меня Зацу.

Конан воздел к небу руки:

— Митра да сохранит меня от умных женщин, которые планируют свою жизнь, как командир предстоящее сражение! Да ведь вся прелест жизни состоит в том, что ты никогда не знаешь, что ждет тебя завтра и будешь ли ты вообще жив. И все же ты мне нравишься куда больше всех прочих женщин, хоть и остаешься холодна как лед.

— Ты мне тоже нравишься, Ниал, но не настолько, чтобы потерять голову. Конечно, если бы ты переменил образ жизни — осел на месте, как говорится, — но нет, я не должна давать опрометчивых обещаний. Пожалуйста, проводи меня обратно в храм.

* * *

Пожелав Рудабе доброй ночи, Конан вернулся к себе в кузницу. Не зная, куда девать себя от скуки, он спустился в Кшесрон, где в гостинице застал Парвеза за изучением карты Заморы.

— Мне кажется, наше предприятие, — заявил Конан, — должно

осуществить извне, а не изнутри. Покои храма усиленно охраняются. — Он рассказал о своей попытке обследовать храмовые коридоры и о последующем допросе у Харпагуса. — И потому, — заключил он, — мне понадобится длинная прочная веревка, примерно в сорок — пятьдесят локтей. Ты не подскажешь, где такую достать?

— Нет, я не знаю, — ответил дипломат, — но возможно, наш хозяин ответит. Эй, Бардейк!

Бардейк сообщил им, что веревку можно купить в деревне Картой, расположенной в долине в двух лигах от Кшесрона.

— Хорошо, — сказал Конан. — Во сколько может нам обойтись пятьдесят локтей веревки?

Когда Бардейк, прикинув в уме, назвал им сумму, Конан протянул к Парвезу руку:

— Деньги на веревку, господин.

— Трудный же ты человек, — вздохнул дипломат, роясь в своем кошельке. — Но погоди.

Кисло взглянув на Конана, Парвэз поднялся из-за стола и ушел.

Оставшись один, Конан оглядел залу. Вошел капитан Катигерн, и Конан приветствовал его кивком. Оба они заказали вина — дешевого, местного, потому что Конан не видел причины разоряться на кирасское, если уж не с кем было сегодня разделять это изысканное удовольствие. И он, и Катигерн не потратили слишком много.

Хотя Конан пил больше, чем обычно, вино Бардейка не вызывало опьянения. Через час и он, и бритуниец были все еще трезвы, и Конану было скучно как никогда.

Дочь хозяина подошла, чтобы лишний раз показаться на глаза мужчинам. Конан зевнул и сказал:

— Довольно, капитан. Я, наверное, пойду спать.

— В одиночестве? — лукаво спросила Мандана. Поймав его взгляд, она чуть подалась вперед.

Конан глядел на нее безо всякого интереса.

— В кузнице тяжело работать, — проворчал он. — Ковать мечи — все равно что сражаться. Работа отнимает у меня все силы.

— Ха! — фыркнула Мандана. — Такому силачу, как ты, надо еще и ночью потрудиться, чтобы устать. Ты бегаешь за танцовщицей из храма. Думаешь, я не узнала ее, несмотря на то что она была спеленута, как мумия! По крайней мере, я не скачу перед народом голая, нацепив на себя только нитку бусин.

На другом конце стола раздался кашель: Катигерн безуспешно

старался сдержать свое веселье. Сердито взглянув на капитана и на дочку Бартейка, Конан сдержанно попрощался и ушел.

* * *

Разыскав на ощупь в темноте свой матрас, Конан улегся, но сон не шел к нему. Он мог думать только о Рудабе, ее образ преследовал его. Хоть он и твердил себе, что о девушке надо забыть, что с нею он утратил бы независимость и свободу, которые были для Конана дороже всего, — лицо Рудабе стояло у него перед глазами.

С нею, размышлял Конан, он перестанет быть борцом. Она опутает его клейкою паутиной домашней рутины, из которой невозможно будет с честью выбраться. Или паук и в самом деле символ Йезуда? Он будет привязан к одному и тому же месту жительства и к одной и той же отупляющей работе всю свою жизнь, пока не станет седым беззубым стариком, живущим на жидкой похлебке. А скольких городов он не увидит, скольких приключений не изведает!

Но хотя Конана и ужасала мысль, что остаток жизни он проведет как кузнец в Йезуде, иное, более сильное побуждение донимало его гораздо сильней: ему хотелось снова видеть Рудабе, любоваться ее милым лицом, слушать нежный голос, созерцать горделивую походку танцовщицы, держать девушку за руку. Это было не просто вожделение, хотя и оно присутствовало.

Не было это также и простым желанием обладать женщиной. Он мог бы проводить ночи с этой глупой девкой Манданой, внеся только назначенный отцом выкуп. Но он хотел именно ту женщину, а не какую-нибудь другую.

Эта потребность, эта зависимость была для Конана новой, и оттого ему было не слишком уютно. Вновь и вновь пытался он разорвать невидимые путы, пока еще не поздно. Но всякий раз, едва только он собирался выбросить Рудабе из головы, он понимал, что это невозможно, как невозможно ограбить калеку нищего.

И однако он уже согласился на предложение Парвеза освободить Джамилю, а за это получить доступ в храм, откуда он надеялся похитить глаза Заца. Но если он украдет их, ему придется бежать как можно дальше от Йезуда. Ладно, если Рудабе поедет с ним, — а если девушка не решится? Отказаться ли ему от замысла, чтобы вести оседлую жизнь в Йезуде? И если он поступит так, переживут ли они затеваемый Феридуном

переворот? Глупо трудиться над замыслом и затем рисковать, освобождая Джамилю, если потом ему не удастся использовать Ключ Гацрика.

Мысли его крутились и крутились, как молоко в маслобойке, не складываясь в какой-либо вывод. Наконец Конан понял, что не уснет, и поднялся с постели.

За полночь капитан Катигерн обходил своих бритунийских стражей. Идя вдоль стены Йезуда, он заметил, что на дороге в Шадизар что-то шевелится. Он разглядел человека, минующего Кшесрон и бегущего наверх по каменной тропе.

Катигерн, обернувшись к лейтенанту, возглавлявшему стражников, поинтересовался:

— Кто это там? Посыльный от короля?

— Нет, — ответил лейтенант. — Если не ошибаюсь, это наш кузнец Ниал. Час тому назад он вышел из города, сказав, что нуждается в хорошей пробежке.

Конан, пытаясь отдохнуть, ждал, пока ему откроют, дверцу в воротах. Все еще тяжело дыша, он нырнул в дыру, бегло поприветствовал бритунийцев и исчез.

— Не сошел ли кузнец с ума? — предположил лейтенант. — Я не видел, чтобы так проворно убегали от врагов.

— Да, можно сказать, он безумен, — хохотнул Катигерн. — Любовь заставляет человека проделывать штуки почудней, чем ночные пробежки!

Глава 9

ПОРОШОК ЗАБВЕНИЯ

Ухаживая за Рудабе, если это так можно назвать, Конан делал приготовления на случай внезапного побега, несмотря на то что пока еще не видел повода для бегства. Он, у которого было в обычай принимать мгновенные решения и тут же следовать им, испытывал теперь опасные колебания.

Каждый день на час или более он оставлял кузницу и объезжал своего коня. Он натачивал свой меч. Он чинил и начищал обувь, седло и прочую экипировку. Он запасался пищей, которую можно долго хранить: солониной, сухарями и финиками, купленными у зуагирских торговцев. Он взял у Парвеза карту Заморы и тщательно изучил ее.

Если он сбежит из Йезуда с глазами Заца, куда ему следует направиться? Возвращаться в Туран нельзя, поскольку Тугрил не откажется от мести. Верховный Жрец Эрлика, чьего сына он убил, в своей жажде мщения способен прибегнуть даже к заклинаниям чародеев.

Западнее Йезуда, с юга на север, тянулся на много центральный хребет покрытых вечными снегами Карпашских гор. Конан, рожденный в горах, не сомневался, что сумеет пешком пробраться через уступы горного кряжа, но коню наверняка это окажется не под силу. Можно ли было помыслить путешествовать по ту сторону гор, в чуждой стране, без коня? К тому же, если Рудабе согласится бежать с ним, ей необходима будет лошадь.

Он мог бы пробраться на север, где кончается хребет, и оттуда податься в расположенную западнее верхнюю Британию. Там, в этой малонаселенной стране, он мог бы жить долгие годы — но какими бы событиями он заполнил их? Да, он мог бы купить участок земли и возделывать его. Но гнуть спину на пашне и ковыряться в грядках не пристало отважному воину! Стоило ли тогда покидать родную Киммерию?

Можно было отправиться также на юг, к другому концу Карпашей, и оттуда пробраться в Коринфию либо еще южней, в Хаурен. Тогда его путь будет пролегать через Шадизар, где какой-нибудь дружественно настроенный скупщик краденого выложит Конану кругленькую сумму за его добычу. С другой стороны, множество заморийцев из приближенных короля Митридата помнят его прошлые похождения и точат на него зуб. Замора — страна небольшая, здесь трудно спрятаться; вдобавок Конан выше ростом любого заморийца на целую голову — его нетрудно будет

разыскать.

* * *

Через несколько дней после ночной пробежки Конан на три дня отлучился из Йезуда, спустившись в долину. Киммериец возвращался из деревушки Каршой с мотком веревки, прикрепленным к седлу.

Он мирно трусил по извилистой тропинке, которая змеилась по узкому ущелью ниже долины, где лежал Кшесрон. Скалистые склоны ущелья круто поднимались по обе стороны, изъеденные эрозией валуны или поднимались к небу пиками, или валялись, раскиданные там и сям. Прекрасное место для засады, подумал Конан, обводя округу тревожным взглядом: в каменном хаосе можно отыскать множество мест, чтобы притаиться, а лошадь навряд ли преодолеет такой подъем, не сломав ноги.

Только он успел это подумать, как вдруг услышал столь знакомый по службе в турецкой армии звук: хлопок туго натянутой тетивы, сопровождаемый ноющим свистом летящей стрелы.

Конан тут же метнулся вперед и повис на правом боку коня, потому что звук пришел с левой стороны ущелья. Зацепившись ногой за седло и обвив рукой Имира за шею, он теперь не был удобной мишенью для невидимого лучника. Едва Конан спрятался, стрела пропела как раз там, где только что был всадник, и раскололась о камень по правую руку от Конана.

Конан в ярости вскочил в седло и вытащил меч. Он развернул коня и впился взглядом в каменистый склон, как если бы сверкание его голубых глаз могло испепелить скалы, за которыми спрятался убийца. Имиру передалось возбуждение седока: конь затанцевал и зафыркал. Однако в скалах ничего не шевельнулось.

Конан мог бы направить Имира вниз по склону ущелья и пересечь ручей, но потом бы ему пришлось спешиться и карабкаться наверх, без щита и доспеха, под прицелом меткого лучника, надежно укрытого в засаде; ясно было, что это равносильно самоубийству. Собственный лук киммерийца оставался вместе с колчаном в Йезуде. Конан, с бьющимся сердцем, вглядывался в камни, но враг оставался невидим.

Наконец киммериец вновь направил коня на север, намереваясь продолжить путь: если нельзя вступить в сражение, лучше поскорее уйти от опасности.

Но едва Конан пустил коня галопом, как вновь запела стрела. Вновь

Конан стремительно пригнулся, но на этот раз стрела вонзилась коню в бок. Имир сделал огромный скачок — и свалился на край дороги; содрогаясь в конвульсиях, животное скатилось вниз по склону.

С потерей коня Конан всецело сосредоточился на обороне. Ловко, как кошка, он вскочил на ноги, но склону был таким крутым, что киммериец упал и покатился вниз. И все же, оказавшись на середине спуска, Конан снова поднялся и в два прыжка очутился на дне ущелья. Перепрыгнув через ручей на другую сторону ручья, киммериец стал по камням карабкаться наверх. Поскольку на смену ярости явилась расчетливая осторожность, Конан поднимался наверх более обдуманно, прячась за валунами и выступами, пристально всматриваясь в открытые пространства и делая стремительные броски к следующему укрытию.

Преодолев значительную часть подъема, он вновь внимательно оглядел валуны и выступы утеса, за которыми прятался убийца. Но киммерийцу так и не удалось его заметить, даже когда он выбрался из ущелья.

Наверху простиравшееся неширокое травянистое плато, тянущееся на расстояние полета стрелы, далее оно переходило в склоны и вершины скалистых Карпатских предгорий. Конан, нахмурившись, обошел плато. Вдруг дыхание его участлилось: он заметил на песке след лошади. Пройдя чуть далее, он заметил еще несколько отпечатков копыт и колышек, воткнутый в землю. Очевидно, кто-то недавно поднялся на это плато, привезя с собой колышек. Спешившись, незнакомец воткнул колышек в землю, привязал лошадь и отошел, чтобы пускать стрелы в Конана. Промахнувшись оба раза, он возвратился к своей лошади и уехал так быстро, что даже колышек с собой не захватил.

Конан сновал вокруг следов, как ищёйка, учゅявшая запах, чтобы разгадать, в каком направлении скрылся лучник. Но плато местами сильно поросло травой, местами же было каменистым, и потому следов больше не было видно.

Наконец Конан отказался от своей затеи и спустился вниз, где у ручья лежал его мертвый конь. Он снял седло и уздечку и, поднявшись на тропу, потащился к Йезуду, мрачный, с веревкой и седлом на плече. Он брел, раздумывая, как убийца мог так ловко пробраться на плато незамеченным, — наверняка без магии тут не обошлось.

Да, решил Конан, это единственное объяснение. Чародей был не настолько силен, чтобы убить Конана посредством только лишь волшебства, однако он сумел, как викарий, навести морок. Для убийства были использованы лук и стрелы, а чары — только как прикрытие,

благодаря которому лучник остался незамеченным.

* * *

Конан вернулся в Йезуд в ярости: конь потерян, а враг ушел неотмщенным. Но гнев киммерийца значительно ослаб, когда он увидел Рудабе.

Рудабе не выглядела счастливой.

— Выйдем в сад, Ниал, — сказала она взволнованно. — У меня есть новости.

— Да? — оживился Конан, идя за ней по тропке меж грядок с капустой.

— Ты знаешь викария Харпагуса? Ему стало известно, что я была с тобой в Кшесроне.

— Как он узнал?

— Он вызвал меня и заявил, что некая женщина — имени он не назвал — сообщила ему об этом.

— Клянусь Сэтом! — прорычал Конан. — Уверен, что это шлюха из таверны, Мандана.

— Зачем бы ей это понадобилось? Я ничего плохого ей не сделала!

— Из ревности, моя девочка, разве ты не знаешь женщин? И каковы же намерения Харпагуса?

— Ему хотелось бы получить от меня то, в чем я отказалась тебе. В противном случае он угрожает донести господину Феридуну.

Голос Конана стал подобен рычанию леопарда:

— Еще одно свидетельство против этого пса! Если это не он подослал убийцу сегодня на дороге, считай меня стигийцем.

— Что случилось? Тебя пытались убить?

Конан вкратце рассказал Рудабе о своем приключении по дороге из Каршоя.

— Какая жалость, что убили коня! — воскликнула Рудабе. — Но зато ты невредим, а это куда важней.

— Не беспокойся. Расскажи лучше, как может отомстить тебе Харпагус, если ты не уступишь?

— Отдаст на съедение богу-пауку, — мрачно сказала Рудабе. Лицо ее было бледно даже в лучах заходящего солнца. — Или велит высечь кнутом и переведет в младшие прислуги. Что меня ждет? Я могу уступить Харпагусу, но, даже если обойдется без последствий, стану так или иначе

кормом для Заца; могу отказать похотливому викарию, пригрозив пожаловаться Феридуну. Я могу и заблаговременно пойти к Верховному Жрецу. Но викарий обличит меня, и его слово перевесит.

— Ты не учла четвертую возможность: бежать со мной, — проворчал Конан.

Рудабе покачала головой:

— Мы уже об этом говорили. Я бы, наверное, предпочла быть убитой Зацем, чем вести такую жизнь, как ты обрисовал. Но ты, наверное, разделишь мою участь: если Феридун узнает, что ты обесчестил девушку, служащую в храме, тебе несдобровать.

— Развратники! — фыркнул Конан. — Все они развратники. Ваши жрецы, как и прочие правители, не желают подчиняться тем законам, которые они предписывают другим.

— Когда правил предшественник Феридуна, ненасытный сластолюбец, никто и не думал о законах, но Феридун настолько нравственно чист, что его оскорбляет, когда другие позволяют себе наслаждаться жизнью. Да, насчет Харпагуса, — ты уже решил, как поступить?

Девушка имела в виду, решил ли Конан стать ее скромным, не жаждущим приключений мужем. Конан сжал кулаки и заскрежетал зубами от противоположных чувств, терзающих его. И вдруг ему пришло в голову, что есть еще одно решение, которое спасло бы их от роковойвязки.

— Ты слышала что-нибудь о Порошке Забвения? — спросил он у девушки.

— Нет. А что это такое?

— Это волшебное средство, меня снабдила им одна знакомая колдунья. Брось щепотку в лицо врага, сказала она, и враг позабудет все о тебе, как если бы никогда тебя не знал. Если ты зайдешь ко мне, я... — Конан умолк, так как Рудабе протестующе взглянула на него. — Да, да, понимаю. Нельзя, чтобы нас видели вместе. Подожди меня здесь.

Вскоре Конан вернулся с волшебным порошком, который дала ему Нисса. Передавая его Рудабе, Конан вздохнул:

— Я и вправду люблю тебя, девочка. Я покажу тебе такую любовь, какая местным чурбанам и во сне не снилась!

— А когда ты умчишься от меня навстречу новой любви и новым безумным приключениям, оставив с младенцем на руках, — что тогда я буду делать?

Конан возмущенно фыркнул:

— Вам, госпожа, следует вести диспуты с философами во внутреннем

дворике храма! Уверен, вы бы посрамили их.

— У тебя ум острее, чем ты полагаешь, но не хватает навыка.

— Я умею рубить мечом, стрелять из лука и скакать на боевом коне, искусству словопрений меня не обучали.

— Это дело поправимое. Дариус, младший жрец, ведет занятия с детьми, он мог бы и тебя научить.

— Клянусь Кромом! — рявкнул Конан. — Ты, девчонка, пытаешься взять надо мной верх? Как бы не так!

Когда им надоело спорить, Конан проводил Рудабе до храмовых дверей. Убедившись, чтоочные улицы пустынны, Конан схватил девушку, прижал к себе и покрыл ее лицо горячими поцелуями.

— Поедем со мной! — бормотал он голосом, охрипшим от страсти.

Высвободившись из объятий, Рудабе мягко сказала:

— Я допускаю, Ниал, что смогла бы любить тебя, — но только в том случае, если ты позволил бы мне «взять над тобою верх». Это значит отказаться от странствий и обосноваться в Йезуде в качестве примерного мужа и хозяина дома.

— С другой женщиной о таком и помыслить было бы смешно, — проворчал Конан. — Но что касается тебя — я подумаю.

* * *

На следующее утро Конан отпустил Лара из кузницы и принялся за новое изделие, которое ему не хотелось показывать подмастерью. К полудню футовый крюк, загибающийся внизу тремя концами, был готов. Он как раз привязывал его к купленной в деревне веревке, продев ее в ушко на верхнем конце, когда взволнованный голос позвал его:

— Ниал!

В дверях кузницы стояла девушка. Конан узнал Рудабе, несмотря на то что она была в накидке с капюшоном. Конан отложил работу и вышел наружу.

— Заходи, — сказал он. — Нам нельзя говорить тут, где каждый нас может увидеть. И не опасайся за свою проклятую девственность.

Оба вошли в кузницу, Конан плотно прикрыл дверь.

— Что случилось?

— В храме такой переполох, что, думаю, меня не скоро хватятся.

— Вот как, а что случилось?

— Твой порошок подействовал — да еще как! Харпагус заглянул

сегодня ко мне в спальню и вновь принял угрожать мне, не скучая на льстивые уговоры. Едва он коснулся меня своими похотливыми руками, я открыла коробочку и вытряхнула на него весь порошок.

— Одной щепотки было бы достаточно.

Девушка пожала плечами:

— Не сомневаюсь, но я так волновалась, что не могла отмерять с точностью. Харпагус расчихался, раскашлялся, стал утират слезы. Придя в себя, он уставился на меня невинными, как у ребенка, глазами! Спросил, кто я такая и где он находится. Вот пустая коробочка.

— Кром! Похоже, порошок начисто отшиб ему память! А что было дальше?

— Я вытолкнула его из комнаты, и он ушел, бормоча что-то невнятное. Потом мне сказали, что жрецы нашли его в таком состоянии и отвели к Верховному Жрецу, который при помощи магии пытался восстановить память викария, но безуспешно! Я так тебе благодарна, Ниал...

— Ладно. Я попросил бы тебя об одной ответной услуге... О нет, совсем не то, что ты думаешь, — поспешил он ее заверить, заметив, что Рудабе отпрянула в сторону. — Хотя, надеюсь, и до этого со временем дело дойдет. А сейчас я должен узнать, где прячут пленную турецкую.

— Я не вправе открывать храмовые секреты, — начала было возражать Рудабе, но Конан перебил ее:

— Чепуха! Разве ты не знаешь, что священники используют других людей для своих целей? Та госпожа — пешка в игре Феридуна, который добивается неограниченной власти, и я должен знать, где они ее держат. Кстати, я ведь не чужой, я тоже работаю для храма, как и ты. Так ты скажешь мне, девочка?

— Хорошо. Ты представляешь, где расположен второй этаж северной части храма?

— Да, издали видны окна второго этажа, если идти вокруг храма.

— Та госпожа живет в помещении на втором этаже меж самым северным из западных крыльев и ближайшим к нему.

Конан сел на корточки и начертил пальцем несколько линий на пыльном полу.

— Верно. Стена тянется от одного крыла к другому, образуя внизу замкнутый треугольник.

— А что за стеной? Наверное, цветник?

— Нет, там Феридун держит гирканского тигра, по кличке Кирмизи. Вот почему, когда Феридун хочет изолировать гостя, он помещает его именно в те покой.

— Тигр! — хмыкнул Конан. — Этакий ручной, игривый котеночек.

— Нет, он дик и свиреп и слушается одного только жреца Феридуна. Господин Феридун умеет покорять животных, используя магию. Возможно, это просто случайность, но, когда он и жрец Зариадрис соперничали, кому из них быть Верховным Жрецом, а избрали Феридуна, Зариадрис отправился в Шадизар пожаловаться королю, что выборы были мошенническими. Но по пути его окружила стая волков, звери стащили его с коня и разорвали. И потому, если ты затеваешь...

— Это мое дело, что я затеваю, — буркнул Конан. — Отправляйся домой к матери, я скоро приду туда.

* * *

Поздней ночью, при бледном свете полной луны, Конан осторожно обошел храм вдоль огромной стены. Подойдя к дворику под окнами Джамили, он размотал веревку и попытался забросить крюк на стену. Вторая попытка оказалась удачной.

Через миг Конан, ловко вскарабкавшись по веревке, был уже на стене. Он оглянулся с осторожностью: улицы Йезуда были пусты. В городе отсутствовали пивные и прочие увеселительные заведения, и потому жители рано ложились спать. Городской сторож уже обошел улицы и отправился на покой, Катигерн закончил разводить своих бритунийцев на посты у городских ворот и внутри храма. В Йезуде преступления были столь редким явлением, что не стоило предпринимать серьезных мер для их предупреждения.

Конан внимательно взгляделся в треугольный дворик и примыкающие к нему крылья храма. Деревья и кусты отбрасывали бархатные тени, казавшиеся черными заводями в потоках лунного света. Острые глаза Конана вскоре различили темный силуэт, простершийся под деревом.

Зверь, почувствовав взгляд Конана, вскочил и подошел к стене. Он издал продолжительный рык, подобный шуму пилы, вгрызшейся в древесный ствол.

Конан определил, что окно Джамили находится примерно в три человеческих роста над двориком, где разгуливал Кирмизи. Едва тигр приблизился, Конан снял с кладки свой крюк и спрыгнул на землю по ту сторону стены. Смотав веревку, Конан вернулся к себе в кузницу.

Глава 10

ТИГРИНАЯ ПАСТЬ

На следующий же день Конан пошел в гостиницу к Бартейку. Склонившись над маленьким столиком, Парвез и Псамитек, ученый-стигиец, играли в шахматы. Помимо двух турецких, спутников Парвеза, и торговца с юга, в зале таверны никого не было. Едва Конан появился, ученый и дипломат оторвались от игры.

— Здравствуй, дружище Ниал! — приветствовал его Парвез. — Ты объезжаешь своего коня?

— Обычно я так и делал, — отозвался Конан. — Но два дня назад какой-то негодяй убил коня, пустив в него стрелу, прямо подо мной. Однако я не это хотел тебе сообщить.

Конан многозначительно взглянул на Псамитека.

— Мы просим извинить нас, — обратился Парвез к стигийцу. — Пусть Чагор играет вместо меня.

Псамитек, поднявшись, поклонился, пробормотал извинения и перенес доску на другой стол, стараясь держать ее ровно, чтобы фигуры не соскользнули. Тут же он и Чагор склонили головы над доской, хмуро глядя на фигуры и попеременно делая ходы.

Конан сел на освободившийся табурет и, понизив голос, сказал:

— Я узнал, где держат госпожу.

Он рассказал турецкому о предварительной ночной разведке.

— Тигр, говоришь? — раздумывал турецкий. — Такому силачу, как ты, пожалуй, удастся его одолеть.

— Нет уж, благодарю! — проворчал Конан. — Однажды мне пришлось убить льва в саду у чародея, который держал таких кисок вместо сторожевых псов. Но, считаю, мне просто повезло. Страна теней была ко мне в тот миг ближе, чем во время битв и поединков.

— Так что же ты собираешься предпринять? — спросил Парвез. — Пробраться в комнату госпожи по храмовым коридорам?

— Нет, коридоры охраняются и днем и ночью. Есть ли у тебя магическое средство, чтобы убить тигра или хотя бы заставить уснуть?

— Увы, нет! Я не искушен в магии, только и было у меня, что серебряная стрелка, которую ты забрал. Но, думаю, у меня найдется средство, чтобы справиться с полосатым котеночком Феридуна. — Он порылся в суме и достал оттуда флакон с зеленоватой жидкостью. —

Принадлежность моей профессии: три капли в бокал — и человек уснет на много часов. Но не знаю, как мы уговорим тигра принять снадобье...

— Это нетрудно. Погоди, — сказал Конан.

Сквозь узковатый для него дверной проем он протиснулся на кухню, где застал Бардейка за приготовлением ужина. Когда тот заметил его, Конан спросил:

— Хозяин, не продашь ли нам хороший кусок сырого мяса?

— А на что вам, черт побери... — начал было Бардейк, но, встретив злобный взгляд Конана, умолк. — Да-да, конечно. Это будет стоить...

— Господин Парвез заплатит, — сказал Конан, ткнув большим пальцем через плечо в сторону залы. — Принеси мясо. Мы собираемся устроить пирушку для одного нашего друга.

Бардейк исчез и вскоре вернулся, неся на тарелке кусок говядины, которого хватило бы, чтобы накормить дюжину воинов. Положив тарелку на свободный стол, он ушел подсчитывать, сколько надо взять денег с Парвеза. Вытащив меч, Конан сделал несколько надрезов — так глубоко, как входил клинок, потом влил в эти надрезы содержимое флякона. В это время в залу вошел Бардейк.

— Что это? — полюбопытствовал он. — Наверное, приправа?

— Да, замечательная приправа из дальних земель. У тебя найдется мешковина, чтобы завернуть мясо?

Когда кусок говядины был завернут в мешковину, Конан вернулся в залу, неся сверток на плече.

— Когда ты собираешься это сделать? — шепотом спросил у него Парвез.

— Сегодня ночью. Медлить нельзя: жрецы уже подозревают меня. Как мне убедить госпожу, что я не новый похититель?

— Возьми вот это, — сказал Парвез, снимая с пальца перстень с печатью и передавая его Конану. — Лучшего доказательства не найти.

Конан надел кольцо на мизинец и, со свертком на плече, вышел из гостиницы.

* * *

Луна, едва на ущербе, лила свой серебряный свет сквозь разрывы в облаках. Она еще не достигла зенита, когда Конан, неслышно передвигаясь по пустынной улице, подошел к стене, за которой помещался Кирмизи. Остановившись, Конан крепко стиснул огромный кусок говядины обеими

руками и, дважды крутанув его над головой, рывком забросил за стену. Приманка упала с тяжелым влажным шлепком. Тигр с рычанием поднялся, и вскоре по урчанию и чавканью киммериец понял, что зверь наслаждается нежданным поздним ужином.

Конан ждал, присев на корточках за выступом стены, чтобы скрыться от предательского лунного света. Со спокойствием охотника в дикой пустыне он дожидался, не двигаясь и почти не дыша, пока луна уйдет по своей пересекаемой облаками тропе к западному краю неба.

Услышав мощный сиплый зевок, Конан разился и, не снимая перевязи, закинул меч за спину. Размотав веревку, он закинул крюк на стену и взобрался наверх.

Какое-то время внизу ничего нельзя было различить, потому что тень от огромного облака надвинулась на храм и прилегающие к нему улицы, Но вот луна выглянула вновь, и Конан увидел тигра, который мирно спал, положив голову на лапы. Взглянув в очистившееся небо, киммериец с неудовольствием вспомнил ту ночь, когда он взобрался по плющу к окну Наркии. Благоприятно ли для него расположение светил сегодня ночью?

Конан тихо присвистнул и подождал. Тигр не пошевельнулся, и Конан снял крюк со стены. Повиснув на руках, он спрыгнул; зверь продолжал спать.

Конан осторожно оглядел загон. Тигр лежал неподвижно, только бока вздымались и опускались. Черные полоски были видны отчетливо, тогда как оранжевый мех между ними отливал мутным серебром в призрачном лунном свете.

Над спящим зверем поднималась узкая полоса каменной кладки, разделявшей два примыкавшие к ней крыла храма. На уровне земли находилась железная дверь, через которую, по-видимому, входил и выходил служитель, кормивший тигра. А прямо над воротами находилось окно комнаты, где помещалась Джамиля; ставни были распахнуты, чтобы теплый летний ветер мог проникать вовнутрь; оконный проем темным прямоугольником выделялся на фоне мерцающих под луной мраморных плит: свет в комнате был погашен.

Скользящей тенью Конан прокрался мимо спящего тигра к внутренней стене. Вновь размотав веревку, он раскрутил над головой трехконечный крюк и швырнул его, метя в темный оконный проем. Крюк стукнулся о стену с металлическим лязгом, необыкновенно громким в ночной тишине, и упал на землю. Вторая попытка тоже оказалась неудачной.

Сматывая веревку перед третьей попыткой, Конан проклинал себя за то, что не догадался потренироваться, прежде чем приступить к делу. С

третьей попытки Конан попал в окно, но крюк не зацепился, когда он дернул за свободный конец веревки. И только четвертая попытка оказалась удачной.

Перебирая веревку руками, Конан полез наверх; мускулы его вздувались, напрягаясь, как у питона. Перевалившись через подоконник, с легким шлепком босых ног о каменные плиты, он встал на непокрытый ковром пол.

Странствующая луна бросала наискось в окно серебряные стрелы, расплывавшиеся продолговатыми пятнами на шелковых занавесках. Бледный свет вырисовывал ложе с покоящейся на нем хрупкой фигуркой. Ночь была теплой, и спящая сбросила с себя одеяло; длинные черные волосы, разметавшись вокруг опаловых плеч, не закрывали от света луны ее роскошные груди.

Конан скользнул к кровати и прошептал:

— Госпожа Джамиля!

Красавица не шелохнулась. Тогда киммериец легонько потряс ее за нежное покатое плечо. Джамиля медленно открыла глаза. И вдруг ресницы ее затрепетали, она тихо ахнула. Конан широкой ладонью зажал ей рот, и потому вместо крика вышел слабый стон.

— Тсс, госпожа! — прошипел он. — Я пришел освободить тебя.

Он отнял ладонь от ее губ, но не убрал руку совсем, на случай если Джамиля вздумает звать на помощь.

— Кто... кто ты? — прошептала Джамиля.

— Зови меня Ниал, — пробурчал Конан. — Я здесь по поручению господина Парвеза, посла короля Йилдиза. Посол ждет поблизости.

— Как ты докажешь, что это правда?

Конан снял перстень с печатью и передал его женщины.

— Вот это посол велел показать тебе. Здесь слишком темно, чтобы увидеть печать, но ты можешь нашупать ее большим пальцем.

Джамиля погладила кольцо.

— Как ты вошел сюда?

— Через окно.

— А тигр?

— Кирмизи спит со снотворным в брюхе. Идем! Ты должна довериться мне, если не хочешь оставаться здесь пленницей.

Джамиля, вдруг вспомнив, что она обнажена, потянулась за одеялом.

— Я не могу встать, пока ты на меня смотришь! Отвернись хотя бы.

— Вот они, женщины! — с отвращением прошипел Конан. — Наша жизнь висит на волоске, время ли соблюдать церемонии!

Все же он отошел к окну и повернулся спиной, напряженно прислушиваясь, не решится ли Джамиля в порыве страха и недоверия ударить его кинжалом в спину. Однако было слышно только шуршание надеваемых в спешке дорогих шелковых одежд.

— Ты можешь повернуться, достопочтенный Ниал, — прошептала наконец Джамиля. — Что теперь?

Конан втащил веревку; когда она четкими кольцами легла на полу, киммериец на свободном конце завязал большую петлю и опустил ее за окно.

— Погоди, — сказал он. — Есть у тебя еще подходящий плащ, кроме этих вычурных одеяний? Если тебя увидят в таком виде на улице...

— Понимаю.

Джамиля подошла к сундуку и достала оттуда черную бархатную накидку с капюшоном. Кован, свернув накидку, бросил ее вниз, стараясь не попасть в спящего тигра.

— Подойди сюда, — сказал он. — Сядь на подоконник, и я поддержу тебя, пока ты не упрешься ногами в петлю. Не смотри вниз, но держись за мою руку, пока не почувствуешь под собой веревку. Готово! А теперь держись за веревку обеими руками.

— Веревка колет пальцы, — пожаловалась Джамиля. — И такая высота!

— Что поделаешь, госпожа. Держись, начинаю опускать.

Перебирая руками веревку, Конан медленно опустил женщину на землю. Потом он ощупал крюк, крепко упирающийся в подоконник. Если спуститься сейчас по веревке, сообразил Конан, то нельзя будет рывком освободить его, а веревка еще нужна, чтобы взобраться на внешнюю стену.

Конан втащил веревку в комнату, снял крюк с подоконника и придинул к окну массивную кровать Джамили. Пропустив свободный конец веревки под ножкой кровати, он тянул ее до тех пор, пока веревка не сложилась пополам.

Опустив оба конца веревки за окно и крепко уцепившись за них, Конан перевалился через подоконник и повис довольно высоко над землей. Развязав петлю, он с ловкостью пантеры прыгнул на землю и тянул за крюк до тех пор, пока вся веревка не легла, свернувшись кольцами, у его ног.

Перепуганная Джамиля, прижавшись к стене, смотрела на спящего тигра широко раскрытыми глазами; в ноздри ей был неприятный, резкий запах зверя. Быстро смотав веревку и подобрав с земли плащ госпожи, Конан покровительственно обнял ее за плечи и в молчании провел по зеленому дерну мимо спящего Кирмизи. Оказавшись у внешней стены,

Конан вновь раскрутил железный крюк и вновь забросил его на стену. Он уже собрался было лезть наверх, когда Джамиля, вскрикнув, предупредила его о надвигающейся опасности. Обернувшись, он увидел, что тигр поднялся на четыре лапы и, пошатываясь, бредет к нему. Очевидно, доза сноторного была невелика, несмотря на то что Конан полностью опустошил флакон.

Конан вовремя успел выхватить меч: тигр, раскатисто прорычав, скакал для прыжка — и тут же, как распрямившаяся струна, взвился в воздух с открытой пастью, в которой пенилась слюна.

Конан, широко расставив ноги, взмахнул мечом — и поразил огромного, летящего на него с осколенными зубами и выпущенными когтями зверя: удар пришелся в голову, прямо меж сверкающих изумрудами глаз. Под тяжестью чудовищной туши Конан потерял равновесие и отлетел назад к стене, тигр рухнул на него.

Джамиля, не видя Конана, взвизгнула, но тут же прикрыла рот унизанной драгоценностями рукой.

— Ты жив, Ниал? — прошептала она.

— Почти, — проворчал Конан, выбираясь из-под полосатой туши, как жук из-под камня.

Поднявшись на ноги, он взглянул на зверя, который лежал распростертый, с мечом Конана, застрявшим в расколотом черепе. Встав босой ступней тигру на голову, Конан могучим рывком высвободил клинок.

— Проклятье! — пробормотал он. — Клянусь, никогда больше не впутаюсь в такую заварушку. Это выше сил человеческих. К счастью, добрая сталь выдержала удар.

— Ты ранен? — с трепетом в голосе спросила Джамиля.

— Кости целы, хотя царапин и синяков достаточно. Меня как будто сквозь строй прогнали.

Вытерев лезвие о тигриный мех, Конан вложил меч в ножны. Взобравшись по веревке наверх, Конан сел верхом на стену, поднял принцессу и с осторожностью опустил ее на улицу. Освободив крюк, он спрыгнул вниз и обулся.

— Надень плащ и опусти капюшон, — приказал Конан. — У городских ворот стоят стражники, и потому тебе придется сыграть роль моей возлюбленной — одной из девиц, что живет в Кшесроне. Понятно?

— Надеюсь,уважаемый Ниал, что ты не допустишь со мной излишних вольностей, — предупредила Джамиля. — Ведь я особа приближенная к государю.

— Не беспокойся, хотя тебе лучше позабыть об этом, если хочешь

выбраться из Йезуда.

— Но...

— Никаких «но», госпожа. Или ты делаешь, что я велю, или остаешься здесь. Выбирай.

— О, я поняла, поняла, — закивала Джамиля.

Прихрамывая от ушибов, Конан повел смирившуюся особу прочь.

* * *

Проходя мимо одного из огражденных стеной внутренних двориков храма, Конан вдруг замер на месте и велел остановиться Джамиле.

— Что там? — прошептала женщина.

— Послушаем. — Он приложил ухо к камню, знаком приказав госпоже молчать.

Из-за стены доносились голоса: двое во внутреннем дворике о чем-то усиленно спорили. Звучный, будто колокол, голос принадлежал Верховному Жрецу; второй из собеседников, по-видимому, был жрец более низкого ранга.

Верховный Жрец произнес:

— Боюсь, дети не успеют достаточно вырасти за несколько месяцев.

— Но, ваше святейшество! — возразил другой голос. — Мы не сумеем избавиться от короля при помощи одних лишь пустых угроз. Он подумает, что мы запугиваем его воображаемыми призраками.

— Это он попусту хвастает, а не мы, дорогой мой Мирзес. Королю неплохо бы знать, что его разношерстная армия, едва завидит детей Заца, тут же рассеется в панике. Мы обладаем самым ужасным орудием с тех пор, как изобретен меч.

— Но как убедить его?

— Вскоре прибудет еще один посол. Если не подействуют уговоры, я возьму посланника Митридата с собой в подземелье и покажу ему их.

— Допустим, и это не поможет.

— Тогда мы претворим наш Великий Замысел в действие. Хоть дети не вполне еще выросли, они достаточно велики, чтобы исполнить предназначеннное.

— Зац да благословит вашу затею, господин, — пробормотал Мирзес.

— Не беспокойся, — звучным голосом ответил Феридун. — Я сумею управлять ими, как и другими животными. Как моему новому викарию, тебе следует также знать, что...

Голоса зазвучали тише — наверное, беседующие удалились в храм. Конан кивнул Джамиле, и они продолжили путь. Но хрупкая турилка не поспевала за Конаном: обутая в изящные туфельки, она то и дело спотыкалась о булыжники.

— Позволь, я понесу тебя! — предложил Конан. Она слабо запротестовала, но киммериец подхватил ее на руки и понес к городским воротам.

Вскоре, при свете луны, низко висящей над Карпатами, Конан предстал перед удивленными бритунийцами с ношей на руках. Поставив закутанную в плащ женщину на землю, он обвил ее загорелой рукой:

— Играй свою роль, черт побери, но молча! Их может насторожить твой выговор.

— Ниал-сердцеед, ты опять за свое! — развеселился один из стражников.

— Спокойно, ребята, — откликнулся Конан. — Я должен проводить девушку домой: ее родичи не свободны от предрассудков!

Рывком он притянул к себе Джамилю. Она принужденно захихикала и положила голову ему на плечо. Стражник отпустил сальную шуточку насчет недавнего времяпрепровождения парочки — и Конан почувствовал, как женщина застыла от негодования. Но дверца в воротах была уже открыта, и он немедля вывел свою спутницу из города и заторопился вниз, к подножию утеса.

* * *

Громовые удары в дверь разбудили хозяина гостиницы Бардейка. Он с неохотой вылез из постели и через окно выкрикнул проклятия, добавив:

— Любому олуху известно, что на ночь гостиница запирается!

— Да провались ты со своей гостиницей! — взревел Конан. — Сейчас же разбуди господина Парвеза, а не то я по бревнышку раскатую этот свинарник! Скажи ему, что прибыл знатный путешественник.

Вскоре позевывавший турецкий появился у порога, запахнутый в пестрый домашний халат.

— Вот она, — отрывисто бросил Конан. — Здорова, но очень слаба.

Парвез опустился на одно колено.

— Моя госпожа! — воскликнул он, и слеза блеснула у старика на щеке. — Входи, умоляю!

— Ты совершил чудо, молодой господин! — обратился он к Конану. —

Но могу ли я получить обратно свой перстень с печатью?

— Ах да, я и забыл про него, — отозвался Конан. Он снял кольцо и отдал его Парвезу.

— Еще вопрос: не видел ли ты моего прислужника Чагора?

— Нет. А что случилось?

— Парень исчез вместе с лошадью. Никто ничего не знает. Что ж, мы должны проститься: нельзя ждать, пока жрецы обнаружат пропажу пленницы. Бартейк, будь добр, разбуди мою охрану, надо выехать до рассвета.

— Позволь мне поблагодарить тебя, достопочтенный Ниал, — сказала Джамилия. — Если ты окажешься в Туране, проси у меня сколь угодно великой награды, и я буду страстно убеждать короля даровать ее тебе. Прощай! — И туринка скрылась за дверями гостиницы.

* * *

Проспав остаток ночи в своей каморке, Конан с утра ревностно принялся за работу; четыре жреца и два бритунийских стражника, зайдя в кузницу, застали его у наковальни. Жрец, в алом тюрбане и темно-голубом балахоне, перешагнул через порог, возвысил голос, дабы перекрыть удары молота:

— Это ты кузнец Ниал, верно? Из храма похищена знатная госпожа. Ты не видал ее?

— Что еще за госпожа? — проворчал Конан, внимательно разглядывая свое изделие. Ударив молотом еще несколько раз, он сунул железяку в печь и повернулся к вошедшим.

— Высокая, темноволосая, миловидная, чуть больше тридцати лет, — продолжал жрец.

— Я не знаю такой женщины, — покачал головой Конан.

— Далее, посол Парвез со своими туранцами сегодня ночью поспешил покинул гостиницу в Кшесроне. Что тебе известно об этом?

— Ничего не известно. Я был с ним знаком, мы иногда выпивали вместе.

— О чем вы разговаривали?

— Об оружии да о лошадях.

— К тому же, — злобно добавил жрец, — ночью одним ударом меча или топора был убит тигр нашего Верховного Жреца Феридуна. Кто бы мог еще это сделать, если не ты?

Конан пожал плечами:

— Почти все бритунийцы крепкие и сильные. Да вам, заморийцам, любой мужчина покажется горою мускулов. А что до меня, так я впервые слышу об этих новостях.

— Все варвары — лжецы! — с презрением воскликнул жрец. — Не беспокойся, мы докопаемся до истины, и тебе еще придется доказывать свою невиновность. — Он шагнул по направлению к Конану.

Киммериец вытащил раскаленную заготовку щипцами из печи и стоял держа перед собой кусок светящегося железа.

— Поосторожней у наковальни, дружище. Не подходи, а то бороду опалишь.

Жрец торопливо отскочил в сторону, а Конан положил болванку на наковальню и принял изо всей силы лупить молотом.

Жрец вышел за порог, присоединившись к своим спутникам. Лар, с широко раскрытыми глазами слушавший перепалку, воскликнул:

— Ах, господин Ниал, ты не повинуешься жрецам Заца! Они призовут божественное проклятие на твою голову, если ты будешь непочтителен!

— Как зовут того, что сейчас со мной разговаривал? — спросил у мальчика Конан.

— Святой отец Мирзес.

— Мне как будто знаком его голос, — размышлял Конан. — Это новый викарий? А ну-ка, паренек, поддай жару! На таком огне только воду кипятить.

Глава 11

ЗАПАХ ПАДАЛИ

Конан не встречался с Рудабе почти неделю, он видел ее только во время ритуального танца перед статуей Заца. Конан приходил в храм рано и выбирал место поближе, чтобы лучше видеть изваяние паука. В ясные дни солнце светило через отверстие в куполе, и Конан отчетливо различал четыре глаза на верхней части идола с расстояния в двадцать локтей.

Острые глаза варвара сумели различить тонкие кольца вокруг каждого глаза — по цвету чуть светлей, чем черный монолит статуи. Наверное, это были металлические либо цементные кольца, при помощи которых драгоценные опалы прикреплялись к камню. Чтобы забрать драгоценности, необходимо было снять эти кольца, причем сделать это очень бережно, не повредив сокровище. Конан, в бытность свою вором, имел дело с драгоценными камнями и потому знал, как хрупки опалы.

И однако страсть его к Рудабе не ослабевала, но мучила его все больше и больше. Как только Амитис сказала, что дочь должна прийти к ужину, Конан вышел в сад и взволнованно бродил там, поджиная девушку.

С одной стороны, думал Конан, жгучая страсть, будто стремительный вихрь, увлекает его за собой, побуждая бросить бродячую жизнь, полную приключений, жениться на Рудабе согласно заморийским законам и стать почтенным гражданином, который печется о своей разрастающейся семье, служит в городской страже, молится в храме и платит церковную десятину.

Но, с другой стороны, свободолюбивая, необузданная душа Конана с ужасом отшатывалась от этой картины, как от ядовитой змеи. Значит, надо было забыть девушку и бежать немедля — либо с похищенными драгоценностями, либо без них. Если Феридун нашлет на страну мор, и так и так придется бежать — вместе с девушкой или одному.

Рудабе вышла в сад, и Конан раскрыл ей свои объятия. Но она, покачав головой, сказала:

— Не мучь меня, Ниал. Я и вправду люблю тебя, но ты знаешь, на каких условиях я согласна стать твоей.

— Но, девочка моя, — начал было возражать Конан, однако Рудабе остановила его жестом:

— У меня есть новости... Ты знаешь, что исчезла госпожа Джамиля?

— Да, до меня дошли слухи.

— Верховный Жрец в ярости. Некоторые жрецы подозревают тебя.

— Меня? — тоном оскорбленной невинности переспросил Конан. — На что мне сдалась туранка?

— Им известно, что ты встречался в гостинице Бардейка с дипломатом, который исчез в ту же ночь. Тебя бы уже схватили, но Феридун утверждает, что улик недостаточно. Надо признать, старик верен своим принципам. И потом, — продолжала Рудабе, — если слухи правдивы, Верховный Жрец точно назначил день переворота. Джамилю держали как заложницу, чтобы обеспечить лояльность туранского короля. А теперь, когда женщина бежала, Верховный Жрец вынужден действовать незамедлительно, прежде чем король услышит о ее освобождении. Феридун приказал всем храмовым служителям быть в готовности через семь дней. Когда колокол забьет тревогу, мы должны разойтись по своим комнатам и запереться там.

Конан хмыкнул, обдумывая новость. Ему следовало бы спрятать подальше веревку, пока какой-нибудь жрец не разнюхал, что к чему.

Амитис позвала ужинать, и они вошли в дом. Потом Конан проводил Рудабе в храм и отправился в Кшесрон. Ему предстояло срочно разработать план набега, а размышлять он любил, сидя в одиночестве за кружкой вина.

— Здорово, Ниал! — приветствовал его зычный голос Катигерна, капитан дружески подтолкнул приятеля локтем. — Сыграем?

Бритуниец тряхнул игральными костями, зажатыми в кулаке.

— Спасибо, но не сейчас, — уклонился Конан. — Мне нужно побывать одному.

Катигерн пожал плечами и пошел искать другого компаньона. Конан вновь погрузился в раздумье. Опустошив еще несколько кружек, он вдруг услышал гортанный, чуть шепелявый голос. Рядом стоял Псамитек, стигиец.

— Достопочтенный Ниал, — произнес худощавый смуглокожий книжник. — С тобой желает поговорить вне таверны некий человек.

— Пусть войдет сюда, — буркнул Конан. — Здесь, на свету, он разглядит меня лучше.

Ученый слегка улыбнулся,

— Это женщина, — уточнил он. — Не пристало ей находиться в этой грязной забегаловке.

— Женщина? — хмыкнул Конан. — Какого демона...

Он встал, гадая, не Джамиля ли вдруг вернулась по какой-либо непредвиденной причине, но это было бы безумием.

У порога гостиницы, при свете ущербной луны, стояла Рудабе; пламя, горевшее в лампаде над дверью, бросало на нее свои отблески. У Конана

при взгляде на девушку перехватило дыхание: Рудабе вместо скромного уличного платья была одета в костюм храмовой танцовщицы, состоявший из переплетенных бус.

— Конан, милый! — взволнованно заговорила девушка. — Ты был прав, а не я. Пойдем, и я дам тебе все, что может дать женщина мужчине. Там, наверху, трава густая и мягкая.

Она повернулась и быстро пошла прочь, а Конан последовал за ней, как зачарованный. В душе его шевелилась догадка: что-то тут неладно, — но страсть пересилила здравый смысл. Кровь звенела у него в ушах.

Рудабе провела Конана мимо убогих хижин за деревню. Ее округлые бедра соблазнительно покачивались при каждом шаге. За Кшесроном поднимался ввысь крутой каменистый склон, и Конан спешил за девушкой в жажде достичь обещанной лужайки.

Наконец они добрались до площадки, и Рудабе повернулась лицом к Конану. Она протянула к нему руки — и вдруг исчезла. На ее месте стоял турانец Чагор, пропавший слуга Парвеза, — тот самый, которого Конан выкупал в лошадином пойле. Чагор держал массивный, дважды изогнутый гирканийский лук, и стрела лежала на натянутой тетиве.

— Ха! — воскликнул туранец. — Вот теперь гляди! — И он отпустил стрелу, причем тетива тенькнула, точь-в-точь как тогда, в ущелье, где Конан потерял коня. Но теперь, с такого малого расстояния, промахнуться было невозможно.

Однако, едва Чагор выпустил стрелу, увесистый камень вылетел из-за спины Конана и ударил туранца в грудь. Стрела просвистела мимо уха Конана.

Прежде чем Чагор успел достать из колчана другую стрелу, Конан с ревом разъяренного льва напал на противника. Туранец бросил лук и выхватил меч, отражая атаку киммерийца.

Сталь звенела и скрежетала, блистая в лунном свете. Позади Конан слышал шум борьбы, но оглянуться ему было некогда. Туранец оказался опытным бойцом, и Конан был поглощен поединком. Удар сплеча — отражающий удар — нападение справа — отражающий удар — обманный выпад — отражающий удар... Танцующие клинки сшибались, звенели, им вторил тяжелый топот сапог, затрудненное дыхание и ругань.

Бранился Чагор, ибо Конан дрался в мрачном молчании. Чагор задыхался.

— Я покажу тебе, пес... Я отдам твою голову жрецу Эрлика! То-то будет потеха...

Но вот Чагор недостаточно расторопно парировал удар. Клинок

Конана вонзился ему в предплечье. Завопив от ужаса, Чагор уронил саблю. Конан ловко, как кошка, подскочил к врагу и с силой, порожденной бешенством, описал лезвием горизонтальную дугу. Клинок прошел сквозь шею туранца, голова его, словно сброшенная дыня, отскочила в ближайшие кустарники. Туловище, извергая фонтан крови, черной при лунном свете, рухнуло на землю, будто срубленное дерево.

Позади Конана продолжали бороться. Киммериец обернулся и увидел катающихся по земле капитана Катигерна и стигийца Псамитеха.

Конан схватил стигийца за руку и выкрутил ее. Вдвоем с Катигерном они одолели книжника: Псамитех замер, с руками, заломленными за спиной, и острием кинжала, который Катигерн приставил к его горлу.

— Вовремя же ты поспел! — удивленно заметил Конан.

— Я увидел, ты идешь за этим пском, — объяснил Катигерн, — хотя сказал мне, что хочешь побить один. Как тут не заподозрить неладное? Я никогда не доверял этому стигийскому выродку. Потом гляжу, ты идешь за Чагором на холм, бормоча нежности, а Псамитех спешит за тобой по пятам, нашептывая заклинания. Ты был сам на себя не похож, Ниал, вот я и пустился следом. Когда туранец наставил на тебя стрелу, я швырнул в него камнем, чтобы он промахнулся, а сам напал на стигийца. Ты с ним поосторожней: он сильней, чем кажется. Укусил меня, мерзавец.

— А ну-ка, Псамитех, — потребовал Конан, — объясни нам, в чем дело. Если нас удовлетворит твое объяснение, возможно, мы сохраним тебе жизнь.

— Ты слышал, что говорил Чагор, — объявил Псамитех. — Он подслушал, как посол называет тебя «Конан», а мне было известно, сколько Тугрил обещает за голову Конана. Мы сговорились с Чагором, что он сбежит от Парвеза и поможет мне, а награду мы поделим пополам. И если бы ваши дуры головы были способны уловить смысл...

Ровный голос Псамитеха завораживал — и Катигерн, и Конан, слушая, поневоле ослабили хватку. Вдруг Псамитех, верткий, как угорь, выскользнул и вскочил на ноги. Конан прыгнул к нему и ударил с такой силой, что мог бы разрубить хрупкого стигийца пополам. Но клинок со свистом рассек воздух: стигиец исчез, как язычок потухшего пламени.

— Стой, назад! — взревел Конан, размахивая мечом направо и налево, с треском круша тернистые кустарники. В ответ послышался холодный, издевательский смех.

— У тебя свои приемы, варвар, — донесся шепелявый голос, — а у меня свои, как ты еще увидишь. Прощай, неотесанный болван!

Конан метнулся на голос, но клинок вновь распорол пустоту.

— Не трать силы попусту, Ниал, — вмешался Катигерн. — Парень мастерски насыпает морок и становится невидим. А почему тебя называли Конан и почему назначают цену за твою голову?

— Мы с тобой оба наемники — так надо ли ворошить прошлое?

— Верно, дружище, забудь мои слова... Давай-ка перетащим тело туранца в деревню. Придется снова писать рапорт жрецам.

— А почему бы не оставить его гиенам?

— Его дух будет тревожить нас.

— И в самом деле, — согласился Конан. Схватив труп за пятку, он потащил его вниз. — А ты неси голову, хотя следовало бы отослать ее Тугрилу. И спасибо, что спас мне жизнь.

* * *

С наступлением праздника Всех Богов храм Заца гудел от оживления. Рудабе была полностью поглощена своими обязанностями, и потому Конан с ней больше не встречался. Гостиница Бартеяка была переполнена: жрецы со всех концов Заморы съехались в Йезуд, и тем, кто прибыл поздней, приходилось ночевать в лачугах селян либо разбивать шатры в окрестных полях.

Празднество началось три дня спустя после гибели Чагора. Посланцы богатых и более мелких святынищ различных заморийских божеств торжественно шествовали по широким ступеням храма. Бритунийцы Катигерна, в начищенных кольчугах, сияющих на солнце, стояли в два ряда по краям ступеней. И пока жрец, в блистающих драгоценностями балахоне и головном уборе, медленно всходил наверх, они торжественно поднимали свои алебарды, а потом опускали их с громовым стуком. Насколько было известно Конану, жрецы различных культов находились друг с другом в непримиримой вражде и вечно затевали погибельные козни. Но сегодня каждый жрец, лучезарно улыбаясь, милостиво приветствовал сборище жрецов Заца.

Конан смотрел на процессию жрецов, стоя в отдаленном углу предхрамовой площади. Когда последний жрец-посланник вошел в храм и жители Йезуда, а с ними набожные паломники устремились в храм, чтобы почтить богов заморийского пантеона, Конан присоединился к толпе. В притворе ему пришла мысль улизнуть, чтобы вновь попытаться исследовать коридоры, но бритунийцы стояли на страже у каждого выхода. И потому Конан решил вытерпеть весь бесконечно длинный ритуал.

Он занял место подальше от возвышения и отстоял всю трехчасовую церемонию, на протяжении которой жрецы каждого божества по очереди восславляли своих чудесных покровителей и умоляли их даровать всяческие милости. Конан не прислушивался к смыслу речей, но любовался блеском усыпанных драгоценностями жреческих регалий. Если бы ему удалось снять хоть с одного жреца балахон и тюрбан, нашитые на них драгоценные камни обеспечили бы жизнь киммерийца до конца дней, хотя стоили они несравненно меньше, чем любой глаз Заца.

* * *

Через два дня, когда праздник Всех Богов подошел к концу, потоки дождя обрушились на Йезуд, хлеща мощеные улицы города. Приезжие жрецы, закутавшись в пышные накидки, чтобы не промокнуть, церемонно рас прощались с Феридуном и новым викарием на ступенях храма и отправились в путь — кто в повозках и портшезах, кто верхом на лошади, мule или на верблюде.

Ночью, когда дождь продолжал лить, огромный человек в черном плаще и мокасинах неслышно, как тень, пробрался к храму. Оказавшись у крайнего южного, с восточной стороны, крыла, Конан достал серебряную стрелку Парвеза. Прикоснувшись острием стрелки к замку, киммериец пробормотал:

— Капинин ачилир гениши!

Сквозь шум дождя послышался слабый ржавый скрежет, как если бы кто-то повернул ключ в давно не открывавшейся двери. Конан толкнул ее, но она не поддалась.

Конан в ярости подналег на дверь, надавив на нее своим мощным плечом. Но и это не помогло. Тогда он сделал передышку, чтобы подумать.

Наверное, жрецы, не полагаясь на единственный замок, заперли дверь изнутри на засов, наподобие того засова с внешней стороны западной двери, в которую вошли овцы. Поднимая Ключ Гацрика то повыше, то пониже, Конан повторял: «*Капинин ачилир гениши*». Наконец он услышал, как лязгнул, откидываясь, засов по ту сторону двери. Конан опять толкнул дверь — и она открылась.

В храме было темно, только на расстоянии в тридцать локтей, где к притвору примыкал главный кольцевой коридор, смутно виднелся четырехугольник света. Конан прислушался: кругом было тихо, как в стигийской гробнице. Все, от Верховного Жреца до рабов, спали —

должно быть, утомившись после трех дней праздничных хлопот.

Конан прокрался в глубь притвора, озираясь, нет ли поблизости бритунийских стражников. Осторожно он обогнул угол, но бритунийцев нигде не было видно. Как он и надеялся, стражники, не желая нести тоскливоое ночное дежурство в одиночестве, собирались где-то вместе — возможно, в вестибюле, — чтобы поиграть в кости или поболтать, отдохнув от дневных обязанностей.

Коридор, в котором оказался Конан, был освещен единственной лампой, державшейся в настенном кольце. Конан повернулся направо и, продолжая свой путь, подошел к левой двери. Если он верно оценил пространственные соотношения, это, должно быть, один из боковых входов в святилище.

Вновь он приложил Ключ Гацрика к двери и прошептал заклинание — замок, по-видимому хорошо смазанный, отперся с легким щелчком. Но, открыв дверь, Конан отпрянул назад. Вместо святилища перед ним была узкая спальня с двумя кроватями, на которых спали служки, один из них хранил. Конан тихо прикрыл дверь и скользнул прочь.

Следующая дверь была той, что он искал. Конан юркнул в святилище, ярко залитое неровным оранжевым светом неугасимого огня. Конан поспешил на противоположный край, к черной каменной статуе Заца.

И вновь он был потрясен детальной проработкой изваяния. Статуя была точной копией огромного паука, помимо разве что волосков на лапах, которые скульптор, не имея возможности воссоздать в камне, обозначил перекрецивающейся штриховкой.

Конан скинулся с себя накидку. Он был в рабочем переднике, с карманами и петлями для прихваченных инструментов. Вытащив кузнецкий молот, Конан с затаенным дыханием осторожно ударил по паучьей ноге. Звук был точь-в-точь как при ударе по камню, никаких признаков жизни статуя не подавала.

Конан встал поближе, прямо перед статуей. Четыре передних глаза светились а мерцающим блеске неугасимого пламени; в зеленовато-тайинственной глубине каждого из них плясала шестиконечная алая искорка.

Конан понял, что для работы ему понадобится более яркое освещение, чем горящая нефть. Из-под передника он вынул колышек, в локоть длиной, конец которого был обмотан промасленным тряпьем. Подойдя к светящейся чаше, в которой пыпал неугасимый огонь, он поднес конец своего факела к пляшущему пламени и подождал, пока тот не загорится.

Вернувшись к статуе, Конан укрепил свой факел в щели меж двумя из

восьми ног Заца так, чтобы пляшущий желтый свет падал на него с нужной стороны. Наклонившись, Конан ощупал пальцами гладкие сферические выпуклости глаз и кольца, благодаря которым они держались на камне. Опалы были примерно с кулачок ребенка. Кольца были сделаны из свинца. Это облегчает задачу, подумал Конан.

Из кармана передника он достал пригоршню сверел и стамесок. Среди них было плоское, заостренное к концу долото. Поместив конец его в щель между свинцовым кольцом и камнем, Конан принял аккуратно постукивать молотом. Раз, еще раз — долото продвинулось под кольцом, еще несколько ударов, и кольцо можно будет снять.

Вдруг за стенами святилища послышался шум. Кто-то разговаривал, слышались шаги, открывались и закрывались двери. Конан различил бряканье бритунийских доспехов. Что именно, черт побери, подняло обитателей храма на ноги в этот поздний час?

В скважине двери, через которую Конан недавно вошел, загремел ключ. Прежде чем он успел спрятаться, дверь распахнулась. Отложив инструменты, Конан, беззвучно выругавшись, обернулся. Увидев в дверях Рудабе, он буркнул:

— Как ты сюда попала, девочка?

Танцовщица, на миг застыв с широко распахнутыми ресницами, спросила:

— Что ты здесь делаешь, Ниал?

Конан с напускной безмятежностью отвечал:

— Жрецы велели мне приладить кольцо к сундуку для приношений.

— В такой поздний час? Который из жрецов? — взволнованно спросила девушка.

— Не помню, — пожал плечами Конан.

— Я тебе не верю.

— Но почему же, скажи на милость? — поинтересовался Конан с видом оскорбленной невинности.

— Потому что подобные приказы исходят лишь от меня, распорядительницы собственностью. Ты пробрался сюда, чтобы украсть. Это святотатство.

— Но, Рудабе, дорогая, тебе ли не знать, какие лгуны и развратники эти жрецы...

— Однако Зац остается богом, каковы бы ни были его... Ниал, милый! Зачем бы ты ни пришел, сейчас же уходи! Только что к нам прибыли жрецы Аренджуна. Их задержали ливни, размывшие дороги, и потому они опоздали на празднество Всех Богов. Сейчас господин Феридун водит их

по храму, и вот-вот они явятся сюда. Новый викарий, Мирзес, послал меня взглянуть, достаточно ли топлива в чаше с неугасимым огнем.

Словно в подтверждение ее слов, за огромной бронзовой дверью святилища послышались шаги и голоса множества людей.

— Беги! — воскликнула Рудабе. — Или ты пропал!

— Иду-иду, — проворчал Конан.

Но вместо того чтобы направиться к двери, через которую он вошел, Конан, схватив факел и инструменты, ринулся в левый дальний угол святилища, где из стены выступала труба для подачи нефти. Прямо под ней находилась широкая крышка люка.

Когда он наклонился и отодвинул засов, Рудабе вскрикнула от ужаса:

— Что ты делаешь?

— Собираюсь спуститься вниз, — буркнул Конан, берясь за кольцо и открывая люк. Из разверстого черного отверстия сильно пахнуло гнильем.

— Не хода туда! — заклинала его Рудабе. — Ты сам не знаешь, что ты... о боги, жрецы идут!

Рукоять огромной бронзовой двери повернулась — и двери со скрипом начали отворяться, голоса зазвучали громче. Рудабе метнулась из святилища, хлопнув дверью, а Конан, озираясь, как затравленное животное, ступил на лестницу, ведущую во тьму подземелья. Закрыв над собой крышку люка, он остался во мраке, который рассеивало только колеблющееся оранжевое пламя его небольшого факела.

Массивные бронзовые двери отворились настежь, и голоса зазвучали над мраморным полом и сквозь тонкие доски люка. Конану был слышен звучный, как колокол, голос Верховного Жреца Феридуна. Однако слов разобрать было нельзя. Но разговор тек спокойно, бессодержательный и елейный; значит, жрецы не заметили ничего особенного.

Конан осторожно сошел вниз по каменным ступеням, вглядываясь во тьму, насколько позволял свет его факела. Он находился в просторном коридоре, много выше его самого и шире, чем раскинутые в стороны руки. Потрескивание пламени, едва различимое даже для острого слуха варвара, отчетливо раздавалось в могильной тишине. Запах падали ударял в нос. Медленно продвигаясь по каменному полу подземелья, Конан споткнулся о какой-то массивный предмет неправильных очертаний. Предмет этот оказался черепом быка с лоскутьями гниющей плоти на нем. Конан пнул ногой отвратительный кусок падали и двинулся дальше, перешагивая через различные части остова — ноги, ребра и прочие кости. Хотя киммерийцу было не привыкать к запаху трупов и падали, поскользнувшись на склизких, гниющих кишках, он едва удержался от приступа рвоты и чуть

было не пустился бежать с возгласами ужаса.

Дойдя до перекрестка, Конан свернул налево и несколько шагов прошел по коридору, который резко поднимался наверх. Он все еще находится под храмом, размышлял Конан. В конце коридора, наверное, будет дверь, через которую ввели стадо овец.

Вернувшись к перекрестку, Конан продолжил свой путь вниз и вперед. Какое-то время он шел, натыкаясь на останки расчлененных животных. Когда коридор стал извилистым, расходясь на множество боковых ответвлений, Конан, испугавшись, что заблудится в этом лабиринте, вновь вернулся к первому перекрестку.

На этот раз он попробовал свернуть направо. Коридор тянулся и тянулся на расстояние полета стрелы, а потом тоже разошелся на множество ветвей, как и основной, ведущий вниз ствол.

Конан стал беспокоиться, не погас бы факел. Медлить было нельзя, потому что остаться без света во тьме лабиринта значило погибнуть. Под передником у него был запасной факел; если первый погаснет прежде, чем он успеет зажечь второй, ему долго придется возиться в потемках с огнivом, но, с другой стороны, если он зажжет запасной факел слишком рано, он догорит скорее, чем требуется.

Конан шел осторожно, простирая тлеющий конец факела к зияющим в стенах проходам и вглядываясь в них, насколько позволял слабый свет. Под ноги ему по-прежнему попадались кости и гниющие комки плоти. Вскоре помимо запаха падали он уловил другой острый запах — запах живого существа, но какого — он не мог понять. Это не зверь и не рептилия, не растение и не корм из знакомых ему. Запах совершенно особый — острый, но не отталкивающий.

Конан двигался крадучись, прислушиваясь и вглядываясь во тьму. Вдруг до него донесся негромкий перестук, как если бы кто-то ударял рогом о камень. Он не был уверен, что и в самом деле слышит стук; возможно, ему мерещится это от ужаса.

На один только безумный миг Конан вообразил, что статуя Заца и в самом деле ожила и, спустившись из святилища, преследует его теперь в подземелье. Но разум твердил Конану, что ониксовый бог-паук по-прежнему высится на своем пьедестале. Если бы статуя действительно ожила, когда Верховный Жрец показывал гостям святилище, Конан наверняка услышал бы крики и беготню там, наверху.

И все же некая тварь гигантских размеров пожрала всех этих животных, чьи останки разбросаны по полу коридоров. Внезапно Конан, который ничего не боялся ни на земле, по которой ходил, ни на воде, ни в

небе, почувствовал, что трепещет от ужаса при одной только мысли о неведомом звере.

Он свернулся в один из боковых коридоров, высоко держа факел, но не обнаружил там ничего, кроме призрачно белеющих костей козла или овцы. Вернувшись назад, он исследовал другую боковую ветвь — она заканчивалась тупиком.

Однако теперь Конан был уверен, что постукивание не было плодом его воображения. Затухающие звуки, казалось, теперь были ближе, но было непонятно, откуда они исходят. С ужасом прикинув, что его, возможно, загонят в угол в этом тупике, Конан вернулся в главный коридор.

Мгновение Конан стоял недвижно, водя факелом над головой и пытаясь определить, откуда слышится загадочное постукивание. Наконец он уловил, что звуки доносятся оттуда, с того конца коридора, — и, несомненно, приближаются.

У Конана мороз пробежал по коже, когда постукивание усилилось, хотя он и не знал, кто его производит. Во тьме, куда не досягал свет его факела, что-то зашевелилось. И наконец пламя выхватило четыре ослепительных пятна примерно на уровне груди Конана.

Ослепительные пятна приближались, напоминая драгоценный узор на доспехах какого-нибудь вооруженного короля. Но это был не человек. За сверкающими пятнами колыхалась неопределенная очертаний туша. Конан, тщетно силясь рассмотреть чудовище получше, вытащил кузнецкий молот. Меч, который мог насторожить не в меру любопытных стражей, киммериец оставил дома. Яркие пятна застыли где-то на границе между тьмой и светом факела. Постукивание прекратилось и потом возобновилось. Блестящие пятна приблизились, и за ними Конан рассмотрел кошмарное, покрытое волосками туловище, покачивающееся на множестве ног.

Конан повернулся и ринулся прочь, пламя факела ярко разгоралось на бегу. За собой киммериец слышал перестук огромных когтистых лап, который раздавался все ближе и ближе. Конан сам не заметил, как пробежал перекресток — первый, на который вышел после спуска в подземелье. В мыслях у него мелькнуло вернуться к люку, распахнуть его и, если жрецы еще в святилище, сразиться с ними открыто. Но потом он решил, что лучше свернуть направо, в спускающийся вниз туннель, который, возможно, выведет его наверх, за пределы обнесенного стеной Йезуда.

Конан бросился назад. Но было слишком поздно: четыре светящихся глаза, отражая шафрановый свет факела, появились на перекрестке — путь

был отрезан. Конан был загнан в этот конец коридора.

Конан ринулся по коридору, ведущему наверх. Коридор заканчивался массивной дверью, через которую, несомненно, ввели при нем стадо овец. Дрожа от недоброго предчувствия, он опустил молот, достал Ключ Гацрика и поднес его к замку. Проговорив заклинание и услышав звяканье замка, он надавил на дверную ручку, но дверь не поддалась. Конан вспомнил, что дверь закрыта на засов с внешней стороны.

Следуя прежнему опыту, Конан поднял стрелку на высоту, где, по его предположениям, находился засов, и громко повторил:

— *Калинин ачилир гениши!*

Когда и это не действовало, он выкрикнул заклинание во всю мощь своих легких.

Но засов остался недвижим, зато Конан почувствовал, как серебряная стрелка раскаляется у него в руках. Держать ее стало невозможно, и он выронил ее. Стрелка вспыхнула, потом засветилась алым. На полу она растаяла и превратилась в лужицу, которая быстро остыла и затвердела. Конан вспомнил, что Ключ Гацрика способен открыть дверь, если засов не слишком тяжел. Он переоценил возможности талисмана и без остатка израсходовал его волшебную силу. Что ж, поделом ему за обращение к магической силе.

Конан схватил молот и обрушил на дверь яростный удар. Дверь загудела, но не отворилась. Конан увидел вмятину в железе: насквозь пробить дверь ему не удалось. Дерево было слишком прочным, и понадобилось бы не менее часа работы с молотом и долотом, чтобы проломить дверь.

Конан, обезумев от отчаяния, вновь ударил по двери молотом, однако, услышав постукивание за спиной, обернулся. Над ним стоял огромный паук — живая копия статуи в храме, за исключением жестких, в палец длиной, волосков, покрывавших паучьи лапы. Четыре огромных глаза отражали пляшущее пламя факела.

Пониже глаз пары волосатых членистых усов протягивалась вперед наподобие рук. Когда один из усов дотянулся до Конана, он ударил по нему молотом. Послышался треск переломленной роговой оболочки — паук отступил на шаг и подогнул поврежденный ус под покрытое волосами туловище.

Затем чудовище перешло в наступление. Стоя на шести задних лапах, паук протянул к Конану две передние вместе с неповрежденным усом, намереваясь схватить свою жертву. Конан почувствовал себя мухой в паутине, ожидающей неизбежной гибели.

Чуть ниже щупалец у паука были видны зубы — два блестящих, остроконечных, наподобие бычьих рогов, изогнутых вовне, а потом вовнутрь, со сближающимися остриями. Паук тянулся клыками к Конану, чтобы пронзить его с боков; из отверстий капал зеленоватый яд. Членистые челюсти паука возбужденно двигались вверх-вниз.

На мгновение противники застыли друг против друга. Конан, с поднятым молотом, готовый нанести последний сокрушительный удар и погибнуть, и паук, с протянутыми вперед чудовищными усиками, стремящийся стиснуть человека в последнем объятии.

Вдруг из-за спины Заца Конан услышал полный ужаса голос Рудабе:
— Ниал! Мильй! Я...

Заслышиав этот страдальческий выкрик, паук отступил от Конана. Он развернулся — в свете факела блеснул один из его боковых глаз. Шаркнув по стене животом, так как коридор был узок, паук заспешил на голос. Девушка испуганно вскрикнула — и в наступившей тишине стало слышно, как, затихая вдали, постукивают по полу когтистые лапы. Еще мгновение — и факел Конана погас.

С воплем ярости Конан ринулся за пауком в полной тьме, но он потерял дорогу и ударился о каменную стену. Вскочив на ноги, он вытащил второй факел из-за пояса. Киммериец изрыгал проклятия, словно безумный. Конец старого факела светился темно-красным, как остьывающая под пеплом лава.

Соединив концы, Конан яростно дул на них, пока не запыпал второй факел. Бросив на пол старый, Конан побежал вниз по склону, преследуя Заца.

На главном перекрестке он задержался, заметив, что на полу простерто нечто, никак не похожее на останки быка или овцы. С ужасом догадываясь, что он сейчас обнаружит, Конан приблизился к телу Рудабе. Девушка, казалось, спала; встав на колени, он приложил ухо к ее груди — сердце не билось.

Прислонив факел к стене, Конан принял ощупывать и осматривать тело. На Рудабе было полупрозрачное легкое одеяние, в каком танцовщицы пели при окончании службы. Сняв его, Конан перевернул красивое тело девушки. На плече и на середине спины он увидел пунктиры ранок, окруженных черными пятнами: воздействие яда.

— Рудабе! — позвал он. — Скажи хоть слово!

Он растирал ей руки, размеренно надавливал на ребра, надеясь, что она начнет дышать. Но ничего не помогало.

Горячие слезы скользнули по его грубому лицу — впервые за много

лет. Он сердито вытер их, но они бежали неудержимо. Те, кто знал Конана как свирепого, безжалостного воителя, были бы удивлены при виде того, как он плачет в этом склепе, забыв, что ему угрожает опасность.

Девушка, должно быть, осмелилась спуститься в это вонючее подземелье, после того как жрецы ушли, чтобы предупредить его об опасности. Никто еще не отдавал свою жизнь, желая спасти его, Конана. Осознание жертвы, принесенной Рудабе, наполнило его душу сожалением, стыдом и ненавистью к себе.

* * *

Вдруг в нем вскипела ярость, и, схватив факел и кузнечный молот, Конан огляделся. Паук, наверное, выронил свою жертву, испугавшись яркого света пламени, и уполз туда, где сидел прежде.

С бешеным воплем Конан устремился в дальний конец коридора, ища там Заца; пламя факела ярко пылало. Он пробежал около четверти лиги, крича:

— Зац! Выходи биться!

Но паук не показывался. Наверное, испуганный светом пламени, он спрятался в один из боковых коридоров. Однако, для того чтобы найти его там, надо было потратить много дней.

Конан вернулся на главный перекресток. Рудабе, уже остывшая, лежала все там же. Конан подумал, что ему нельзя оставить ее здесь, в этом зловонном подвале, на съедение Зацу: среди варваров считалось обязательным хоронить тела своих дальних и близких родственников.

Дух непогребенного родича, как учили Конана в детстве, станет являться ему. В чужих землях у киммерийца не было ни друзей, ни родных. Поэтому Конан не заботился о мертвцах, которых за последние годы ему пришлось навидаться вдоволь. Однако Рудабе была единственной, кто его действительно любил и кого он любил тоже, с тех пор как покинул родину; бросать ее тело на произвол судьбы нельзя. Надо было вынести ее из подземелья и похоронить в безлюдном месте: выкопать могилу, если придется, руками и положить ее там. На могилу навалить больших камней, чтобы волки или гиены не тронули тело, и, посадив какой-нибудь дикий цветок, уйти своей дорогой.

Конан поднял мертвую девушку и, взвалив ее на плечо, побрел к выходу под святилищем. Он был уверен, что в такой поздний час там уже никого нет. Положив Рудабе возле лестницы, он поднялся по ступеням и

прислушался.

С удивлением он услышал, что наверху еще разговаривают. Он узнал зычный голос Верховного Жреца, высокий голос Мирзеса, голос третьего жреца был ему незнаком.

— Зац да проклянет твои глаза, Дариус! — грозно рычал Феридун. — Ты обещал, что в течение трех дней празднества сохранится хорошая погода, — и что же, наши гости мокнут под проливным дождем! Где же твое умение заклинать духов воздуха, коим ты похвалялся? Если тебе не справиться, мы поручим изучать магию погоды другому жрецу!

Дариус невнятно оправдывался, его перебил Мирзес, новый викарий:

— Я подозреваю, ваше святейшество, что Дариус нарочно так поступил, чтобы умалить наше влияние и укрепить свое.

— Вовсе нет! — запротестовал Дариус. — Я и не думал, что...

Все трое заговорили одновременно, и нельзя было разобрать слов.

Конан подумал, не подняться ли ему в святилище и, оставив на сундуке тело Рудабе, снять долотом глаза Заца и бежать. Но это невозможно было осуществить, пока там находятся люди. Дикая мысль пришла ему в голову: появиться неожиданно перед жрецами с телом Рудабе на руках. Но у Конана не было с собой меча, а жрецам стоило лишь крикнуть, и тут же прибежала бы бритунийская стража.

Конан немедля отбросил этот самоубийственный замысел. Если жрецы поймут, что Рудабе действовала заодно с Конаном, — а они быстро это раскусят, — навряд ли они похоронят девушку с подобающими почестями. И он не смог бы сражаться с бритунийцами, имея при себе хрупкие драгоценные опалы. Значит, надо было похоронить девушку самому, а потом вернуться за опалами, когда в святилище никого не будет.

Тяжело вздохнув, Конан спустился вниз, поднял мертвое тело и пошел вперед. Миновав перекресток, он продолжил свой путь по главному коридору. Когда начались разветвления, он выбрал из них самое широкое.

Глава 12

ДЕТИ ЗАЦА

Вдруг коридор расширился, и Конан оказался у входа в просторную пещеру, где сталактиты нависали над тянувшимися к ним сталагмитами. Несколько ступенек вели вниз, на дно пещеры, которая хорошо просматривалась вся, вплоть до дальней стены. Свет факела был слишком слаб, чтобы осветить пространство, но с противоположной стены зияло отверстие, служившее выходом наверх. Сквозь отверстие было видно темное ночное небо с мерцающими на нем звездами. По-видимому, дождевые облака, висевшие над городом накануне, рассеялись.

В дальнем конце пещеры, под самым проемом, поблескивало обширное пятно: взглянувшись, Конан различил круглый водоем, в котором отражалось звездное небо. Водоем этот преграждал путь к выходу. Острый запах, который киммериец ощущал перед столкновением с Зацем, наполнял пещеру, едва ли не вызывая тошноту.

На полу пещеры там и сям, меж сталагмитов, при оранжевом колеблющемся свете факелов можно было различить выпуклые предметы, похожие на огромные серо-коричневые грибы. Когда Конан стал спускаться, намереваясь пробиться к выходу, ему показалось, что они слабо шевелятся. Подойдя поближе, киммериец заметил, что один из предполагаемых грибов оживает. Он выпростал длинные членистые лапки, поднялся на них над полом и уставился на Конана четырьмя светящимися глазами.

Паук был уменьшенной копией Заца, примерно вдвое, меньше по размерам в сравнении с богом-пауком. И все же он был значительно крупней, чем тот паук, с которым Конану довелось сражаться в Слоновой Башне несколько лет назад. Подобное чудовище легко могло убить Конана, а в пещере их были сотни.

Паук, проснувшийся первым, надвигался на Конана, а на полу пещеры повсюду оживали и поднимались на когтистые лапы другие гигантские пауки. Заметив Конана, они ползли к нему, постукивая жесткими коготками. Куда ни взгляни, всюду светились, отражая пламя факела, четверки паучьих глаз.

Конан повернулся и бросился бежать по коридору, слыша, как пауки толпой преследуют его, будто многоногий поток. Конан побежал еще быстрей. Шум погони стих: по-видимому, от преследователей удалось

оторваться. Но с тяжелой ношей на плече далеко не убежишь... Постукивание сотен когтистых лап нарастало. Вот это и есть те самые дети Заца, о которых говорил Верховный Жрец, подумал Конан.

Стены коридора тянулись бесконечно. Конан был уверен, что, если бы не мертвое тело, он давно ушел бы от пауков: тяжелая ноша замедляла бег. Но бросить мертвую девушку он не мог. Конан чувствовал себя как в ночном кошмаре, когда бежишь и бежишь во тьме, а неведомая опасность настигает тебя неотвратимо. Он опасался, что выберет неверный поворот и заблудится в лабиринте коридоров.

Уже в отчаянии, он достиг наконец главного перекрестка. Никуда не сворачивая, Конан оказался у лестницы, ведущей к люку.

Поднявшись по ступеням, Конан прислушался. Наверху было тихо — ни разговоров, ни шарканья, ни других признаков человеческого присутствия. Наверное, проклятые жрецы отправились спать. В предутренние часы в храме все спят, кроме бритуйских стражников. Конан не знал, как ему удастся выскользнуть из храма незамеченным, неся тело Рудабе, но постукиванье когтей пауков слышалось все ближе, и раздумывать было некогда.

Кулаком, в котором он сжимал факел, Конан ткнул в крышку люка. Но квадратная панель не шелохнулась. Конан, беззвучно чертыхаясь, решил, что кто-то обратил внимание на отодвинутый засов и вернул его в прежнее положение.

Когти детей Заца стучали все громче, и засов не представлялся Конану преградой. Если хороший толчок не поможет, придется действовать молотом, хотя лучше обойтись без этого во избежание липшего шума.

Конан сошел по ступенькам вниз и положил мертвую Рудабе на пол. Горящий факел он прислонил к стене. Вновь поднявшись по ступеням, он приложил к крышке обе ладони и сильно надавил на нее.

Поначалу крышка не поддалась, как если бы сверху мешала тяжесть. И вдруг сопротивление прекратилось: послышался крик, грохот падающего тела, и люк открылся.

Едва Конан показался над полом, струя масла брызнула в него, испачкав одежду. При колеблющемся свете неугасимого пламени Конан увидел викария Мирзеса, который пытался встать на ноги. Рядом с ним лежал кувшин, из него на мраморный пол выливалось, растекаясь лужицей, масло.

Конан тут же все понял. Не дождавшись Рудабе, Мирзес отправился ее искать. Но девушки нигде не было, и ему самому пришлось наливать масло в резервуар. Он стоял на крышке люка, наполняя нефтью свой кувшин,

когда Конан рывком поднял крышку и повалил его наземь.

Мирзес, пытаясь встать, воскликнул:

— Кто?.. Почему?.. Пиал! — Вновь поскользнувшись, он упал.

Конан шагнул к Мирзесу, и тоже чуть не поскользнулся. Пошатнувшись, он все же устоял на ногах.

— Помогите! — захрипел Мирзес. — Стража!

Поскальзываясь и выпрямляясь, Конан успел добраться до Мирзеса прежде, чем тот поднялся. Едва викарий открыл рот, чтобы опять позвать стражу, Конан ударил его кулаком в челюсть. Викарий рухнул без сознания на мозаичный пол.

Склонившись над своей жертвой, Конан хотел было уже прикончить викария, проломить ему череп тяжелым молотом, но, уже замахнувшись, вдруг отказался от своего кровавого намерения. Убить человека спящего или лишенного чувств не соответствовало его понятиям о чести. Лучше изрезать тюрбан на куски и сделать кляп.

Однако Конан оставил Мирзеса лежать на месте: надо поскорее забрать свой факел и тело Рудабе, пока дети Заца не хлынули в святилище. Конан шагнул к двери, сообразив, что кран все еще открыт и поток нефти продолжает течь в подземелье. Надо срочно перекрыть его, опустить на люке засовы и потом уже вернуться к Мирзесу.

Затем, думал Конан, он займется драгоценными камнями. Покончив с ними, он побежит к дверям, станет кричать и звать на помощь. Когда бритунийцы откроют дверь, он с криком «Разбой! Убийство! На помощь викарию!» проскочит мимо стражников, которые бросятся в святилище, и выбежит из храма.

Конан уже шагнул к люку, как вдруг оттуда вырвался огромный столб пламени, сопровождаемый густыми клубами дыма. Видимо, струя масла соприкоснулась с горячим факелом Конана. Киммериец попытался сойти вниз, но пламя колыхнулось ему навстречу, опалив волосы и брови; Конан выскоцил, хлопками пытаясь потушить загоревшуюся одежду.

Поняв, что уже ничего не сможет сделать для Рудабе, Конан подскочил к статуе и вытащил инструменты, пытаясь отделить хотя бы один глаз Заца, прежде чем пожар распространится по храму. Дым вырывался наружу, становясь все гуще и гуще. Конан начал кашлять, из-за дыма он едва видел и саму статую, и украшавшие ее драгоценные камни.

Но он упрямо продолжал свою работу. Ударив молотом по долоту, Конан с удовлетворением почувствовал, как оно вошло под свинцовое кольцо. И все же едкий дым вызвал у него приступ кашля — пришлось схватиться, скривившись, за ближайшую ногу статуи.

Вдруг свет в святилище вспыхнул ярче, сквозь волнующуюся стену дыма Конан увидел, что занавеска позади статуи занялась огнем. Раздались крики:

— Пожар! Пожар!

Дым продолжал валить. Конан поглядел в сторону люка — и содрогнулся. Огромный серо-коричневый паук выбирался из прямоугольного отверстия. Его массивная туша шаркала о края люка, пока он проталкивался наверх; казалось, некий демон восстает из пылающего ада. Наконец-то Зац покинул служившее ему тюрьмой подземелье.

Зац повернулся на своих членистых длинных лапах и увидел Конана. Побросав инструменты, киммериец кинулся прочь. Волочащееся чудище настигало его. Схватившись за бронзовые двери, киммериец попытался открыть их, но они были заперты. Оглянувшись, он увидел, что паук ползет за ним.

Ключ щелкнул в замке, и дверь отворилась. Конан предстал перед изумленными бритунийцами, один из них держал в руке большой тяжелый ключ. За наемниками толпились жрецы и служители. Дым, просочившись сквозь щели дверей, встревожил обитателей храма.

Конан, кашляя, выскочил из святилища. В притворе была сумятица: жрецы Заца, жрецы Аренджуна, служители, танцовщицы, наемные солдаты и рабы бегали туда-сюда. Жрецы выкрикивали различные распоряжения.

Окутанный дымом, Зац показался в дверном проеме. Заметив его, все кинулись к выходу. Несколько человек застряли в проходе, стараясь выскочить одновременно.

Конан, с бешеными усилиями пробившись к выходу, вцепился в дверные ручки, повернул и мощным толчком растворил главную дверь. Люди, толпившиеся возле, повалили наружу, толкая друг друга. Конан увидел, как двое служителей выводят из храма бывшего викария. Харпагус с младенческим изумлением озирался по сторонам.

Конан сбежал вниз, прыгая через ступеньку. На полути он мельком оглянулся. Густой дым валил из открытых дверей. Небо над головой было ясным, усеянным звездами, полумесяц стоял высоко на востоке.

В проеме дверей показались двое. Один — гигантский паук, с опаленными длинными волосками и все же целехонький; другой — почти рядом с чудовищем — худой горбоносый Верховный Жрец Феридун, в белом балахоне и черном тюрбане. Жрец делал магические пассы и произносил нараспев какое-то заклинание.

Паук, который уже приподнял передние лапы, чтобы схватить Феридуна, замер на месте. Жрец продолжал петь — громко, едва ли не

переходя на крик, жестикулируя так неистово, что его белая борода сотрясалась в темном задымленном воздухе. Две гротескные фигуры выделялись темными силуэтами на фоне бушующего позади них пламени. Паук на один шаг отступил к святилищу, потом еще на шаг. Феридун, благодаря своей прославленной способности управлять животными, мог бы заставить чудовище броситься в огонь.

Но вдруг Феридун, глотнув дыма, закашлялся. Тут же паук, не сдерживаемый более властью хозяйского голоса, ринулся на Феридуна. Жрец испустил вопль, барахтаясь в обхвативших его членистых лапах.

Дородный воин в доспехах взбежал мимо Конана по ступеням, размахивая мечом. По рыжим развевающимся волосам Конан узнал капитана Катигерна. Подскочив к пауку, бритуниец ударил его мечом, из раны потекла черная жидкость. Зац, который вышел теперь из дверного проема и громоздился на верхней ступени, уронил тело жреца и повернулся к новому противнику. Он протянул свои щупальца к Катигерну, капитан отскочил, отчаянно размахивая мечом. Паук наступал, и разделял их только клинок.

— Держись, Катигерн! — прокашлявшись, крикнул Конан.

На ступенях он заметил алебарду, которая принадлежала одному из стражников. Бритуниец выронил ее на бегу. Прыгая по ступенькам, Конан подхватил алебарду. Подскочив к Зацу сбоку, он взмахнул алебардой и опустил ее на грудь чудовища.

Лезвие алебарды вонзилось в складчатую плоть паука. Удар был такой силы, что рукоять алебарды переломилась на середине. Зац, тяжело переступая, повернулся к Конану. Забежав с другой стороны, Катигерн вонзил свой меч глубоко в ногу паука и перерубил ее.

Зац стал поворачиваться к бритунийцу, но двигался все медленнее. Прежде чем он сделал полный оборот, ноги его подкосились — и паук рухнул на мраморные ступени, из ран его обильно текла липкая жидкость. Его раскинутые лапы еще шевелились, но судороги их затихали. Зац был мертв.

Катигерн обхватил Конана за плечи.

— Хвала всем богам, ты подоспел вовремя! Захочешь стать лейтенантом в моем отряде, скажи лишь слово.

— Я подумаю, — кашляя, ответил Конан.

К ним подошел другой бритуниец:

— Капитан, жрец Динак просит, чтобы мы помогли потушить пожар.

Узнав, что паук мертв, жители города начали скапливаться на площади перед храмом. Горожане высыпали из домов — кто в ночном халате, кто в

торопливо натянутой рабочей одеждe. Жрецы руководили борьбой с огнем. Густой маслянистый дым продолжал вырываться из дверей храма.

— Держи! — крикнул Катигерн Конану, сунув ему ведро. — Становись в цепь!

Конан хотел было уже зайти к себе в кузницу, собрать пожитки и отряхнуть пыль Йезуда со своих ног. Храм Заца был пристанищем зла, как никакой другой из заморийских храмов. Конан был равнодушен к его архитектурным красотам, и чем больше служителей злого божества погибнет в огне, тем лучше. Если уж ему не удалось похоронить Рудабе, горящий храм будет для нее подходящим погребальным костром. С ее смертью в Йезуде не осталось никого, чья судьба беспокоила бы Конана.

И все же это не было правдой. Капитан Катигерн стал ему товарищем, и каждый из них спас другому жизнь. Если бритунийцам приходится сражаться с огнем, Конан обязан помочь им.

Небо побледнело: близился рассвет. Но вдруг оно начало хмуриться. Небольшое, но очень темное облако повисло над Йезудом. Вспышки молний одна за другой освещали купол, за ними следовали оглушительные раскаты грома. Начался ливень, да такой сильный, какого Конан прежде не видывал. Киммерийцу казалось, что он стоит под водопадом.

Конан, заняв место в цепи, под хлещущим в лицо ливнем размеренно передавал ведра туда и обратно. Ведра наполнялись водой из фонтана на площади и передавались по цепи в храм.

С оглушительным грохотом центральный купол содрогнулся и рухнул. Облако искр, дыма и пыли поднялось из зияющей ямы, в нее хлынул дождь. Понемногу, усилиями людей и благодаря дождю, пламя затухало, оно отступило к святилищу.

Жители Йезуда все еще боролись с огнем, но Конан, увидев, что солнце уже тронуло алой краской предрассветные облака, потихоньку покинул площадь. Вскоре он, в чистой одежде и сапогах, появился в конюшне, держа на одном плече седло, а на другом — завернутые в одеяло пожитки. Молодой флегматичный конюх Яздан спросил:

— Зачем ты пришел, достопочтенный Ниал? Разве твой конь не убит?

— Да, один убит, — буркнул Конан, идя вдоль ряда стойл туда, где помещался Эджил. — Но этот тоже мой.

— Что?! — воскликнул Яздан. — Да ты, должно быть, бредишь. Этот норовистый жеребец принадлежит храму, его купил в дальних землях викарий Харпагус.

— Не купил, а украл у меня! — рявкнул Конан. — Отойди, а не то пожалеешь!

— Нет, да проклянет Зац... — Юноша расставил руки, загораживая проход.

— Что ж, сам виноват, — проворчал Конан, кладя на пол седло и сверток. — А ну-ка!

Он поднял брыкающегося и молотящего кулаками воздух Яздана и швырнул его о стену. Конюх без чувств сполз на пол.

Через минуту Конан уже выводил оседланного Эджила из конюшни. Конь радостно ржал и пританцовывал, довольный, что его старый хозяин опять с ним.

Конан заглянул к Бардейку, чтобы запастись провизией: сухарями, сушеным мясом, пивом, которое было налито в кожаную бутыль. Он уже отсчитывал монеты зевающему Бардеку, которого поднял из постели в этот ранний час, когда вдруг услышал знакомый голос.

— Ах, вот ты где! А я-то думаю, куда ты пропал? — Перед ним стоял капитан Катигерн — перепачканный сажей, с рукой на перевязи. — Судя по узлу с пожитками, ты оставляешь нас.

— Да, — сказал Конан. — Поищу счастья где-нибудь в другом месте. Что у тебя с рукой?

— На меня упала балка. Наверное, перелом. Как только освобожусь, пойду к костоправу. Пламя почти погашено, и я передал командование Гвотелину.

— Храм сильно поврежден?

— Святилище превратилось в неописуемое месиво: балки рухнули, разбив эту проклятую статую паука на тысячу кусков. Но в остальном повреждения незначительные. Здание сложено из камня, и масло перестало течь из трубы: наверное, озерцо, из которого оно текло, обмелело досуха.

— С культом Заца покончено?

— Митра! Нет!.. Они уже поговаривают о ремонте. Думаю, Верховным Жрецом изберут Дариуса: это он вызвал ливень, чтобы погасить пламя. Мастерам вроде тебя найдется дело.

— Не сомневаюсь, но у меня другие планы.

Конан подумал, что, если опаловые глаза Заца не разбились при падении купола, они наверняка переплавились от жара в кусочки белого простого камня. Что ж, решил киммериец, если уж кража не удалась, пусть они никому не достанутся.

— Дело твое, — сказал Катигерн. — Этот черный жеребец — точная копия одной храмовой лошади.

— Эджил принадлежит мне, — отрубил Конан. — Когда-нибудь я

расскажу тебе, как Харпагус украл его у меня. Если не веришь, могу показать, как слушается он моего голоса.

— Я не собираюсь спорить, — заметил Катигерн. — С новым Верховным Жрецом, надо надеяться, больше не будет чудовищных пауков в подземелье.

— Где Феридун взял этого?

Катигерн пожал плечами — и поморщился от боли в руке.

— Не знаю. Наверное, такие обитали в древние времена, а может быть, при помощи чар он вывел его из обыкновенного тарантула.

— Где же викарий?

— Харпагус все еще безумен, а Мирзес мертв. Мы нашли его в святилище — очевидно, он задохнулся от дыма.

— Отлично! — буркнул киммериец.

Катигерн проницательно взглянул на киммерийца:

— Да, вспомнил. Один из моих ребят клянется, что видел, как ты выскочил из святилища, преследуемый пауком, но не видел, как ты туда входил. Связано ли твое тайное посещение храма с гибелью Мирзеса?

— Возможно, — ответил Конан. — Но тебе следует знать еще кое-что. — И Конан рассказал Катигерну о пещере с детьми Заца. — Паук, наверное, сделал кладку яиц, после того как Феридун поместил его в подземелье. Если бы король не принял его условий, Феридун напустил бы на Замору полчище гигантских пауков. Наверное, они предполагали осушить водоем в пещере, чтобы дети Заца выбрались из подземелья и рассеялись по стране.

Катигерн присвистнул:

— Значит, это была паучиха, хотя они считают Заца мужским божеством! А эти твари все еще там?

— Да, если не сварились в пылающем потоке нефти, устремившемся по коридору. Наверное, так и случилось, а иначе они бы выбрались наружу вслед за большим пауком.

— Надо взглянуть, — задумался бритунец. — Ты можешь показать мне вход в пещеру?

Конан покачал головой:

— Он где-то в близлежащих холмах, но на поиски ушло бы не менее месяца. Лучше спуститься в подземелье через люк, как это сделал я.

Катигерн поежился.

— Что ж, я поведу туда своих парней с пиками и факелами, чтобы убедиться, что эти проклятые твари и в самом деле мертвы! — пробормотал он. — Феридун был по-своему честен, но да спасут меня боги

от фанатиков!

— Мне говорили, что он обладает властью над животными, — сказал Конан, зевнув во весь рот, — вместо паука он мог бы натравить на заморийцев волков, львов или орлов. Ну, пора ехать.

Катигерн проводил Конана до дверей:

— Осталось множество загадок, и жрецы хотят, чтобы я расследовал их. Но я не желаю ничего выыптывать у человека, дважды спасшего меня и расстроившего безумную затею Феридуна.

Конан сжал здоровую руку Катигерна и стал было уже отвязывать коня, как вдруг заметил бочку с нефтью для ламп, стоявшую за углом гостиницы.

Конан оставил коня и открыл дверь.

— Мандана! — позвал он.

— Да? — Дочь хозяина выглянула из кухни, вытирая руки передником.

— Прощай, дружище, — обратился Конан к капитану. — Мне надо перемолвиться с девушки словечком наедине.

Катигерн, плотоядно усмехнувшись, вошел в таверну.

— Мандана, ты не могла бы выйти сюда? — крикнул Конан. — На два слова.

Неверно истолковав зловещую улыбку Конана, девушка поспешила выйти к нему и, жеманничая, спросила:

— Тебе уже надоела эта костлявая потаскушка из храма?

— С ней мы уже не увидимся, — отрезал Конан. — Харпагус, до того как сойти с ума, говорил мне, что ты донесла ему о посещении Рудабе вашей таверны.

— Ну и что такого я сделала? Она, нарушив правила храма, явилась сюда, чтобы отбивать у меня клиентов. Как же быть, если видишь такое нечестное соперничество?

Конан понимающе кивнул.

— Я тебе кое-что покажу. — Отступив к бочке, он поднял крышку. — Прямо сейчас. — Обняв Мандану за талию, он подхватил ее на руки.

— Ниал! — воскликнула Мандана. — Прямо здесь, в грязи! Вы, варвары, так нетерпеливы! У меня наверху прекрасная спальня...

— Сойдет! — хмыкнул Конан. Держа на руках смеющуюся Мандану, он наклонил ее над бочкой и окунул ее длинные пышные волосы в нефть.

Сделал он это так быстро и четко, что Мандана ничего не сообразила, пока ее макушка не окунулась в вязкую черную жидкость. От неожиданности девушка вскрикнула.

В одну минуту Конан снова поставил ее на ноги. Мандана так и

застыла, пока нефть стекала вниз по ее пухлым розовым щекам. Поднеся руки к волосам, слипшимся в жесткие черные жгуты, и увидев черные следы на ладонях, Мандана пронзительно завизжала.

— Достойная награда за болтовню, — заключил Конан. — До тех пор пока отрастут новые волосы, ты, возможно, научишься не соваться в чужие дела.

Конан отвязал коня и вскочил в седло. Слыши за собой крики: «Я тебя ненавижу! Ненавижу!», он пустился рысью по дороге на Шадизар.

* * *

Съехав от Йезуда к узкому горному ущелью, Конан миновал Каширой и выбрался на широкие пространства центральной Заморы. Солнце только миновало зенит, когда Конан, натянув поводья, остановил коня на крутом подъеме, откуда был виден весь путь, который он только что проделал. Позевывая, Конан достал куриную ножку и сухарь из седельной сумы и сел, скрестив ноги на землю, чтобы позавтракать. Эджил, с волочащимися поводьями, пощипывал придорожную траву. Сон одолевал Конана, но он не решался отдохнуть, потому что еще недостаточно далеко отъехал от Йезуда.

Вдруг воздух перед ним заколебался, закрутив небольшой столб пыли. Пыль рассеялась, и Конан увидел стигийца Псамитеха, с треножником, на котором была укреплена дымящаяся жаровня. Пока Конан взирал на стигийца с изумлением, чародей наклонился и поставил треножник на землю. Он делал над ним пассы, гортанно напевая; слов заклинания Конан не понимал.

— Какого демона? — воскликнул Конан, вскакивая и хватаясь за рукоять меча. — Клянусь Кромом, на этот раз...

Пока он говорил, Псамитех прошептал какое-то слово. Дым над жаровней тут же сгустился в плотную извивающуюся ленту.

С чуть заметным жестом стигиец прошептал еще одно слово — и голубая лента дыма обвилась вокруг Конана, словно змея. Кольца ее стискивали киммерийца наподобие питоних, прижав к телу руку с наполовину вытащенным клинком. Одно из колец обвило его горло и скималось, не давая дышать.

Конан бился, пока изо рта не показалась пена. Левой рукой он пытался освободить горло, мускулы от напряжения бугрились под его туникой. Лента на ощупь оказывалась гладкой, упругой, живой — наподобие угря, только не влажная.

Конан протиснул большой палец меж нею и своей шеей, оцарапав себе ногтем кожу, и оттянул ленту от горла настолько, чтобы хоть как-то дышать, но кольцо сжалось, словно стальное. Лицо Конана побагровело. Вены вздулись так, что, казалось, вот-вот лопнут

Псамитек холодно улыбался.

— Я обещал, что поближе познакомлю тебя со своим искусством. За твою голову я получу солидное вознаграждение. Мне не придется делить его с этим дикарем туранцем. У меня будет лучшая в Стигии библиотека оккультных наук!

Конан попытался перекусить петлю, но не мог достать ее зубами. Кинжал тоже нельзя было достать, так как он был прижат к туловищу одним из голубых колец. Конан слышал, как позади него топчется жеребец, настороженно наблюдая за тем, что происходит.

При виде отчаянной, но бесплодной борьбы Конана Псамитек ядовито рассмеялся.

— Это, — промурлыкал он, — доставляет мне большее удовольствие, чем бои гладиаторов в Аргосе!

Все потемнело и поплыло перед глазами Конана. Последним отчаянным рывком он оттянул голубую петлю от горла и прохрипел:

— Эджил! Убей его!

Фыркнув, отлично обученный боевой конь промчался мимо Конана и взвился над Псамитеком. Испуганный стигиец широко открытыми глазами взглянул на нежданно явившуюся помеху. И тут же одно из копыт Эджила опустилось на его бритый череп, треснувши под ударом.

Магическая лента немедленно растаяла, и дым развеялся по ветру. Конан глубоко вздохнул, набрав полные легкие воздуха.

Придя в себя, киммериец выпрямился и нетвердо шагнул к лежащему на земле Псамитеку. Вытащив кошелек стигийца, он обнаружил там множество золотых монет, а также маленький пергаментный свиток с письмом Тугрила. Деньги Конан пересыпал к себе в кошелек.

Взглянув на свиток, он попытался разобрать его витиеватые письмена. Не годится, подумал киммериец, оставлять подобный документ. Кто-нибудь доберется до сути и, подобно Псамитеку, соблазнится наградой за его, Конана, голову.

Конан, наклонившись, подул на слабо курящийся в жаровне дымок: треножник как стоял, так и продолжал стоять на прежнем месте. Раздув пламя, Конан опустил край свитка в жаровню и подождал, пока пергамент займется огнем. Он держал свиток, поворачивая его над углями. Загадочные письмена заалели — и исчезли. Вскоре свиток превратился в

золу.

Конан вскочил в седло и галопом поскакал прочь. Тело стигийца он оставил на съедение гиенам.